Guak, ili,
Nepreoborimaia

Moskva

1875

Reel: 52 Title: 8

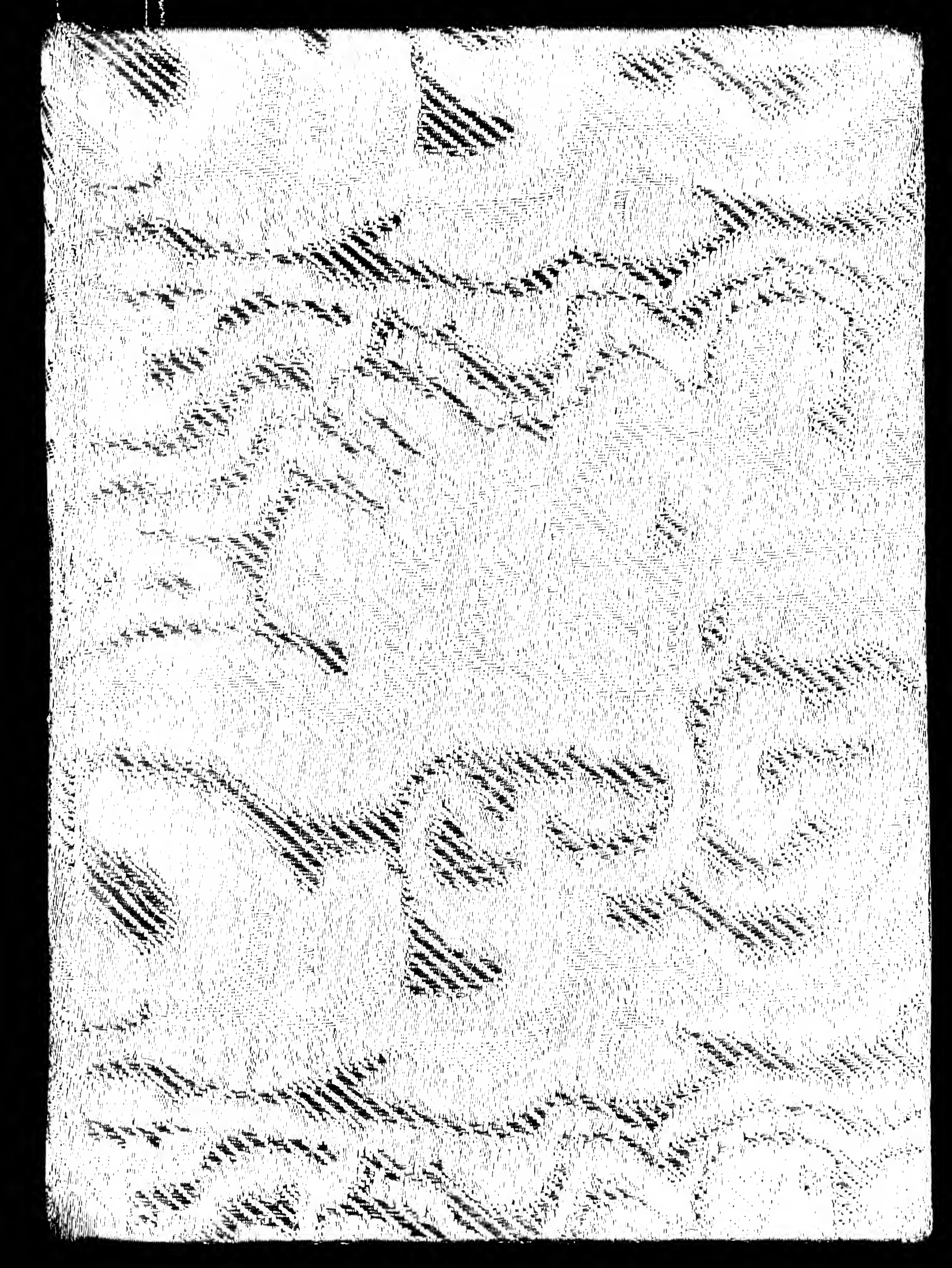
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

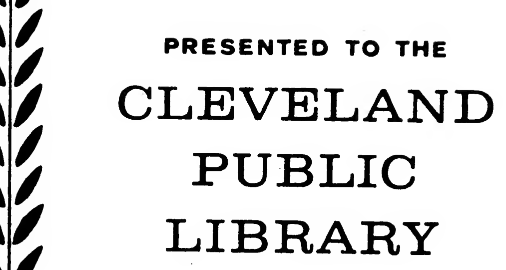
RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCl00052.08

Control Number: BGM-5731
OCLC Number : 24887990
Call Number : W 381.5917N G931
Title : Guak, ili, Nepreoborimaia viernost': rytsarskaia poviest': v dvukh chastiakh.
Edition : Izd. 3.
Imprint : Moskva : Izdanie Morozova, 1875.
Format : 144 p. ; 18 cm.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-31-94
Camera Operator: CS

ГУАКЪ

или

НЕПРЕОБОРИМАЯ ВѢРНОСТЬ.

РЫЦАРСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Въ двухъ частяхъ.

Изданіе третье.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА МОРОЗОВА
1875

Дозволено Цензурой, Москва 8 Февраля 1875 г

Тип. В. Я. Барбей. Мясницкая, Георгіевскій пер.
домъ Воейковой.

ГУАКЪ

или

НЕПРЕОБОРИМАЯ ВѢРНОСТЬ.

РЫЦАРСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Зилагонъ, владѣтельный Князь Американской Флориды, былъ тотъ великій и славный мужъ, который значительно распространилъ свои владѣнія, и сдѣлался страхомъ сосѣдственныхъ народовъ. Онъ былъ одаренъ превосходнымъ разумомъ, красивою наружностію, необычайною силою и мужествомъ; онъ, путешествуя по Греціи, Персіи, Индіи, Китаю, Японіи и Великой Бухаріи, столь усовершенствовался, что почитался величайшимъ мудрецомъ въ волшебной наукѣ, и заставилъ [illegible] многихъ чародѣевъ и волшебниковъ. Во [illegible] тешествія своего, повсюду прославился [illegible] скихъ и геройскихъ подвигахъ.

Зилагонъ, по десятилѣтнемъ своемъ пу[illegible] возвратясь въ свое отечество, нашелъ [illegible] самомъ жалостномъ положеніи: во время [illegible] ствія родитель скончался, и Флорида, [illegible] владѣтеля, подпала власти непріятеля — [illegible]

дарство было разрушено. Первое его дѣло было собрать малую часть войска Флоридскаго, которое, увидя своего законнаго владѣльца, подняло радостный крикъ, и рѣшилось или побѣдить, или умереть съ нимъ вмѣстѣ. Зилагонъ, предводительствуя симъ преданнымъ ему войскомъ, творитъ чудеса храбрости, разсѣваетъ полчища непріятельскія, изгоняетъ ихъ изъ предѣловъ своего отечества и совершенно очищаетъ Флориду отъ непріятелей, дерзнувшихъ завоевать оную.

Сей побѣдоносный Князь былъ первый распространитель Флоридскаго княжества; съ того времени получила Флорида, то цвѣтущее состояніе, которое поставило ее на ряду съ первѣйшими государствами въ свѣтѣ.

Зилагонъ принялъ, послѣ умерщвленнаго непріятелями, брата* своего, наслѣдственный престолъ княжества Флоридскаго. Первое попеченіе было отмстить смерть брата своего, и онъ поднялъ грозное оружіе брани. Канада первая почувствовала тягость его оружія и покорилась его могущей державѣ; послѣ сего двѣнадцать державъ покорились непобѣдимому и страшному Зилагону, и онъ, распространивъ предѣлы своего государства, вступилъ въ супружество съ дочерью Мексиканскаго Короля. На третій годъ, послѣ ихъ благополучнаго бракосочетанія, родился у нихъ сынъ, коего они назвали Гуалихомъ. Гуалихъ былъ второй Зилагонъ: прекрасенъ какъ майскій день, мужественъ какъ Геркулесъ, добръ и великодушенъ. Шестилѣтнее путешествіе Гуалиха было отблескомъ

его славы—всякій трепеталъ при его имени: злодѣй боялся наказанія, добродѣтельный съ благодарною слезою благословлялъ его въ душѣ своей.

Сей доблестный владѣтель былъ страшенъ врагамъ, вся Америка трепетала его и почитала Флоридское княжество въ числѣ непобѣдимыхъ державъ.

Гуалихъ, возстановилъ въ государствѣ своемъ тишину и спокойствіе, вознамѣрился украсить свою столицу великолѣпнымъ образомъ. Онъ приказалъ построить пространнѣйшій амфитеатръ изъ зеленаго и бѣлаго мрамора для рыцарскихъ съѣздовъ и звѣриной травли. Сей амфитеатръ сооруженъ былъ противъ самаго дворца княжескаго; пространство его было столь огромно, что удобно вмѣщало въ себѣ до 50.000 зрителей. Въ ономъ амфитеатрѣ подъ великолѣпными балдахинами 12 мѣстъ для пріѣзжающихъ владѣтельныхъ [illegible] торыя, будучи вызолочены чистымъ золотомъ, [illegible] вали, подобно 12 солнцамъ, блескъ свой; [illegible] оныхъ поставленный тронъ Гуалика [illegible] всякое вѣроятіе въ украшеніи:—повсюду [illegible] драгоцѣнные и рѣдчайшіе каменья. Въ [illegible] цати пяти истукановъ, окружавшихъ [illegible] и означавшихъ изображеніе древнихъ героевъ, [illegible] самыхъ вратахъ стоялъ одинъ огромностію [illegible] превосходящій прочихъ; онъ изображалъ [illegible] героя, взывавшагося Виретономъ. [illegible] въ одной рукѣ мечъ, а въ другой [illegible] немъ изображено было [illegible]

«Кто побѣдителемъ изъ рыцарей явится.
«И мужествомъ своимъ межъ прочихъ отличится,
«Тотъ будетъ нарečенъ второй отъ всѣхъ Вирстонъ
«И пышныхъ сверхъ даровъ, здѣсь честь получитъ онъ!

Вотъ что отличало Флориду отъ прочихъ государствъ, и Гуалихъ первый поощрялъ, какъ своихъ подданныхъ, такъ и другихъ славныхъ рыцарей, пріѣзжающихъ въ его государство для ратоборства, ибо онъ былъ страстный охотникъ до рыцарскихъ поединковъ.

Чегожь еще не доставало къ благополучію Гуалиха? Онъ еще не имѣлъ супруги, и подданныя его не отступно просили, дабы непресѣкся съ его смертію славный родъ, вступить въ супружество. Князь Флоридскій рѣшается на сіе. Едва Американскіи владѣльцы услышали, что Гуалихъ желаетъ сочетаться бракомъ, то всѣ наперерывъ спѣшили своимъ посольствомъ въ княжество Флоридское, предлагая дочерей своихъ въ замужество князю Флориды; но Гуалихъ не взираетъ ни на славу, ни на высокость породы, ни на богатство: разумъ и красота,—вотъ предметы, на которые онъ устремлялъ свои желанія. Рефуда, дочь Африканскаго князя, одного изъ малоизвѣстныхъ владѣльцевъ Европейскихъ, соединяла въ себѣ всѣ достоинства, коихъ искалъ Гуалихъ. При совершеннѣйшей красотѣ, она имѣла превосходный разумъ, доброту души и превосходныя качества сердца. Княжна сія плѣнила сердце Гуалихово еще во время его путешествія по Европѣ; но онъ, въ то время, занимаясь болѣе дѣлами геройскими, и не думалъ о любви своей; когда-жъ онъ рѣшился

вступить въ бракъ, то прекрасная Рефуда была первый предметъ, на который онъ обратился. Немедля ни мало, пышное посольство отправляется въ княжество Африканско: съ предложенiемъ что Гуалихъ, князь Американской Флориды, желаетъ вступить въ родство съ княземъ, и требуетъ дочь его прекрасную Рефуду, себѣ въ супруги; владѣтель Африканскiй съ радостiю на сiе соглашается, и отправляетъ дочь свою съ великимъ приданымъ во Флориду.

На другой годъ послѣ бракосочетанiя, Рефуда родила сына, Флоридской области дала наслѣдника, того самаго героя, который въ исторiи будетъ первымъ дѣйствующимъ лицемъ.

Рожденiе князя, который названъ былъ Гуакомъ, торжествовано было великолѣпнѣйшимъ образомъ. Младенческiя лѣта сего князя протекли скоро.

Едва началъ онъ выходить изъ младенчества какъ Гуалихъ отдалъ его на попеченiе премудрымъ учителямъ и наставникамъ, которые все старанiе употребляли, чтобы поселить въ него знанiя, необходимо нужныя для сына самодержца. Хорошая память и необыкновенная по лѣтамъ его понятливость сократили время его ученiя, и онъ въ непродолжительномъ времени кончилъ съ величайшимъ успѣхомъ всѣ науки; но болѣе всѣхъ наукъ прилагалъ онъ старанiе къ наукѣ рыцарской.

Читая исторiи героевъ древности, онъ воспламенялся, и въ огненныхъ быстрыхъ глазахъ его блисталъ тотъ пламень, который онъ чувствовалъ

въ душѣ своей; мыслію его было—сравниться съ великими героями.

Гуакъ достигнувши юношескаго возраста, удивлялъ всѣхъ собою. Красота тѣла его соединена была съ красотою души его; разумъ имѣлъ удивительный и силу необыкновенную. Гуалихъ началъ его обучать дѣятельному рыцарству, и изъ всѣхъ его сверстниковъ, учившихся съ нимъ вмѣстѣ, ни одинъ не могъ превзойти его ни въ стрѣляніи изъ лука, ни въ дѣйствованіи проворностію мечемъ, ни въ борьбѣ, ни въ штурмованіи, ни въ конской ѣздѣ и ристаніи. Къ природному мужеству и силѣ Гуаку присоединялась необыкновенная смѣлость: онъ, еще будучи въ лѣтахъ юношескихъ, былъ уже героемъ, ибо тайнымъ образомъ и безъ позволенія родителей уѣзжалъ въ лѣсъ на охоту и убивалъ дикихъ звѣрей, мужество и храбрость необычайная. Никто совершенно не зналъ о семъ, кромѣ его дядьки, который былъ очевиднымъ свидѣтелемъ подвиговъ юнаго героя; но могло ли это долго таиться? Славная побѣда была одержана имъ надъ ужаснѣйшимъ и лютѣйшимъ крокодиломъ, жившимъ при устьѣ одной великой рѣки, впадающей въ море, разстояніемъ на три версты отъ столицы. Мужественъ и храбръ былъ наслѣдный принцъ сей области.

Сія побѣда, одержанная Гуакомъ, для приморскихъ жителей была не что иное, какъ особенный даръ небесъ, потому что крокодилъ умерщвлялъ всѣхъ приближавшихся къ мѣсту его обиталища, и мѣсто сіе сдѣлалось весьма опаснымъ не только

я сосѣдственныхъ жителей, но равнымъ образомъ я прохожихъ и проѣзжающихъ.

Юный принцъ Флоридскій умертвилъ крокодила лѣдующимъ образомъ: однажды прогуливался онъ ъ однимъ только дядькою при устьѣ рѣки; вдругъ зъ оной выскакиваетъ ужасное чудовище и бросается на Гуака, разверши свою ужасную пасть, чтобы поглотить его; онъ видя сего опаснаго непріятеля, съ великимъ проворствомъ извлекаетъ мечъ свой и вступаетъ въ бой съ крокодиломъ— частіе при самомъ началѣ послужило Гуаку: онъ мечемъ своимъ однимъ разомъ отсѣкъ обѣ передя лапы чѣмъ и сдѣлалъ его неспособнымъ близко ъ себѣ приближаться; потомъ, тремя ядовитыми трѣлами пронзилъ его, и наконецъ, поданнымъ дькою его копьемъ, сильно ударивъ въ развервую пасть, закололъ его до смерти.

Пастухъ, не въ дальнемъ разстояніи находившійся, видѣлъ сраженіе Гуака съ крокодиломъ, но два онъ умертвилъ сіе ужасное чудовище, какъ видѣлъ себя окруженнымъ множествомъ окрестыхъ жителей, произносящихъ крики радости и осхищенія; когда же юный герой ударомъ меча своего отдѣлилъ отъ тѣла крокодилова страшную его голову, то всѣ съ восторгами благодарности поздравляли его съ важною побѣдою [illegible] цѣловали полы Гуакова платья, приносили благодаренія что храбростію и мужествомъ младаго князя своего избавились несчастія и бѣдствій.

Съ торжествомъ входитъ Гуакъ въ столицу. [illegible] одъ, увидя голову крокодилову, воткнутую на [illegible]

и узнавши, кто побѣдилъ страшнаго звѣря, съ великами криками радости окружаетъ народъ юнаго князя и до самыхъ воротъ княжескаго дворца провожалъ его. Слухъ о побѣдѣ доходитъ до ушей самаго князя Гualиха, который выслалъ всѣхъ своихъ придворныхъ для встрѣчи любезнаго сына своего—съ поздравленіемъ его съ побѣдою.—Какъ Гуакъ вступилъ въ покои княжескіе и увидѣлъ отца своего, то вдругъ упадаетъ предъ нимъ на колѣни и проситъ прощенія, что онъ, безъ позволенія родительскаго, дерзнулъ вступить въ бой съ ужасньмъ чудовищемъ. Гуалихъ и Рефуда, видя его покорность. простираютъ къ нему свои объятія и, прижимаютъ къ родительскому сердцу. Для такой радости Гуалихъ сдѣлалъ во дворцѣ своемъ великолѣпное торжество.

Что же касается до рыцарскихъ потѣхъ, то юный князь столь въ оныхъ усовершенстьовался что ни одинъ изъ его сверстниковъ не осмѣлился оспоривать у него первенства. ибо сила его была необычайна, быстрота и проворство неимовѣрны. Всѣ Флоридцы въ одинъ голосъ говорили: если нашъ юный князь придетъ въ лѣта совершенныя, то слава мужества его и геройства промчится въ страны отдаленныя и со временемъ всѣхъ прежнихъ героевъ помрачитъ собою.

Хотя рыцарей и избранныхъ богатырей было 12 человѣкъ и частые поединки, сраженія, со звѣрями и другія рыцарскія потѣхи не преставали въ государствѣ Флоридскомъ, но сіе не могло довольно принести удовольствія Гуаку; однообразность сихъ

занятій скоро наскучила ему, ибо онъ видѣлъ все однѣ лица, одинаковую храбрость одинаковое искусство, и потому рѣшился просить родителя своего сдѣлать публичное ристалище и разослать гонцовъ во всѣ четыре части свѣта для созванія храбрыхъ рыцарей и ратоборцевъ. Гуалихъ, чрезмѣрно любя своего сына не отказалъ ему—немедлено отправилъ въ Европу, Азію Африку и Америку съ грамотами, состоящими въ слѣдующихъ словахъ:

«Гуалихъ, князь Флоридскій, повѣлитель двѣнадцати земель здравія желаетъ.

«Подобнымъ мнѣ державцамъ и всѣмъ находящимся рыцарямъ объявляю объ имѣющихся быть въ столицѣ моей рыцарскимъ потѣхахъ и поединкахъ. Прошу посѣтить Флориду всѣхъ кои пожелаютъ оказать свое мужество и геройство

Гуалихъ».

Когда приближалось время, назначенное для съѣзда знатнѣйшихъ владѣльцевъ и рыцарей, князь Флоридскій три дня сряду принималъ славныхъ рыцарей и героевъ; по окончаніи всего онаго назначенъ былъ день публичнаго съѣзда для рыцарскихъ увеселеній.

День назначенный Флоридскимъ государемъ, наступилъ. По утру, по приказанію Гуалиха, выступила вся его гвардія и расположилась въ должномъ порядкѣ вокругъ амфитеатра. Потомъ украшены были распорядителемъ мѣста, какъ для своего князя, такъ и 12 пріѣзжихъ владѣльцевъ и прочихъ рыцарей. По приуготовленіи начали туда съѣзжа-

ся храбрые, сильные богатыри и владѣтельныя особы; народъ занялъ кровли и всѣ улицы, по коимъ должно проѣзжать Гуалиху, и тѣснился около амфитеатра. Когда все было уже готово, то всѣ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали прибытія Князя Флоридскаго съ его сыномъ и со всѣмъ дворомъ.

Впереди шли тѣлохранители Княжескіе въ числѣ 60 человѣкъ, въ блистающихъ доспѣхахъ и вызолоченныхъ шлемахъ; за ними слѣдовала огромная, придворная музыка за музыкою, подъ великолѣпнымъ золотымъ балдахиномъ, ѣхалъ Гуалихъ, окруженный своею свитою и 12-ю богатырями. Золото и дрaгоцѣнные каменья ослѣпляли зрѣніе.

Ежели 12 Флоридскихъ богатырей служили удивленіемъ по драгоцѣнности ихъ убора, то какъ изобразить перомъ то украшеніе, которое имѣлъ Гуалихъ, самодержецъ Золотой Флориды? Сей государь сидѣлъ на прекраснѣйшей Персидской лошади, которой уборъ состоялъ изъ бѣлой парчи; узда и мунштукъ были изъ чистаго золота, унизанные зелеными изумрудами; сѣдло и чапракъ осыпаны яхонтами, перемѣшанными съ бирюзою, по обѣимъ сторонамъ чепрака висѣли кисти, состоявшія изъ крупнаго жемчуга и алмазовъ; на самомъ Гуалихѣ были латы изъ слоновой кости; на груди было полукружіе, осыпанное крупнѣйшими бриллiантами, въ которомъ находилось изображеніе Зилагона, отца его и распространителя Флориды; при бедрѣ висѣлъ мечь въ крокодиловыхъ, бриліантами осыпанныхъ, ножнахъ; на пле-

чахъ висѣлъ лукъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, съ золотою насѣчкою и колчанъ, наполненный стрѣлами; на головѣ находилася Княжеская шапка, съ боку коей было перо изъ разноцвѣтныхъ камней. По правую сторону ѣхалъ сынъ его прекрасный и мужестве ный Гуакъ; не столько великолѣпіе убора его, сколько красивая наружность, привлекли къ нему невольно всѣхъ взоры; по лѣвую же руку—начальникъ тѣлохранителей Княжескихъ. Позади Флоридскаго Государя такая же музыка, какая находилась и предъ нимъ; наконецъ еще 60 человѣкъ тѣлохранителей заключали шествіе.

Когда же Гуалихъ, могущій и славный самодержецъ Золотой Флориды, вступилъ въ амфитеатръ, то великолѣпіе его столь удивило чужестранцевъ, что они невольно сошли съ мѣстъ, перешептываясь между собою: «Какое великолѣпіе! какая пышность? вкусъ и богатство соединились для удивленія здѣсь собравшихся.

Гуалихъ, по привѣтствіи собравшихся владѣтелей и рыцарей, сѣлъ на приготовленномъ для него [illegible]нѣ. — Гуакъ по правую сторону, а послѣ [illegible] всѣ заняли по чину и достоинству при[illegible]щія имъ мѣста. Гуалихъ махнулъ рукою и вдругъ раздался звукъ трубъ и литавръ; по окончаніи сего, герольдъ княжества Флоридскаго, вставши на возвышенное мѣсто, громогласно произнесъ начертанное въ свиткѣ статуи Вирстоновой.

«Кто побѣдителемъ изъ рыцарей явится
«И мужествомъ своимъ межъ прочихъ отличится.
«Тотъ будетъ нареченъ второй отъ всѣхъ Вирстонъ
«И пышныхъ сверхъ даровъ здѣсь честь получитъ онъ!

Лишъ только герольдъ произнесъ слова сіи, то выведенъ былъ привязанный на цѣпяхъ ужасный левъ, какой только находился въ звѣринцахъ Флоридскихъ; ужасные его кохти могли растерзать всякаго и съ конемъ, дерзнувшаго сразиться съ нимъ; когда онъ разверзалъ пасть свою, то тамъ видны были два ряда зубовъ, похожихъ болѣе на серпы, нежели па зубы, страшный ревъ его раздавался по всему амфитеатру и приводилъ всѣхъ въ ужасъ.

По приказанію Флоридскаго Князя, одинъ изъ 12-ти его богатырей вынимаетъ изъ деревяннаго, серебромъ окованнаго, ящика лукъ съ насѣчкою червоннаго золота, и колчанъ, наполненный стрѣлами, кладетъ оный на столъ, покрытый жемчужнымъ ковромъ, на которомъ стояло золотое изваяніе Вирстона.

Тогда герольдъ громкимъ голосомъ произнесъ слѣдующее: «Если кто изъ сего собранія храбрыхъ мужей, взявъ Немвродовъ лукъ, натянетъ его, и пустивъ изъ него стрѣлу, поразитъ сего ужаснаго льва, таковый стрѣлецъ получитъ отъ Гуалиха драгоцѣннѣйшіе подарки и чинъ Верховнаго Министра».

Едва кончилъ герольдъ слова сіи, то вдругъ является нѣкоторый Американскій рыцарь, имѣющій шлемъ золотой съ жемчужнымъ перомъ; стальныя латы покрывали его: на нихъ изображенъ былъ

черный орелъ; онъ подошелъ къ трону Флоридскаго Государя просить позволенія испытать силу свою надъ симъ чудеснымъ лукомъ, и, получивъ оное подходитъ къ столу, беретъ лукъ и начинаетъ его натягивать. Но какія онъ ни дѣлалъ усилія, сколько ни старался, не могъ никакимъ образомъ натянуть оный, и только своими тѣлодвиженіями причинялъ смѣхъ между зрителями, и такъ принужденъ онъ былъ со стыдомъ возвратиться на свое мѣсто. Слѣдовавшій за онымъ рыцарь не удачнѣе перваго свершилъ подвигъ свой только лишь натеръ мозоли, усиливаясь натянуть, лукъ Немврода несоразмѣрный его силамъ, и онъ подобно первому, ничего не сдѣлавъ, возвратился на свое мѣсто. Весьма многіе старались и прилагали всевозможныя усилія, дабы хотя нѣсколько натянуть крѣпкій Немвродовъ лукъ но ни одного не выпокалосъ.

Наконецъ выходитъ на сцену одинъ рыцарь, украшенный Княжескими отличіями; онъ очень примѣтно отличался отъ прочихъ — ростъ имѣлъ почти гигантскій и соразмѣрный во всѣхъ частяхъ его тѣла; стальной, какъ зеркало, свѣтлый панцырь блисталъ на немъ, на ономъ полукружіе осыпано было зеленымъ изумрудомъ, въ серединѣ коихъ находился серебрянный слонъ, хоботомъ своимъ вырывающій съ корнемъ великое дерево съ надписью: *Не все тѣло способно къ великимъ дѣламъ.* Голова его украшена была золотымъ шлемомъ, въ рединѣ коего находился пукъ перьевъ Амазонскихъ попугаевъ; сабля необыкновенной величины унизана была крупнымъ жемчугомъ, а ефесъ оной

состоялъ изъ цѣльнаго сапфира. Сей знаменитый по виду воинъ подошелъ къ трону Флоридскаго Государя и, поклонившись ему, сказалъ слѣдующее:

«Ваша Свѣтлость; щедрость вашихъ подарковъ и снисходительная благосклонность воспламеняютъ мужество и влекутъ меня къ подвигамъ геройскимъ». Гуалихъ спросилъ его о родѣ, отечествѣ и имени, на что сей чужестранецъ отвѣчалъ:

«Государь! я владѣтельный Князь Индѣйскихъ Восточныхъ Арабовъ; что же принадлежитъ до охоты мой рыцарскихъ поединковъ и смертныхъ сраженій, я называюсь богатыремъ Великосиломъ. Будучи на пути и услышавъ о вашемъ посольствѣ въ различныя государства для съѣзда рыцарей и богатырей, прибылъ я сюда испытать своей силы съ прибывшими изъ различныхъ странъ витязями; почему и прошу Вашу Свѣтлость дозволить мнѣ предпринять тотъ же самый опытъ, коимъ доселѣ пользовались. Впрочемъ, хотя и изнемогу въ натягиваніи лука, покрайней мѣрѣ покажу мою отважность, и безсиліе мое не принесетъ никакого поношенія, потому что я не тотъ самый Немвродъ, который владѣлъ симъ славнымъ оружіемъ».

Кончивъ слова сіи, Великосилъ сталъ предъ Гуалихомъ съ видомъ величественнымъ. Государь Флоридскій и сынъ его удивлялись сему герою, и надѣялись, что сей мощный и сильный богатырь натянетъ лукъ, и, пустивъ стрѣлу умертвитъ льва. Едва Гуалихъ согласился на желаніе Великосилово, какъ онъ съ поспѣшностью подступаетъ къ

луку Немвродову, береть его совсѣмъ другимъ образомъ предъ прочими, то есть, соединяетъ искусство съ силою, накладываетъ на него стрѣлу, натягиваетъ его нѣсколько; но при всемъ томъ не могъ совершенно спустить стрѣлы и убить звѣря. Весьма многіе сожалѣли о неудачѣ сего Арабскаго владѣльца, ибо его видъ, поступки и разговоры многихъ предупредили въ его пользу.

И такъ оружіе древняго Немврода и надъ Великосиломъ одержало побѣду; и когда ни одинъ человѣкъ изъ собранія не подходилъ уже болѣе къ луку Немвродову, тогда юный Гуакъ сходитъ съ своего мѣста, приближается къ трону своего родителя и говоритъ.

«Дражайшій родитель! твоя горячая любовь, твое нѣжное отеческое сердце довольно имѣютъ силы возжечь въ сынѣ твоемъ духъ мужества и смѣлости, дозволь сыну твоему испытать крѣпость силъ своихъ надъ тѣмъ оружіемъ, коимъ дѣдъ мой Зилагонъ расширилъ предѣлы нашего отечества, поразилъ многихъ противниковъ и заставилъ трепетать его могущества страны отдаленныя,—коимъ вы, родитель мой истребляли враговъ своихъ и содѣлались по всюду страшнымъ и непобѣдимымъ».

Смѣлая рѣшимость юнаго Князя удивляетъ не только Гуалиха, но и всѣхъ чужестранцевъ, и Гуакъ, получивши позволеніе, поспѣшаетъ къ луку Немвродову, куда также многіе рыцари бросились; всѣ встали съ мѣстъ своихъ, и съ нетерпѣливостію обративъ взоры свои на то мѣсто, гдѣ Гуакъ хотѣлъ натягивать крѣпкій лукъ, [illegible]

какъ онъ совершитъ сей трудный подвигъ. Юный герой, взявши въ руки лукъ, сказалъ Великосилу, стоявшему близь него.

«Не удивляйтесь, что вы не имѣли удачи—надобно знать, какъ употреблять сей лукъ. Вы, не зная его употребленія, гораздо болѣе моего заслуживаете похвалу. Съ сими словами тотчасъ беретъ стрѣлу, накладываетъ ее на тетиву, натягиваетъ лукъ и пустивъ съ великою силою стрѣлу, умерщвляетъ льва. Едва Гуакъ умертвилъ звѣря, воздухъ наполняется криками удивленія и восхищенія, повсюду слышны были одни только слова: «слава юному герою! слава Гуаку! Какой рыцарь можетъ сравниться съ нимъ....

Гуакъ возвратился на свое мѣсто и, по отданіи отцу своему должнаго поклона, получивъ награжденіе, опредѣленное тому, кто натянетъ лукъ Немвродовъ и убьетъ звѣря. Симъ кончилось первое собраніе и опыты мужества и силы.

Гуалихъ встаетъ и приглашаетъ всѣхъ въ свой дворецъ; его шествіе было такимъ же порядкомъ, какимъ въѣхалъ въ амфитеатръ. При громѣ трубъ и литавръ, раздавались въ воздухѣ клики радостнаго народа: да здравствуетъ Гуалихъ! да здравствуетъ Гуакъ, возлюбленный сынъ его!—По прибытіи во дворецъ, тѣ которые трудились въ натягиваніе лука Немвродова, получили драгоцѣнные подарки. Прекрасный и вкусный обѣдъ заставилъ забыть продолжительные опыты надъ крѣпкимъ лукомъ Царя Вавилонскаго и всѣ гости разъѣха-

лись съ довольно сытыми желудками и кружащимися отъ княжескихъ винъ головами.

Чрезъ два дня послѣ сего, Гуалихъ опять проситъ всѣхъ чужестранцевъ посѣтить его амфитеатръ для подвиговъ и соревнованій.

Когда наполнился амфитеатръ храбрыми рыцарями, сильными богатырями и многочисленными зрителями, тогда явился и Князь Флоридскій съ сыномъ Гуакомъ. По занятіи мѣстъ герольдъ, какъ и прежде, сталъ на возвышенномъ мѣстѣ, и громогласно произнесъ слѣдующее: «Его свѣтлость, самодержавный Князь Золотой Флориды, желая раздѣлить свои увеселенія съ многонароднымъ собраніемъ владѣтельныхъ особъ, храбрыхъ витязей, могучихъ богатырей и различныхъ зрителей, повелѣваетъ теперь представить собранію травлю лютыхъ и свирѣпыхъ звѣрей, въ чемъ состоитъ главная его охота».

Едва только герольдъ кончилъ слова сіи то и началась звѣриная травля: начали спускать между собою биться дикихъ и свирѣпыхъ звѣрей, львовъ, тигровъ, барсовъ, вепрей и кабановъ; но сіе сраженіе не очень льстило рыцарямъ и богатырямъ, которые сами хотѣли показать свою силу и искусство; послѣ сей травли, герольдъ опять сталъ на возвышенность и произнесъ слѣдующее: «Теперь вызываются храбрые рыцари и могучіе богатыри для испытанія силъ своихъ надъ лютыми и свирѣпыми звѣрями—теперь не пустыми зрителями должны оставаться ищущія славы и отличной награды».

По произнесеніи герольдомъ сихъ словъ, является на средину одинъ изъ числа 12-ти богатырей Флоридскихъ, называемый Лукоперомъ, вооруженный слѣдующимъ образомъ: въ правой рукѣ имѣлъ онъ мечь, въ лѣвой копье, на поясѣ длинный кинжалъ. Противъ сего мужественнаго и храбраго героя выпущенъ былъ ужасной величины барсъ; по продолжительномъ сраженіи, Лукоперъ, изранивши противника своего во многихъ мѣстехъ, привелъ его въ безсиліе по причинѣ множества истекшей крови, но и самъ ослабѣвъ, едва не учинился добычею своего соперника, если бы счастіе не помогло умертвить его висѣвшимъ на поясѣ кинжаломъ, за что и получилъ достойное награжденіе. Послѣ онаго, другой Флоридскій богатырь одержалъ побѣду надъ большимъ медвѣдемъ; наконецъ многіе рыцари, какъ Флоридскіе, такъ и чужестранные, надъ множествомъ звѣрей одержали славныя побѣды, но нѣокторыя и сами равномѣрно подпали несчастному жребію, бывши растерзаны отъ звѣрей.

При концѣ сраженій, вывели на цѣпяхъ ужасной величины тигра—онъ ростомъ своимъ равнялся съ хорошею персидскою лошадью; сила его столь была велика, что 12 воиновъ едва могли удержать его. Взирая на сего ужаснѣйшаго звѣря, никто не осмѣлился вступить съ нимъ въ бой: очевидная опасность самыхъ даже смѣлыхъ привела въ робость; но ни изъ Флоридцевъ, ни изъ чужестранцевъ ни единый воинъ не показался на средину амфитеатра, гдѣ лютый тигръ, ревомъ своимъ

наполняя воздухъ, съ яростію грызъ цѣпи, сверкая налитыми кровью глазами

Гуалихъ, видя, что ни одинъ изъ рыцарей не выступаетъ противъ сего ужаснаго животнаго, приказалъ герольду превозгласить, что побѣдитель сего тигра получитъ особенное и отличное награжденіе; но и при семъ вызовѣ никто не отважился идти на явную смерть; и когда герольдъ, возвыся голосъ, хотѣлъ было еще въ другой разъ произнести тоже самое, какъ вдругъ является Великосилъ, одѣтый въ бранные доспѣхи: онъ держалъ въ одной рукѣ огромный мечь, а въ другой булатное съ золотою насѣчкою копье, подступаетъ величественно къ трону Гуалихову и говоритъ слѣдующее:

«Князь Флориды!—Что можетъ сравниться съ охотою и сильнымъ желаніемъ прославиться? Кто ищетъ славы, тотъ на вси рѣшается, все пренебрегаетъ—я бы не достоинъ былъ назваться героемъ и рыцаремъ, если бы, ври видѣ опасности, подобно малому ребенку, задрожалъ отъ страха; тѣмъ славнѣе побѣда, чѣмъ большія грозятъ опасности. Знайте, что не для обѣщанной награды вступаю въ бой съ симъ страшилищемъ, но единственно для своей славы».

Кончивъ слова сіи, опускаетъ наличникъ шлема и стремится къ яростному противнику. Тигръ, увидя Великосила, разсвирѣпѣлъ болѣе прежняго, и бросается на него съ яростію; но рыцарь, не допустивъ его до себя, поражаетъ въ грудь копьемъ столь сильно, что оное переламывается на нѣсколько частей; животное почувствовавъ силь-

ную рану пришло въ остервѣненіе, и Великосилъ, не имѣя на копье болѣе надежды, прибѣгаетъ къ помощи богатырскаго меча своего: тогда-то началось между ними такое сраженіе, что всѣ зрители съ удивленіемъ не спускали глазъ. Повсюду царствовало глухое молчаніе, прерываемое только ревомъ израненнаго тигра, кровь у него отовсюду лилась ручьями, и рыцарь не переставалъ ему наносить тягчайшіе удары. Но, по долговременной битвѣ, тигръ выбиваетъ мечь изъ рукъ Великосиловыхъ, онъ хотѣлъ было прибѣгнуть къ помощи остраго кинжала, но звѣрь сшибъ его съ ногъ и ухватилъ его зубами за шею; сколько не силился храбрый витязь вырваться сколько ни вертѣлся, но не могъ ничего учинить, — тигръ держалъ его крѣпко и готовился растерзать. Всѣ зрители невольнымъ образомъ восклицали, видя опасность, въ которой находился храбрый и неустрашимый Великосилъ; юный Гуа́къ, видя что уже рыцарю никакъ невозможно преодолѣть своего соперника, подобно молніи, бросается къ тому мѣсту, гдѣ происходитъ сраженіе, и однимъ ударомъ меча отдѣляетъ голову тигра отъ туловища. Великосилъ, видя въ младомъ Князѣ своего избавителя, благодаритъ его и говоритъ, что онъ пріобрѣтаетъ право на привязанность и любовь его. «Послѣдняя капля крови принадлежитъ тебѣ, великодушный избавитель»! продолжалъ Великосилъ, «вся жизнь моя посвящается для услугъ твоихъ; повелѣвай мною, какъ хочешь, ты вправѣ требовать отъ меня всего».

Гуакъ, обнимая Великосила, говоритъ ему: «любовь моя къ тебѣ, мужественный рыцарь, понудила учинить сіе; я тогда же почувствовалъ къ тебѣ мою привязанность, когда былъ свидѣтелемъ твоей силы въ натягиваніи Немвродова лука, и теперь въ удивительномъ сраженіи съ симъ обезглавленномъ мною тигромъ».

Между тѣмъ какъ Гуакъ возвращался на свое мѣсто, а Великосилъ несъ за нимъ срубленную голову, тигрову, всѣ зрителли рукоплесканіями своими наполняли воздухъ: «да здраствуетъ, восклицали они,—юный герой! да процвѣтетъ слава его и пронесется въ страны отдаленныя»!

Симъ кончилось увеселеніе, и Гуалихъ съ сыномъ своимъ, владѣтельными особами и прочими рыцарями слѣдовалъ во двовецъ, гдѣ сражавшіеся получили награжденье, а въ особенности Великосилъ за сраженіе свое съ тигромъ, прочіе же угощены быти наилучшимъ образомъ.

Чрезъ три дня послѣ сраженія съ звѣрями, назначено быть рыцарскимъ поединкамъ на всѣхъ оружіяхъ. Лишь только наступилъ тотъ день, то звукомъ трубъ и литавръ дано было знать всѣмъ рыцарямъ, что пайшло время съѣзжаться въ амфитеатръ для поединковъ; чрезъ нѣсколько времени наполнились мѣста множествомъ рыцарей и храбрыхъ богатырей; вторичный звукъ трубъ и литавръ далъ знать о прибытіи Князя Флоридскаго, его сына, прочихъ владѣтельныхъ особъ и двора Княжескаго. Когда всѣ заняли приличныя мѣста, то герольдъ, какъ и прежде, сталъ на возвышенномъ мѣстѣ и произнесъ слѣдующее:

«Храбрые витязи, могучіе богатыри и рыцари! теперь уже не въ сраженіи со звѣрями должны вы оказать свою силу, мужество, храбрость и искуство,—теперь должны испытывать себѣ подобными, и побѣдителю надъ всѣми предстоитъ достойнѣйшая награда; употребляйте все свое искусство и мужество для собственной своей славы! Воззрите на многочисленное собраніе, здѣсь собрались со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта ищущеі славы,—и побѣдитель надъ всѣми будетъ прославляемъ въ Европѣ, Азіи, Африки, и Америкѣ».

Едва герольдъ кончилъ, какъ выѣхалъ, на средину богатырь Флоридскій, называемый Лукоперъ; онъ сидѣлъ на прекрасной сивой лошади; латы на немъ были темноголубаго цвѣта, съ изображеніемъ солнца, съ надписью. *Поражаетъ слабое зрѣніе.* Шлемъ на немъ былъ вызолоченъ, съ зеленымъ изумруднымъ перомъ; мечь въ ножнахъ, осыпанный жемчугомъ, съ золотымъ эфесомъ; въ рукахъ онъ имѣлъ копье крѣпчайшей стали съ золотою насѣчькою. Отдавши наклоненіемъ копья должную честь Флоридскому Князю и сдѣлавъ нѣсколько оборотовъ на своей лошади весьма искуснымъ образомъ, началъ говорить слѣдующее:

«Кто желаетъ испытать своей силы со мною, васъ приглашаю, храбрые рыцари! явитесъ на средину, и опытъ докажетъ, кто сильнѣе и искуснѣе.» По мѣрѣ трудовъ, всякій получитъ и награжденіе.

По окончаніи словъ Лукоперовыхъ, выѣзжаетъ противъ его рыцарь на темнобуромъ жеребцѣ, въ

серебряныхъ латахъ, на срединѣ коихъ изображенъ былъ пламенный драконъ, съ надписью: *Жгу но не сожигаю.* Шлемъ на немъ былъ вороненой стали съ черными перьями: въ рукахъ своихъ онъ имѣлъ стальное копье.

По довольномъ съ обѣихъ сторонъ штурмованіи. ударяютъ они другъ друга копьями съ такою силою, что оружіе ихъ сокрушается, кони присѣдаютъ къ землѣ, и противникъ Лукоперовъ, не могши удержаться въ сѣдлѣ, падаетъ на землю. Лукоперъ, такъ какъ побѣдитель, остается опять и вызываетъ желающихъ съ нимъ сразиться. Молодой и прекрасный кавалеръ, вооруженный въ рыцарскіе доспѣхи на прекрасной чубарой лошади выѣзжаетъ противъ Лукопера. Сраженіе ихъ столь было жестоко, что копья ихъ разлетаются на мелкіе куски, кони падаютъ на колѣни и сами всадники едва удерживаются на сѣдлахъ. Лукоперъ отъ сего неудачнаго поединка пришелъ въ несказанную ярость. Оба соперника опять разъѣзжаются съ великою быстротою, и Лукоперъ столь сильно ударилъ Мальтійскаго кавалера, что вышибъ его изъ сѣдла, а самъ и не покачнулся. Послѣ Мальтійскаго рыцаря выѣхалъ противъ мужественнаго Лукопера Американскій рыцарь, въ голубыхъ доспѣхахъ; на груди его изображенъ былъ подсолнечникъ, съ надписью: *Куда солнце туда и я;* лошадь подъ нимъ была темносивой шерсти. Сей рыцарь имѣлъ участь худшую, нежели Мальтій[illegible] ибо, при первомъ съѣздѣ, Лукоперъ такъ [illegible] ударилъ его копьемъ, что вышибъ изъ [illegible]

лишилъ всѣхъ чувствъ. При третьемъ поединкѣ всѣ зрители съ рукоплесканіемъ выхваляли мужество Лукоперово. Сей витязь, оставивъ мѣсто единоборства, приступаетъ къ трону Гуалиха и, получивъ отъ него заслуженное награжденіе, потомъ возвращается за рѣшетку и занимаетъ между 12-ю Флоридскими богатырями свое мѣсто.

Другой богатырь Флоридскаго Князя, Миловидъ, выѣзжаетъ на средину амфитеатра; подъ нимъ была лошедь темногнѣдая въ яблокахъ; латы на немъ были лазореваго цвѣта; на груди у него было изображено на синемъ полѣ заходящее солнце, съ надписью: *Еще не совсѣмъ скрылось.* Противъ него выѣзжаетъ Индѣйскій рыцарь въ стальныхъ заржавѣлыхъ латахъ, среди коихъ былъ изображенъ ястребъ, гонящійся за голубемъ, съ надписью: *Не успокоюсь, доколѣ не достигну.* Когда они, разгорячивъ своихъ коней, съѣхались, то Миловидъ такъ сильно ударилъ Индѣйца копьемъ своимъ, что вышибъ его изъ сѣдла вонъ. Потомъ надъ двумя еще другими одержалъ значительную побѣду. Словомъ, всѣ 12 Флоридскихъ богатырей одержали значительныя побѣды надъ многими чужестранными рыцарями, и получили каждый изъ нихъ награжденія отъ Гуалиха.

Послѣ сего Лукоперъ опять является и вызываетъ желающихъ съ нимъ сразиться, но видя что никто противъ него не осмѣливается выѣхать, съ великою гордостію, разъѣзжая по кругу, началъ говорить слѣдующее: «Гдѣ же храбрые герои, пріѣхавшіе изъ дальнихъ странъ для ратоборства

Что же они медлятъ? Для чего не являются сюда для показанія силъ своихъ? Неужели одна только Флоридская область производитъ героевъ»?

Побѣда Лукопера надъ многими соперниками и его надмѣнность воспламенила мужество Великосилово: онъ является на прекраснѣйшемъ гнѣдомъ жеребцѣ Арабской породы; латы на немъ были вызолочены, среди коихъ на аломъ полѣ изображенъ былъ лавровый вѣнокъ съ надписью: *Побѣдителю*; шлемъ на немъ былъ изъ чешуи крокодиловой, съ перомъ изъ яхонтовъ и сапфировъ; на боку висѣлъ мечъ, коего ножны осыпаны сапфирами и рубинами; въ рукахъ имѣлъ онъ булатное копье съ золотою насѣчкою. Подъѣхавши къ трону Князя Флоридскаго и отдавши ему честь наклоненіемъ копья, онъ пустился къ тому мѣсту, гдѣ разъѣзжалъ надмѣнный Лукоперъ

«Постой хвалиться своими побѣдами, началъ Великосилъ говоритъ, оборотясь къ Лукоперу: знаешь ли ты, что конецъ вѣнчаетъ всѣ дѣла?... Будь увѣренъ, что и изъ чужестранныхъ рыцарей найдутся такіе, которые могутъ противустоять тебѣ; гордость твоя тебѣ же послужитъ во вредъ; и я употреблю всѣ свои силы, дабы наказать твою надмѣность. Ступай!»

По окончаніи словъ Великосилъ началъ разгорячать коня своего. Гуалихъ, сынъ его и вообще все собраніе обратили взоры свои и съ нетерпѣливостію ожидали, чѣмъ кончится единоборство двухъ героевъ. Разъѣхавшись на довольное пространство пустились другъ къ другу, какъ пу-

щенныя изъ лука стрѣлы, и, съѣхавшись, ударились копьями столь сильно, что у обоихъ разлѣтѣлись онѣ на мѣлкія части, кони ихъ упали на колѣни, и сильный Лукоперъ, не могши усидѣть отъ сильнаго Великосила удара, падаетъ къ ногамъ своей лошади, будучи лишенъ всѣхъ чувсствъ. Повсюду раздались рукоплесканія въ честь побѣдителя. Трудно изъяснить ту досаду и негодованіе, коимъ пораженъ былъ Лукоперъ: видя пораженнымъ себя и побѣжденнымъ, онъ съ досады заскрипѣлъ зубами, и, кажется, все-бы на свѣтѣ отдалъ, если бы могъ побѣдить своего противника. Великосилъ, низвергнувъ Лукопера, слѣзаетъ съ своего коня и подходитъ къ трону Князя Флоридскаго. Державный Гуалихъ, говоритъ онъ ему, не оскорбляйтесь, что я побѣдилъ мужественнаго Лукопера,—я тѣмъ исполнилъ только долгъ мой и то, чего отъ меня требовала честь рыцарства; какой-бы я былъ рыцарь, если бы оставался пустымъ зрителемъ, пріѣхавъ изъ дальнихъ странъ единственно для рыцарскаго ратоборства; я опятъ возвращаюсь на мѣсто сраженія, и ни мало не досадую, если найдется противникъ сильнѣе и искуснѣе меня—и знайте, что Вели осилъ первый отдастъ ему преимущество, и назоветъ своимъ другомъ, ктобъ онъ таковъ ни былъ».

Едва кончилъ Великосилъ, снова раздались рукоплесканія въ честь его, и самъ Гуалихъ съ сыномъ своимъ не могли надивиться его великодушію; а онъ между тѣмъ уже находился среди амфитеатра и ожидать еще соперника. Въ

скоромъ внемени выѣзжаетъ противъ его Миловидъ, богатырь Флоридскій. По довольномъ штурмованіи съ обѣихъ сторонъ, они, съѣхавшись ударились столь сильно, что копья ихъ переламываются; но только Миловидъ при семъ съѣздѣ упадаетъ навзничъ и лишается всѣхъ чувствъ, а Великосилъ, подобно столѣтнему дубу, сидѣлъ на конѣ своемъ. Сей поединокъ всѣхъ рыцарей привелъ въ робость, и ни одинъ не посмѣлъ явиться противъ Арабскаго Князя ни изъ Флоридцевъ, ни изъ чужестранцевъ. Гуалихово сердце кипѣло отъ ревности и нетерпѣнія; если бы не высокость его сана, то бы онъ сразился самъ съ столь славнымъ витяземъ, каковъ Великосилъ.

Вдругъ юный Гуакъ встаетъ съ своего мѣста, подходитъ скорыми шагами къ трону своего родителя и говоритъ ему слѣдующее:

«Любезнѣйшій родитель! слава Флориды требуетъ, чтобы въ ней нашелся хотя одинъ, могущій побѣдить сильнаго и храбраго Великосила; и я хочу употребить свое оружіе противъ сего страшнаго противника».

Кончивъ слова сіи, онъ садится на подведеннаго ему прекраснѣйшаго воронаго жеребца, беретъ въ руки стальное съ золотою насѣчкою копье и, подобно молніи, пускается къ тому мѣсту, гдѣ Великосилъ разъѣзжаетъ на своей лошади, ожидая противника, съ коимъ бы онъ могъ сразиться. Гуакъ, приблизившись къ Великосилу, сказалъ ему:

«Великосилъ! мужество твое, искуство и сила привели въ робость всѣхъ рыцарей и воиновъ; сильнѣйшіе изъ нихъ дерзнули испытать съ тобою мужество свое; но чтожъ вышло?—одно для нихъ посрамленіе, а для тебя слава. Я, видя столь страшнаго для всѣхъ героя, рѣшился сразиться съ тобою не для того, чтобы помрачить славу твою, ты ее уже заслужилъ, и никто оной у тебя оспорить не можетъ; но единственно для показанія всему собранію, что и я сражаться умѣю. Для меня лестно испытать силы свои съ столь храбрымъ противникомъ. Ступай!»

Кончивъ слова сіи, Гуакъ пришпорилъ своего коня и пустился подобно стрѣлѣ отъ Великосила на довольное пространство. Сіи два героя, ставши другъ противъ друга на довольномъ разстояніи и приготовясь къ единоборству, пришпориваютъ коней своихъ и, подобно двумъ вихрямъ, летятъ другъ на друга, съѣхавшись, ударились они копьями столь сильно, что ударъ ихъ подобенъ былъ страшному грому—копья ихъ разлетѣлись на мельчайшія части, кони упали на колѣни, а сами всадники едва усидѣли. Различіе между ними было то, что Гуакъ не тронулся и крѣпко держался на сѣдлѣ, а Великосилъ преклонился на сѣдельной лукѣ. Громъ, происшедшій отъ рукоплесканій, потрясъ своды амфитеатра, повсюду воздухъ наполнился восклицаніями въ честь юнаго Гуака, и мужественный Великосилъ произнесъ слѣующее:

«Юный герой! многихъ я видалъ рыцарей, со многими имѣлъ сраженіе, но до сихъ поръ не зналъ,

что значитъ быть побѣжденнымъ; теперь я это чувствую и отдаю тебѣ полное право, какъ герою, какъ храброму и мужественному рыцарю, какъ побѣдителю. Вотъ тебѣ рука моя въ знакъ вѣчной и неизмѣняемой дружбы; съ сихъ поръ вся жизнь моя посвящается тебѣ, какъ другу и брату; надѣюсь, что и ты наградишь меня взаимною любовію».

Едва кончилъ Великосилъ, Гуакъ проворно соскакиваетъ съ коня своего и распростираетъ объятія; Арабскій Князь равнымъ образомъ соскакиваетъ и, не говоря ни слова, бросается въ объятія Гуаковы. Симъ заключился между ними тѣснѣйшій союзъ дружества, и Великосилъ съ Гуакомъ, рука въ руку, при звукѣ трубъ и литавръ, при крикѣ народа, приблизились къ трону Гуалихову.

«Любезнѣйшій родитель, началъ Гуакъ, представляю вамъ своего друга и брата. Я твердо увѣренъ, что вы, любя меня и видя сколь великодушенъ, добръ и храбръ сей воинъ, одобрите мой выборъ»!

Великодушный Князь Арабскій, сказалъ Гуалихъ, оборотясь къ Великосилу, счастливымъ считаю себя, что сынъ мой пріобрѣлъ такого друга. Я же, съ своей стороны, употреблю все мое стараніе чтобы, доказать вамъ мою пріязнь и благодарность за вашу дружбу къ моему сыну».

Такъ кончилось единоборство, и Гуалихъ пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ во дворецъ свой гдѣ угощаемы были великолѣпнѣйшимъ образомъ. Чрезъ двѣнадцать дней назначено было послѣднее

ратоборство, гдѣ уже ни одинъ Флоридскій рыцарь не будетъ имѣть участія, но только одни чужестранные витязи.

Когда наступило время, назначенное для рыцарскихъ потѣхъ, и собрались въ амфитеатръ рыцари и славные воины, когда прибылъ Гуалихъ съ сыномъ своимъ, владѣтельными особами, своими богатырями и всѣмъ дворомъ, и когда амфитеатръ весь наполнился, Князь Флоридскій подалъ знакъ къ начатію поединковъ, и едва только хотѣли начинать какой то чужестранный владѣлецъ съ многочисленною свитою, но за тѣснотою и многочисленностію народа не можетъ проѣхать къ амфитеару. Государь Флоридскій проситъ на время остановить рыцарскія потѣхи, приказываетъ церемоніймейстеру, взявъ нѣкоторую часть гвардій, потѣснить народъ и дать проѣздъ въ амфитеатръ новоприбывшему гостю. Когда все было исполнено, по приказанію Гуалихову, тогда увидѣли во въѣзжающихъ прекрасныхъ и молодыхъ всадниковъ въ рыцарскихъ доспѣхахъ; въ рединѣ своихъ ѣхалъ рыцарь подъ золотымъ балдахиномъ который держали надъ нимъ два черные евнуха, одѣтые въ золотое съ жемчужными камнями платье; сей рыцарь имѣлъ необыкновенною красоту—всякій, глядя на него, чувствовалъ въ сердцѣ своемъ невольную къ нему привязанность. Черные большіе глаза его изъ подъ густыхъ рѣсницъ бросали пламя; румянецъ на щекахъ его подобился распукающейся розѣ. Сей прекраснѣйшій рыцарь сидѣлъ на бѣлой лошади; узда и мундштукъ были изъ чистаго золо-

та, и осыпаны бриллiантомъ; сѣдло и чепракъ изъ золотой парчи унизанной крупнымъ жемчугомъ. Латы на немъ были вороненой стали; на груди въ перламутровомъ кругу находилось изображенiе стоящихъ на заднихъ лапахъ льва и единорога. съ надписью: *Побѣдители всегда увѣнчиваются.* На шеѣ его висѣли три ордена, на боку висѣлъ мечъ въ жемчужныхъ ножнахъ, а ефесъ состоялъ изъ крупныхъ бриллiантовъ; голову его украшалъ золотой шлемъ съ перомъ изъ яхонтовъ; позади сего рыцаря ѣхалъ его оруженосецъ, имѣя золотой щитъ, копье крѣпкой стали и лукъ чернаго дерева съ колчаномъ, въ коемъ находилось множество стрѣлъ; впереди же бѣжали, подъ золотомъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями подъ низанными коврами, два ученые барса.

Князь Флоридскiй, Гуакъ, и всѣ находящiеся въ амфитеатрѣ невольно обратили свои взоры, исполненные удивленiя. Неизвѣстный прекрасный рыцарь, не доѣхавъ нѣсколько до Княжескаго трона остановился; тогда двое изъ тѣлохранителей подскочили къ сему рыцарю, сняли его съ коня, и онъ, подошедши къ трону Государя Флоридскаго и поклонившись ему, сказалъ:

Князь и повелитель Флориды! посланные твои достигли и нашихъ предѣловъ; имѣя охоту къ рыцарскимъ потѣхамъ и ратоборству, я предпринялъ дальнiй путь увидѣть турниръ во Флоридскомъ государствѣ и испытать свои силы съ собравшимися здѣсь рыцарями и богатырями.»

Гуалихъ спросилъ о его имени, отечествѣ и родѣ, и прекрасный рыцарь отвѣчалъ;

«Отечество мое Америка, я сынъ кроткаго отца; но что касается до моего имени, то прошу васъ объ ономъ меня не спрашивать, довольно сего, что меня зовутъ прекраснымъ рыцаремъ. И такъ, всемилостивѣйшій Государь, прошу васъ позволить остаться мнѣ, неизвѣстнымъ до времени.»

Гуалихъ, ничего ему не отвѣчая, назначилъ мѣсто между владѣтельными, особами, и прекрасный рыцарь сѣлъ на оное; 25 человѣкъ его тѣлохранителей окружили его; два черные эвнуха стали по бокамъ, держа надъ нимъ балдахинъ; оба барса легли у ногъ его, а оруженосецъ сталъ позади его.

Когда всѣ заняли мѣста свои, трубы и литавры умолкли,—герольдъ, ставъ на возвышенное мѣсто громогласно произнесъ слѣдующее:

„Спѣшите рыцари, начать между собой
Утѣхи рыцарства и мужественный бой!
Противниковъ своихъ вы смѣло низлагайте
И награжденія отъ Князя ожидайте.
Кто побѣдителемъ здѣсь первымъ назовется,
Тотъ къ славнымъ древности героямъ сопричтется
И будетъ нарѣченъ вторей отъ всѣхъ Вирстонъ,
Берите коней вы, не медлите—сражайтесь!
И мужествомъ своимъ, геройствомъ отличайтесь)!“

Едва только герольдъ кончилъ, прекрасный рыцарь встаетъ съ своего мѣста, два тѣлохранителя подводятъ ему лошадь; сѣвши на оную, онъ беретъ у своего оруженосца золотой щитъ и стальное съ золотою насѣчкою копье, и подобно молніи пускается на средину амфитеатра, гдѣ началъ разъѣзжать, дѣлая весьма искусные обороты и ожидая противъ

себя соперника. Чрезъ нѣсколько времени является противъ него Перуанскій Князь на гордомъ Арабскомъ жеребцѣ; латы на немъ были дикаго цвѣта, на груди имѣлъ онъ изображеніе блестящаго солнца, съ надписью: *Все грѣетъ, освѣщаетъ, животворитъ*. Шлемъ на головѣ его былъ одинаковаго цвѣта съ латами, осѣняемый розовыми перьями. По довольномъ штурмованіи, они, разъѣхавшись, ударились копьями, но ударъ ихъ былъ весьма различенъ: прекрасный рыцарь. отведши ударъ Князя Перуанскаго щитомъ своимъ, столь сильно поразилъ его, что вышибъ изъ сѣдла, какъ легкое перо. Послѣ сего является предъ прекраснымъ рыцаремъ Кафрскій Принцъ—онъ сидѣлъ на прекрасномъ чаломъ жеребцѣ; латы на немъ были фіолетоваго цвѣта и осыпаны были прекрасными сапфирами и рубинами, на груди въ полукружіи изображенъ былъ изнемогающій левъ и бѣгущій отъ него олень, съ надписью: *хотя и изнемогаю, но не теряю къ себѣ уваженія*. Однако и сей Принцъ имѣлъ равную участь къ Княземъ Перуанскимъ. и прекрасный рыцарь остался опять побѣдителемъ.

Потомъ многіе храбрые герой покушались низпровергнуть мужество и силу прекраснаго рыцаря, но изъ 8-ми соперниковъ не одинъ не могъ побѣдить его. Сбивъ съ сѣдла 8-го рыцаря, при многочисленныхъ похвалахъ и рукоплесканіяхъ приблизился къ трону Государя Флоридскаго, и отдавъ ему честь наклоненіемъ копья, сказалъ:

«Державнѣйшій Князь! не напрасно я оставилъ отечество свое, Амазонію, и пріѣхалъ во Флориду,

видалъ я многіе турниры, многіе съѣзды, но впервыт вижу таковое великолѣпное собраніе; и Амазонскій Принцъ Сазоментъ имѣлъ счастіе оказать мужество надъ 8-ю соперниками.

Сими словами объяснивъ Гуалиху породу свою, имя и отечество, подобно вихрю пускается опять на мѣсто ратоборства, и по довольномъ штурмованіи видя, что ни одинъ рыцарь не осмѣливается выѣхать противъ него, началъ говорить;

«Гдѣ же герои Флоридскіе? Куда дѣвались мужество и храбрость рыцарская? Неужели не выищется ни одинъ изъ сего многочисленнаго собранія сразиться со мною? видно, что либо я сдѣлался слишкомъ мужественъ либо всѣ рыцари ослабѣли и пришли въ изнеможеніе».

Слышавъ слова сіи, Великосилъ, не видя, кто бы выѣхалъ противъ Созомента, рѣшается сразиться съ нимъ и выѣхавъ противъ него, сказалъ;

«Долгъ рыцарства моего повелѣваетъ мнѣ сразиться съ тобою, и если ты устрашилъ многихъ рыцарей своимъ мужествомъ, то знай, что Великосилъ сего не устрашится».

Не безъ удивленія Созоментъ посмотрѣлъ на Великосила и помолчавъ немного, сказалъ.

«Не думай, чтобы ты устрашилъ меня гигантскимъ своимъ ростомъ; я знаю твердо, что не въ тучности и огромности тѣла состоитъ сила и искусство. Ступай, попробуй Амазонскаго оружія».

По сихъ словахъ Великосилъ и Созоментъ разъѣхались: разгорячивъ и сильно ударивъ шпорами коней своихъ, летятъ они другъ на друга подоб-

во вихрю; съѣхавшись, ударяются столь сильно, что ударъ ихъ походилъ на громовой гулъ. копья ихъ измѣняютъ, кони присѣдаютъ на заднія ноги, и Великосилъ; отъ сильнаго удара Созоментова, потерявъ равновѣсіе и не могши успѣть въ сѣдлѣ, падаетъ на землю подобно великому дереву; напротивъ прекрасный рыцарь, отведши щитомъ своимъ ударъ Великосилова, остается на конѣ своемъ, и гордо разъѣзжаетъ по амфитеатру, выжидая не покажется ли еще какой-нибудь соперникъ.

Побѣда Созомента надъ Великосиломъ удивила все собраніе; всѣ сожалѣли о побѣжденномъ Князѣ Арабскомъ отъ юнаго рыцаря но болѣе, всѣхъ сокрушался о семъ Гуакъ, видя, что любезный другъ его побѣжденъ и обезчещенъ; не медля ни мало, подходитъ къ трону своего родителя, и спросивъ отъ него позволеніе сразиться съ Созоментомъ, и получивъ оное садится на подведенную ему лошадь: беретъ щитъ и копье, и подобно молніи, пускается къ прекрасному Созоменту и приближась къ нему, сказалъ слѣдующее:

«Постой ты. побѣдитель 9-ти рыцарей! Постой, не слишкомъ гордисъ и надмѣвайся! Флорида имѣетъ еще героевъ, могущихъ защитить побѣжденныхъ и заставить уважать Флоридскую державу. Ступай! я докажу тебѣ силу Флоридскаго оружія.»

«Хорошо, отвѣчалъ ему Созоментъ, я не отрекаюсь отъ сего грознаго вызова; и если въ сей области приходятъ во гнѣвъ за то, что бываютъ побѣждены, то я напротивъ съ своей стороны уважаю и почитаю своего побѣдителя. Ступай!»

По окончаніи словъ сихъ, прекрасный Созоментъ начинаетъ разгорячать коня своего и дѣлаетъ обороты достойные отличнаго рыцаря и славнаго въ свѣтѣ героя. Гуакъ ясно увидалъ, что прекрасный Принцъ Амазонскій былъ для него опасн соперникъ. Наконецъ, по довольныхъ разъѣздахъ и штурмованіи, летятъ они другъ на друга съ великою запальчивостію, съѣхавшись, ударились копьями, и столь силенъ былъ ударъ ихъ, что, казалось, будто само мѣсто потряслось, и раздался гулъ подобно громовымъ раскатамъ; кони ихъ падаютъ на колѣни у прекраснаго Созомента щитъ былъ насквозь прошибенъ, и онъ не могши снести сильнаго Гуакова удара, не удержался въ сѣдлѣ и свалился съ коня на землю: но и Флоридскій Князь, не въ силахъ будучи усидѣть падаетъ также на землю. Впрочимъ Гуакъ тотчасъ оправился и стоялъ надъ прекраснымъ Амазонскимъ Принцемъ какъ побѣдитель, между тѣмъ тотъ при паденіи своемъ лишился всѣхъ чувствъ. Раздаются рукоплесканія воздухъ наполняется вдругъ криками зрителей въ честь Гуака; а съ другой стороны тѣлохранители Созоментовы проливаютъ слезы, видя начальника своего лишеннымъ всѣхъ чувствъ, и ученые барсы оглушали воздухъ ревомъ своимъ.

Гуакъ приближается къ лежащему прекрасному рыцарю, и желая помочь ему, раскрываетъ грудь его, дабы она нѣсколько освѣжилась прохладнымъ воздухомъ. Въ какое же пришелъ юный Князь Флоридскій удивленіе, что прекрасный Со-

зоментъ была дѣвица, которая, вскорѣ очувствовавшись, встаетъ и говоритъ ему Амазонскимъ языкомъ слѣдующее: Герой и побѣдитель! ахъ! Какъ я не желала, чтобы кто узналъ о моемъ полѣ; но видно такъ угодно судьбѣ; прошу тебя не открывать никому, что я не мущина; храни сію тайну.»

Невозможно описать и изобразить тѣхъ чувствованій, которыя вдругъ наполнили сердце Гуаково; до сего времени сердце его было свободно, онъ не чувствовалъ никакой привязанности къ женщинамъ; но, при видѣ прелестной Амазонки, любовь оковала его своимъ невольникомъ; и еслибы сія страсть овладѣла Гуакомъ прежде поединка, то навѣрное прекрасная Амазонка осталась бы совершенно надъ нимъ побѣдительницею. Въ глазахъ его блисталъ такой пламень, который ясно показывалъ состояніе души его щеки покрывались яркимъ румянцемъ безпрестанно, грудь высоко вздымалась, и едва тяжкія вздохи невольно вылетѣли изъ оной; онъ желалъ бы сейчасъ заключить ее въ свои объятія. Она, увидѣвъ изъ взоровъ его все происходившее въ душѣ его, потупила въ землю прекрасные глаза свои, и щеки ея покрылись живѣйшимъ румянцемъ. Однако все это происшествіе никто изъ собранія, кромѣ тѣлохрънителей мнимаго Созомента, не могъ замѣтить; и прекрасная амазонка, чтобы не подать другимъ какого либо подозрѣнія, начала говорить, обратясь къ Гуаку, слѣдующее: «Храбрый и мужественный герой Флориды! благодарность, которую

приношу тебѣ не можетъ сравниться съ тѣмъ великодушными усердіемъ, съ какимъ вы старались помочь побѣжденному вами и находившемуся безъ чувствъ Созоменту; сіе самое въ другой разъ побѣждаетъ меня и обязываетъ вѣчною къ вамъ благодарностію и привязанностію; одна смерть истребитъ изъ памяти моей воспоминіе о семъ поступкѣ.»

Симъ кончились тогда поединки. Гуакъ съ прекраснымъ мнимымъ Принцемъ получили отъ Гуалиха за свою храбрость и мужество назначенное побѣдителямъ награжденіе. Потомъ отправились всѣ во дворецъ, куда приглашены были и всѣ чужестранные державцы и рыцари, только одного прекраснаго Созомента не было на балѣ, данномъ Гуалихомъ, даже ни одного изъ тѣлохранителей его не видно было. Во время бала только и говорили о прекрасномъ рыцарѣ, удивлялись геройству его, и восхищались красотою его, женщины, воспоминая объ немъ, чувствовали въ сердцѣ своемъ нѣкоторый непонятный трепетъ, и не вольные вздохи излетали изъ груди ихъ.

И как уже въ столицѣ Флоридской окончились турниры и поединки, то съ полученными отъ щедраго Гуалиха подарками начали всѣ рыцари и богатыри разъѣзжаться на другой же день послѣ великолѣпнаго бала, даннаго Княземъ Флоридскимъ; того же дня вечеромъ, при захожденіи солнца, влетѣвшая въ Гуакову спальню стрѣла извѣстила его объ отъѣздѣ той, которая на вѣки плѣнила его сердце. Юный Князь никакимъ образомъ не могъ

узнать, кто пустилъ стрѣлу въ окошко его спальни, сама ли прелестная Амазонка, или кто-нибудь изъ ея тѣлохранителей; къ оной стрѣлѣ привязана была записочка, писанная по Амазонски. Гуакъ съ поспѣшностію срываетъ оную и, развернувъ, находитъ слѣдующее:

Любезный Гаукъ!

«Взоры твои, бросаемыя на меня въ то время, какъ я была тобою побѣждена, ясно мнѣ показали состояніе души твоей и сердца. Ахъ сей самый пламень, который я видѣла въ глазахъ твоихъ, коснулся моего сердца. Чувствуя, что я совершенно перемѣнилась... Куда дѣвалось то мужество, та крѣпость, которое я оказывала мужчинамъ? Лишь только увидала тебя—и вольность моя потеряна на вѣки. Вся душа моя, любезный мой, наполнена тобою, милый образъ твой безпрестанно предъ глазами моими. Если ты питаешь ко мнѣ любовь, то старайся заслужить благосклонность отъ моего родителя, Короля Амазонскаго, и тогда я съ радостію брошусь въ твои объятія. Клянусь быть тебѣ вѣрною до гроба.

Велеума, Принцесса Амозонская.

Кто можетъ описать восторгъ Гуаковъ по прочтеніи сей записки? Онъ стократно перечитывалъ ее, цѣловалъ эту записку, смѣялся, плакалъ и дѣлалъ различныя дурачества; всѣ съ изумленіемъ смотрѣли на него потому что никогда таковымъ его не видали. Великосилъ, который, сдѣлавшись

его другомъ, жилъ съ нимъ въ однѣхъ комнатахъ, и увидя, что дѣлалъ Гуакъ, не могъ удержаться отъ смѣха, и говорилъ ему: «что съ тобою сдѣлалось, любезный другъ? Какое особенное происшествіе заставило тебя дѣлать такія дурачества? Ахъ! ты не знаешь отвѣчалъ ему Князь Флоридскій, что происходитъ во мнѣ: въ моемъ сердцѣ происходитъ ужасная смѣсь скуки и восторга, повремени ты все узнаешь.

Записка Велеумы столь сильное сдѣлала надъ сердцемъ Гуаковымъ впечатлѣніе, что онъ рѣшился, во что бы то ни стало, ѣхать въ Амазонское государство, заслужить благосклонность у Короля Амазонскаго и тѣмъ самымъ сдѣлаться, супругомъ прелестной Принцессы Амазонской, безъ которой онъ не могъ уже болѣе наслаждаться спокойною и пріятною жизнію.

Принявъ такое намѣреніе, онъ приходитъ къ своимъ родитетямъ и проситъ позволенія отправиться путешествовать; и хотя Рефуда настаивала противъ сего, но Гуалихъ не сталъ противиться ни мало и согласился въ дальній и продолжительный путь; онъ съ избыткомъ снабдилъ себя всѣмъ нужнымъ; что же касается до его свиты то оная состояла изъ 10-ти Флоридскихъ богатырей, одного оруженосца и любезнаго друга его Великосила, который всюду за нимъ хотѣлъ слѣдовать.

Когда совсѣмъ уже было готово, то Гуалихъ, обнявъ сына своего, началъ говорить ему слѣдующее:

«Любезный сынъ! надежа моей старости! опора трона Флоридскаго! можетъ быть, я уже въ

послѣдній разъ взираю на тебя: но впрочемъ ступай, ты одаренъ отъ природы такими достоинствами, которыя не нужно оставить въ неизвѣстности, ступай—и содѣлай имя свое славнымъ; да пронесется молва объ имени твоемъ въ страны отдаленныя; но впрочемь помни, что ты человѣкъ, а посему будь для человѣковъ тѣмъ, чѣмъ быть должно: защищай невинность, карай порокъ, а болѣе всего самъ сохраняй, чистоту нравовъ и непорочность души; уподобися во всемъ дѣду твоему Зилагону. Помни это, любезный мой сынъ; пойдемъ со мною, я тебѣ приготовилъ такой подарокъ, какого ни одинъ изъ смертныхъ не имѣетъ да и имѣть не можетъ».

Сказавъ сіе беретъ онъ его за руку, приказываетъ также и свитѣ Гуаковой за собой слѣдовать. Они пришли къ кладовой Княжеской, вошедши туда, Гуалихъ велѣлъ своему казначею подать 12 стальныхъ крѣпкихъ щитовъ, выработанныхъ въ Дербинскихъ кузницахъ при отцѣ его Зилагонѣ, и вручилъ оные 12-ти рыцарямъ отправляющимся съ Гуакомъ; потомъ даетъ сыну своему слѣдующія вещи: 1-е, стальной съ золотыми неизвѣстными литерами щитъ, выработанный въ тѣхъ же Дербинскихъ кузницахъ и самимъ Зилагономъ употребляемый во всѣхъ почти сраженіяхъ, 2-е панцырь изъ чешуи пламенныхъ драконовъ; 3-е, копье Китайской стали съ насѣчкою золота; 4-е, шлемъ листоваго червонн. золота съ перьями Индѣйскихъ попугаевъ; 5-е, эпанчу узорчатаго золототравчатаго бархату. Получа сіи вещи, Гуакъ

спрашивалъ родителя своего о важности этихъ подарковъ, что они означали, и въ какихъ случаяхъ должно употреблять ихъ. Гуалихъ, указывая на щитъ, началъ говорить: щитъ сей во всѣхъ сраженіяхъ имѣлъ при себѣ дѣдъ твой Зилагонъ, онъ заключаетъ въ себѣ великую важность; нѣтъ въ свѣтѣ столь крѣпкаго оружія, которое бы не сокрушилось объ оный. Этотъ панцырь защититъ тебя отъ пламени,—сей панцырь называется панцырь древняго Язона, это талисманъ послѣ отца моего; а твоего дѣда Зилагона, страшнаго злымъ волшебникамъ. Копье своею силою поражаетъ всякаго противника и разрушаетъ всякое волшебство,—это копье древняго Виретона. Шлемъ сей заключаетъ въ себѣ ту силу, что придаетъ силу' мужество носящему оный, а въ противникахъ возбуждаетъ робость; онъ достался отцу моему послѣ великаго и славнаго Гуалиха Эпанча эта дѣва твоего Зилагона; кто оную на себѣ имѣетъ, тотъ никакимъ образомъ потонуть не можетъ. Вотъ талисманы, продолжалъ Флоридскій Князь, мною тебѣ даруемые—они могутъ защитить тебя отъ воды, огня, отъ всякаго опаснаго соперника и самаго хитраго и злобнаго волшебника: береги ихъ, какъ рѣдкія и драгоцѣннѣйшія въ свѣтѣ вещи и защищая ими себя отъ могущихъ случиться опасностей, сберегай жизнь и вѣрныхъ друзей своихъ. А вы, сказалъ Гуалихъ, оборотясь къ богатырямъ, для защиты и сохраненія жизни любезнаго моего сына ничего не щади-

Кончивъ слова сіи, онъ вышелъ изъ кладовой, за нимъ также пошелъ Гуакъ и свита его. Итакъ какъ уже все было готово къ отъѣзду, и дулъ попутный вѣтеръ, то юный Князь Флоридскій въ сопровожденіи отца и матери, всѣхъ Княжескихъ тѣлохранителей, знатныхъ вельможъ, многочисленнаго народа, подходитъ къ корабельной пристани прощается со всѣмъ народомъ и садится на корабль; въ одну минуту распускаются паруса, развѣвается флагъ государства Флоридскаго, и корабль, подобно птицѣ, летитъ по водамъ, разсѣкая волны и удаляется отъ береговъ отечественныхъ. Кормчій, по приказанію Гуакову, направилъ путь корабля къ Амазонскому государству Юный Князь Флоридскій удалился въ каюту и тамъ на свободѣ предался восхитительнымъ мыслямъ о прекрасной Принцессѣ Амазонской; онъ столь углубился, что не примѣтилъ какъ вошелъ къ нему Великосилъ. Сей увидя задумчивость Гуакову, подошелъ къ нему и сказалъ: «прости, любезный другъ, что прерываю твою задумчивость и безмолвіе; конечно печаль тѣснитъ твое сердце; я думаю, что причина сему разлука твоя съ родителями».—Ахъ нѣтъ, отвѣчалъ ему Гуакъ, вздохнувши: не печаль причиною моему безмолвію, но воспоминаніе о такомъ предметѣ, который наполняетъ мой умъ, мысли, душу и сердце.—«Какъ! неужели ты влюбленъ»? вскричалъ Великосилъ съ великимъ изумленіемъ. Такъ точно, мой другъ, и притомъ столь сильно, что умру, если не буду обладать предметомъ любви моей». — Кто же сія

счастливица? спросилъ его Великосилъ съ нетерпѣніемъ. Прекрасная Велеума, Пренцесса Амазонская», отвѣчалъ Гуакъ. — Да скажи пожалуйста, гдѣ ты ее видѣлъ?—Тутъ Князь Флоридскій подробно разсказалъ ему все происшедшее во время послѣдняго турнира, бывшаго въ столицѣ Флоридской, и Великосилъ не могъ надивиться, что все это столь скрытно произошло.

Цѣлые двѣнадцать дней корабль Князя Флоридскаго плылъ благополучно; вѣтеръ дулъ попутный и погода была тихая и прекрасная: во все сіе время Гуакъ съ Великосиломъ безпрестанно занимались разговорами о прелестной Пренцессѣ Амазонской. Въ тринадцатый день благополучнаго ихъ плаванія, предъ солнечнымъ восходомъ подулъ противный вѣтеръ съ южной стороны съ такой силой, что взволновалъ все море; потомъ небо покрылось тучами — повсюду раздавались ужасные раскаты грома молнія безпрестанно блистала, вѣтеръ, часъ отъ часу усиливаясь, понесъ корабль съ великою стремительностію, ничто не могло удержать его, ни бросаемыя якори ни спущенные паруса. Гуакъ, видя, что всякая помощь была напрасна, приказалъ оставить всѣ труды и безпокойства, и такъ матросы, отдавшись ва волю судьбы, пустили корабль въ ту сторону, куда несли его бунтующіе вѣтры.

Три дня подобно птицѣ, летѣлъ корабль и на четвертый день вдругъ остановился у такого острова, что никто изъ его матросовъ не могъ знать его. Едва солнце освѣтило землю, на морѣ стала

пріятная тишина, въ поляхъ вѣялъ прохладный вѣтеръ, лѣса оросились росою, и взорамъ Флоридцевъ преставился островъ съ пріятнѣйшею долиною — тамъ зеленая мурава перемѣшивалась съ различными цвѣтами которые повсюду разливали благоуханіе.

Немедля ни мало, садятся на шлюпку и, подъѣхавъ къ берегу, выходятъ на землю. Прошедши нѣсколько по прекрасному лугу, увидѣли они столь прелестный и вмѣстѣ великолѣпный замокъ, что съ трудомъ можно было смотрѣть на него, ибо солнце, ударяя въ стѣны и кровлю онаго, производило сильный блескъ; этотъ замокъ окруженъ былъ весьма высокою оградою; вокругъ сей ограды росли различныя плодоносныя деревья, источники, журча, перебирались по камушкамъ въ мраморныхъ бассейнахъ были фонтаны; птицы пѣніемъ своимъ увеселяли слухъ и маленькіе звѣрки проскакивали сквозь деревья. «Какое очаровательное мѣсто! восклицалъ Гуакъ—конечно, какая нибудь богиня или фея обитаетъ въ этомъ прелестномъ мѣстѣ!» Говоря такимъ образомъ, Гуакъ съ своею свитою приближался къ воротамъ замка, и оныя предъ нимъ въ одну минуту сами собой растворились, и едва только Князь Флоридскій вступилъ за ворота, какъ вышелъ къ нему на встрѣчу вооруженный съ ногъ до головы и одѣтый въ стальныя блестящія доспѣхи исполинъ; онъ подходилъ къ Гуаку и, поклонясь ему съ великимъ почтеніемъ, говоритъ «Великій герой и достойный обладатель копья Великаго Вирстона! сей неувядаемый островъ при-

надлежитъ моей повелительницѣ, могучей Зевесѣ, которой власть простирается по всему свѣту: она по своей волѣ располагаетъ волшебниками и духами: все предъ нею трепещетъ; сила ея столь велика что и самые боги исполняютъ ея желаніе, ничто не сильно противостоять предъ нею: она однимъ словомъ, однимъ взглядомъ можетъ сдѣлать то, чего другіе и въ тысячу лѣтъ произвести не въ состояніи—одно мгновеніе руки ея заставитъ трепетать цѣлые народы: она повелѣла Нептуну, богу морей перенесть корабль, вашъ въ ея области, и я теперь, исполняя волю моей повелительницы, ея именемъ прошу васъ идти за мною: она васъ ожидаетъ въ своемъ замкѣ».

Кончивъ слова сіи, человѣческая громада, поклонившись Гуаку, пошла впередъ, а за ней послѣдовалъ Князь Флоридскій со всею своею свитою. Прошедши довольное пространство, входятъ они на пространный дворъ, и проводникъ приводитъ ихъ къ великолѣпному крыльцу, гдѣ встрѣтили ихъ трое подобные первому исполину, и также вооруженные съ ногъ до головы. Проведши ихъ въ первую комнату Зевесиныхъ покоевъ, свитѣ Гуаковой велѣли тутъ остановиться, а ему за собою слѣдовать. Сей Князь проходилъ чрезъ множество покоевъ, столь чудесно украшенныхъ, что, думалъ видитъ все это во снѣ; наконецъ исполины привели его въ залъ столь великолѣпно убранный, что едва ли кто вообразить себѣ можетъ; такъ искусство спорило съ природою, вкусъ съ великолѣпіемъ и богатствомъ; на каждомъ шагу пред-

ставлялись тысячи необыкновенныхъ предметовъ; жемчугъ, изумруды, яхонты, сапфиры, рубины, топазы и аметисты блистали на стѣнахъ и потолкѣ и блескомъ своимъ ослѣпляли зрѣніе, посреди сей залы стоялъ золотой украшенный драгоцѣнными каменьями тронъ, покрытый барсовою кожею, на которомъ сидѣла царица того острова, то есть та Зевеса, которой силу и могущество первый встрѣтившійся Гуаку превозносилъ до небесъ. Правда, она была столь прекрасна и имѣла столь величественный видъ, что казалась богинею; глаза ея могли воспламенить сердце всякаго, а прелестная улыбка, по временамъ являющаяся на малиновыхъ устахъ ея могла совершенно довершить побѣду надъ самымъ даже нечувствительнѣйшимъ человѣкомъ; на каждой ступени ея трона по бокамъ стояли Нимфы въ бѣлыхъ платьяхъ.

Гуакъ, отдавши ей должное почтеніе, сталъ предъ трономъ ея и едва только бросилъ на нее взглядъ свой, то вдругъ въ сердцѣ его произошла чудная перемѣна: прелести этой волшебницы сильно овладѣли его чувствами; но лишь онъ вспомнилъ прекрасную Велеуму, сердце его получило прежнюю крѣпость, и прелестная Принцесса Амазонская опять заняла въ ономъ первое мѣсто.

Зевеса, бросивъ на Гуака благосклонный взоръ, произнесла слѣдующее: «Герой Флориды и обладатель Вирстонова копья! твое мужество, твои геройскіе подвиги, которымъ должна удивляться вся вселенная, все это дошло до моего свѣдѣнія, и я пожелала видѣть Гуака, сего идола Флоридцевъ и

страшнаго соперника знаменитыхъ героевъ и рыца-
рей. Благодарю стократно Нептуна, что онъ исполняя
мое желаніе, посредствомъ противнаго вамъ вѣтра,
привелъ корабль вашъ въ мои области. Стыдно
однако должно признаться, что ты, любезный Князь
воспламенилъ мое сердце. Видѣлъ ли ты, продол-
жала прекрасная волшебница, мое богатство? Ни
одинъ царь, ни одинъ владѣтель земной не имѣетъ
сего; но это еще не все, я имѣю вещи удивитель-
нѣйшія: хочешь ли обладать оными?—Одного тво-
его слова, одного твоего согласія довольно будетъ
но съ тѣмъ только условіемъ, будь моимъ супру-
гомъ. Знаю, что принцеса Амазонская занимает
первое мѣсто въ твоемъ сердцѣ; знаю, что муже-
ственный и храбрый Гуакъ покорился слабым
прелестямъ Велеумы; но не ужели Зевеса; одарен-
ная отъ боговъ неувядаемою красотою, не может
замѣнить потерю обыкновенной дѣвицы? Неужел
въ объятіяхъ той которой подвластны утѣхи
радости юный Князь Флоридскій не забудетъ т
которую онъ видѣлъ только одинъ разъ во вс
жизнь. Впрочемъ, если мое предложеніе покажет
ся тебѣ, любезный Гуакъ, страннымъ, и приведет
въ недоумѣніе, если ты можешь вступить со мно
въ бракъ безъ согласія своихъ родителей, то п
крайней мѣрѣ, въ залогъ вѣрности, дай мнѣ пе
стень, находящійся на рукѣ твоей—равнымъ обр
зомъ и я тебѣ свой отдамъ, что будетъ означа
нашъ вѣчный и непремѣнный союзъ».

Невозможно изобразить, въ какое пришелъ Кн
Флоридскій изумленіе, видя влюбленную волше

ницу; онъ находился подобно истукану, но опомнившись, поклонился Зевесѣ весьма низко и благодарилъ за ея снисхожденіе, сказавши при томъ, что никто, и самые Боги, не могутъ истребить изъ его сердца любви къ прекрасной принцессѣ Амазонской Велеумѣ.

Коварная и хитрая Зевеса ни мало не огорчилась, что Гуакъ отвергъ ея предложеніе и презрѣлъ любовь ея, или, покрайней мѣрѣ, не подала ни малаго виду, что это ей непріятно; она призвала на помощь себѣ все свое искусство, чтобы склонить нечувствительное и твердое сердце Князя Флоридскаго, и Гуакъ при этомъ искушеніи едва могъ укрѣпиться, слушая льстивыя слова волшебницы и взирая на ея красоту; но, вспомнилъ милую и прекрасную принцесу Амазонскую, рѣшительно сказалъ Зевесѣ:

«Могучая обладательница морей и земли! за величайшее благодѣяніе почелъ бы я получить то, что вы мнѣ предлагаете, если бы я не видалъ прекрасной Велеумы, — клянусь всѣмъ что одна только, смерть можетъ разрушить ту цѣпь любви, коею связано мое сердце съ сердцемъ любезной Велеумы — никакія обольщенія, никакія несчастія не заставятъ забыть оную»!

Сей рѣшительный отвѣтъ привелъ Зевесу въ великое смущеніе, и Гуакъ изъ взоровъ ея ясно увидѣлъ въ ней великую перемѣну однако она всѣми мѣрами старалась скрыть происходящее во внутренности ея сердца. Вставши съ своего трона, взяла Князя Флоридскаго за руку и повела его, въ

сопровожденіи своихъ Нимфъ, чрезъ множест
покоевъ, подобныхъ украшеніемъ своимъ тронне
залѣ; наконецъ, вышедши на заднее крыльцо, вст
пили въ прекраснѣйшій садъ, наполненный разли
ными деревьями и цвѣтами, разливающими повсю
свое благоуханіе: тамъ находились въ мраморных
порфировыхъ и яшмовыхъ берегахъ пруды, на
полненныхъ рыбами.

Среди сада находился на двѣнадцати столба
изъ чернаго мрамора сводъ, котораго выпуклост
состояла изъ сандальнаго дерева; между столбам
была двойная рѣшетка изъ чистаго золота. Э
прекраснѣйшее зданіе не что иное было, какъ клѣ
ка, наполненная множествомъ различныхъ птичек
которыя прекраснымъ своимъ пѣніемъ услаждал
слухъ и приводили душу въ нѣкоторую изнѣже
ность. Пробывши тутъ нѣсколько минутъ, вышл
они оттуда и продолжали идти садомъ, потом
вошли въ померанцевую рощу, въ которой распро
странялась повсюду прохладная тѣнь; она стол
была густа, что солнечные лучи не могли прон
цать сквозь нее. Въ той прохладной и тѣнисто
рощѣ находилась великолѣпнѣйшая бесѣдка; стѣ
ея были вызолочены и украшены различными дра
гоцѣнными каменьями, отъ которыхъ происходил
такой свѣтъ, который освѣщалъ всю бесѣдку, в
ней стояла кровать изъ слоновой кости съ вели
колѣпнымъ балдахиномъ; противъ этой кроват
висѣла на стѣнѣ картина, изображающая Венер
подъ нею стоялъ Купидонъ, державшій въ рука
лукъ и стрѣлы. Живопись этой картины стол

была совершенна, что походила болѣе на настоящую богиню съ сыномъ ея. Зевеса сѣвши на кровать, приказала Гуаку сѣсть противъ себя; по приказанію волшебницы. Нимфы ея запѣли, а по окончаніи пѣсни начали онѣ танцовать. Во время сихъ танцевъ, Зевеса пѣла сама съ такою пріятностію и искусствомъ, что подобно Сиренѣ, привела въ восторгъ Князя Флоридскаго; примѣтивъ эту перемѣну въ лицѣ его, лукавица начала говорить ему страстнымъ голосомъ:

«Милый сердцу моему! долго ли сердце мое будетъ истаевать отъ любви? Почувствуй, какъ бьется оно, какъ волнуется кровь моя. Дражайшій Гуакъ! прерви мое страданіе, не отвергай руки обожающей тебя Зевесы. Знаешь ли ты, что всякій изъ земныхъ владѣтелей за счастіе сочтетъ получить руку мою. Умоляю, прошу тебя, не презри мою любовь;—не раздражи меня,—ты я думаю слыхивалъ, что значитъ гнѣвъ раздраженной женщины. Неужели ты холоденъ какъ мраморъ; или я уже сдѣлалась безобразна, что ты и взглянуть на меня не хочешь»?

Говоря сіи слова, хитрая Зевеса имѣла видъ умоляющій. Гуакъ въ такое пришелъ смущеніе и разстройство, что не зналъ, что дѣлать;—прелести волшебницы едва не покорили его сердца, и онъ съ пылающимъ лицемъ сидѣлъ противъ нея потупивъ взоры: но вдругъ мысль о прекрасной Белеумѣ блеснула въ умѣ его, и онъ опомнившись, сказалъ Зевесѣ:

Милостивая государыня, прошу васъ не гнѣваться на мое чистосердечіе и откровенность. Я далъ клятву пребыть вѣрнымъ до гроба, то неужели захочу быть клятвопреступникомъ? Мое сердце не можетъ дѣлиться на части, и оно все принадлежитъ принцессѣ Амазонской. Если бы теперь со всего свѣта собраны были прелести и совокуплены въ одно, если бы всего свѣта богатства находились теперь здѣсь, то и тогда не поколебалось бы мое сердцѣ, и я никакъ не промѣнялъ бы на все сіе первой и вѣчной моей любви. Одна Велеума есть, была и будетъ навсегда предметомъ моей истинной любви и обожаній!»

Таковой отвѣтъ принудилъ Зевесу тяжко воздохнуть: она, видя, что любовь ея презрѣна, что никакія хитрости не помогаютъ уловить Гуака въ свои сѣти, перешла изъ нѣжности до высочайшей степени ярости; однако до времени скрывая оную въ глубинѣ души своей, встаетъ съ кровати и даетъ знакъ Князю Флоридскому за собою слѣдовать. Вышедши изъ бесѣдки и идя по саду, приблизилась къ нѣкоторому холму, посрединѣ котораго возвышался храмъ, столь чудесный, великолѣпный, что никакимъ образомъ изобразить невозможно красоты его и богатства; казалось будто бы онъ составленъ былъ изъ одного изумруда, по четыремъ сторонамъ храма стояли изображенія боговъ неизвѣстныхъ Гуаку, вылитыя изъ чистаго золота. Когда же Зевеса ввела его въ означенный храмъ, то Князь Флоридскій столь пораженъ былъ великолѣпнымъ, богатствомъ и вкусомъ, что подумалъ,

будто находится въ чертогахъ самого Юпитера, по срединѣ сего храма стоялъ яхонтовый тронъ подъ великолѣпнѣйшимъ балдахиномъ; на этомъ тронѣ сидѣлъ Юпитеръ, изваянный изъ чистѣйщаго золота; предъ нимъ стояли на колѣнахъ, преклонивъ головы рыцари и украшенные сѣдинами мудрецы, вылитые также изъ золота, а одежда ихъ осыпана была драгоцѣнными каменьями. Подступя къ трону Юпитерову, волшебница упала на колѣна и воздѣвъ руки просила его отмстить Гуаку за презрѣнную любовь, потомъ вставши и оборотясь къ Гуаку, произнесла слѣдующее:

«Гнусный и недостойный любви моей человѣкъ! когда ты презрѣлъ пламенную любовь мою, и на всю нѣжность мою смотрѣлъ хладнокровными и безчувственными глазами, то знай какова была любовь моя къ тебѣ, такова теперь моя ненависть и призрѣніе клянусь всѣми богами, подъ моею властію разрушу всѣ твои замыслы и намѣренія, не допущу тебя до царства Амазонскаго, и не только уничтожу бракъ твой съ Велеумою, но еще повелю ужасному исполину, похитить ее и вѣчно наслаждаться ея слабыми прелестями!»

Сколь не велики были угрозы злобной волшебницы, но Флоридскій Князь съ твердостію отвѣчалъ ей:

«Я ничего не страшусь, угрозы твои для меня ничего не значатъ,—смѣло иду на всѣ опасности, зная и будучи увѣренъ, что боги напрасно не наказываютъ и самаго послѣдняго изъ смертныхъ. Талисманы, данные мнѣ моимъ родителемъ, довольно сильны защитить меня отъ всѣхъ козней

и хитрости злобныхъ волшебниковъ и волшебницъ; если же богамъ угодно будетъ наказать меня, то я оное снесу безопасно и покорюсь волѣ ихъ.»

Едва Гуакъ кончилъ, Зевеса стала вдругъ невидима, и въ ту же минуту явился исполинъ тотъ самый, который встрѣтилъ Князя Флоридскаго у воротъ; онъ взявши его за руку, повелъ его садомъ, и когда вывелъ за ворота и удалился отъ него, то ворота съ великимъ скрипомъ сами собою затворились. Свита Гуакова и другъ его Виликосилъ находились тутъ же; они находились въ великой печали, не видя своего Князя, и не зная что съ нимъ происходило; — невозможно изобразить какъ они обрадовались, увидя его цѣлымъ и невредимымъ и избавившимся отъ несчатія въ столь опасномъ мѣстѣ. Разсказывали ему, какъ они выгнаны были изъ замка, по приказанію волшебницы, двѣнадцатью огненными драконами.

«Друзья мои! сказалъ имъ Гуакъ, мы были во власти злобной и коварной волшебницы, и какія она не употребляла средства, чтобы заманить меня въ свои сѣти, но не удалось ей запутать въ нихъ. Правда, любезныя мои, что нужно было тутъ необыкновенное мужество и величайшую твердость; однако, благодареніе богамъ, что дали мнѣ силу освободиться отъ всѣхъ хитростей и козней, употребленныхъ Зевесою.»

По окончаніи словъ этихъ, увѣдомилъ онъ спутниковъ своихъ подробно о всемъ случившемся съ нимъ во дворцѣ, и нимало не медля возвратился

съ ними на корабль, на который сѣвши и распустя паруса, отчалили отъ опаснаго острова.

Едва Флоридскій корабль началъ удаляться отъ острова Зевесы, какъ въ одинъ часъ, среди прекраснаго дня, мрачная и ужасная тьма покрыла ясное и чистое небо; волны, подобно горамъ, начали воздыматься, громъ, молнія, дождь и сильная буря, соединясь вмѣстѣ, привели всѣхъ находящихся въ такой неописанный ужасъ, что всѣ находящіеся на кораблѣ ожидали себѣ неминуемой смерти. Они ясно видѣли, что это происходитъ отъ злобы коварной Зевесы, которая грозила Гуаку неизбѣжною гибелью. Корабль ихъ плылъ въ неизвѣстную страну. Страшная борьба стихій съ ужасною темнотою и мракомъ продолжалась ровно трое сутокъ. Несчастные Флоридцы, окруженные мракомъ, не могли видѣть другъ друга, и не знали въ какомъ мѣстѣ они находились и чего имъ ожидать было должно, спасенія или гибели; единственная надежда ихъ состояла въ помащи боговъ, на коихъ они возложили все свое упованіе; но, кажется небеса попустили торжествовать надъ ними злобной волшебницѣ. На четвертый день принесло корабль несчастныхъ Флоридцевъ къ нѣкоторому совсѣмъ почти неприступному острову, и столь сильно ударило его объ выдавшійся камень, что сдѣлался великій проломъ, вода стремительно потекла, и корабль началъ тонуть. Гуакъ оставляетъ все свое богатство, беретъ однѣ только нужныя вещи, и со всею свитою и нѣкоторыми проворными гребцами, бросившись въ лодку, съ ве-

ликимъ трудомъ присталъ къ неприступному острову; карабкаясь по каменнымъ утесамъ, выдавшимся въ море, съ истощеніемъ силъ всѣ благополучно взобрались на островъ.

Глубокая тьма распространилась по всему острову, и они ничего не могли разсмотрѣть. Первое ихъ дѣло было возблагодарить боговъ за избавленіе отъ очевидной и неизбѣжной смерти; потомъ, расклавши огонь начали они сушить платье и грѣться, ибо дождь уже пересталъ, буря утихла, громъ и молнія прекратились, только одинъ мракъ не разсѣялся. Наконецъ къ вечеру темнота исчезла. и на небѣ показалась свѣтлая луна и звѣзды. Флоридцы осмотрѣвшись во всѣ стороны, не видали ничего, кромѣ большихъ камней и высокихъ горъ; но какъ никакого убѣжища для несчастныхъ не было, то они начали искать удобнѣйшаго мѣста, гдѣ бы имъ проводить эту ночь, и, нашедши одну каменную пещеру, самородную, помѣстились въ ней. и отъ трудовъ и безпокойствъ скоро заснули.

Едва солнце начало показываться на Востокѣ, едва настало прекрасное утро, несчастные Флоридцы проснулись; вышедши изъ пещеры, увидѣли они ясно, въ какомъ мѣстѣ находились: высокія каменныя горы, глубокія разсѣлины, глубокіе пески и дремучіе лѣса,—вотъ, что составляло сей островъ,—это, можетъ быть, вѣчное ихъ жилище; оглянувшись назадъ, увидѣли они свирѣпое море, которое, ударяясь о каменный берегъ волнами, производило великій шумъ. Печаль овладѣла душами ихъ, горесть и отчаяніе начертаны были на

лицахъ ихъ, они не могли удержаться отъ слезъ, видя свое положенiе.

Ободрившись и успокоившись, Гуакъ и его спутники начали подаваться далѣе въ островъ; но, скитаясь въ этой пустынѣ четверо сутокъ, они взятый ими съ корабля съѣстной припасъ весь издержали, и эта ужасная, необитаемая страна грозила имъ голодною смертiю. Князь Флоридскiй оставшiйся отъ потопленiя своей свитѣ, которая состояла изъ 12-ти богатырей и 6-ти гребцовъ, предложивъ свое мнѣнiе, чтобы податься далѣе въ островъ къ дремучимъ лѣсамъ, издали имъ усматриваемымъ, въ коихъ можно было сыскать какую нибудь пищу изъ лѣсныхъ плодовъ, или изъ звѣрей и птицъ; на это предложенiе всѣ были согласны. Шедши долгое время, достигли они тѣхъ лѣсовъ, которые были густы и непроходимы, что Флоридцы принуждены были съ большимъ трудомъ продираться сквозь густоту деревьевъ и мечами своими дѣлать просѣки; нашедши въ срединѣ лѣса небольшую луговину, близъ которой протекалъ чистый источникъ, выходящiй изъ подъ корня одного дерева, расположились тутъ остаться проваждать горестную и печальную жизнь свою. Построивъ изъ гибкихъ деревьевъ и вѣтвей нѣсколько шалашей, начали жить въ нихъ, или лучше сказать, оплакивать злосчастную свою участь; пища ихъ состояла изъ лѣсныхъ плодовъ, дикихъ козъ и оленей, въ коихъ нед статка тамъ не было.

Эта плачевная и подобная дикимъ жизнь несчастныхъ Флоридцевъ продолжалась около двухъ мѣ-

сяцевъ они препровождали ее, занимаясь охотою и оплакивая свой жребій.

Въ одно время охота на такое пространство отдалила Гуака съ Великосиломъ отъ ихъ жилища, что они не надѣялись чрезъ цѣлый день возвратиться къ своимъ хижинамъ; при томъ же гоняясь со звѣрями, совершенно ослабѣли и изнемогли. Великосилъ, первый кинувшись на траву, предался крѣпкому сну; сколько Гуакъ ни старался разбудить его, но все было тщетно.

Сіи два Князя находились подъ однимъ высокимъ и кудрявымъ кедромъ; Великосилъ погруженъ былъ въ глубокій сонъ, а Гуакъ предался горестнымъ мыслямъ: онъ сравнивалъ съ прежнею веселою жизнію теперешнее бѣдственное свое состояніе, и не могъ удержаться, чтобы не произнести ропота на судьбу и боговъ; обратя къ небу глаза наполненные слезъ, довольно громко произнесъ:

Небеса разгнѣванные и неправедно мстящіе, услышьте мои жалобы! угрюмая и мрачная пустыня, внемли моему стенанію! свѣтила небесныя, воззрите на страждущую невинность, и будьте свидѣтелями неправосудію боговъ и жестокости! Ахъ! если несчастіе и безпрестанныя заключенія будутъ удѣломъ моимъ, то для чего же я произошелъ на свѣтъ?—Для чего я несчастный удалился отъ крова моихъ родителей, оставивъ свое любезное отечество, въ нѣдрахъ котораго наслаждался спокойною и пріятною жизнію; для того ли, чтобы подобно изгнаннику скитаться въ сихъ ужа-

сныхъ мѣстахъ и прежде времени отъ горести и печали увянуть и погибнуть въ мрачной неизвѣстности? Дражайшіе родители! чувствуетъ ли ваше сердце тѣ мученія, какія претерпѣваетъ сынъ вашъ? Вы, отпуская меня, наградили меня талисманами: но что мнѣ въ нихъ? какую они въ этихъ мѣстахъ принести могутъ пользу? Смерть, тебя призываю—приди скончать мои страданія!

По окончаніи сихъ словъ Князь Флоридскій въ изнеможеніи кинулся на траву и скоро предался глубокому сну, во время котораго представилось ему слѣдущее: видитъ онъ, будто бы прекрасная богиня Діана приблизилась къ тому мѣсту, гдѣ находился Гуакъ; она сидѣла на прекраснѣйшемъ конѣ, лукъ и колчанъ висѣли у нея за плечами, свѣтлорусые волосы были распущены по плечамъ локонами придавали ей неописанную красоту. Одна изъ нимфъ, сопровождавшихъ эту богиню, сказала ей, указывая на спящаго Гуака:

Могущая богиня чистоты и цѣломудрія! сжалься надъ несчастіемъ и бѣдствіями, притерпѣваемыми этимъ цѣломудреннымъ Княземъ; постоянство его и вѣрность такъ тверды, что сами боги удивлялись непоколебимому мужеству, съ какимъ онъ вытерпѣлъ искушеніе отъ прелестной и хитрой волшебницы Зевесы; защити его и избавь отъ сѣтей коварной чародѣйки, и даруй ему то благополучіе и счастіе, коимъ ты награждаешь всѣхъ цѣломудренныхъ и непорочныхъ.

Діана оборототясь къ Флоридскому Князю произнесла: слабый смертный, для чего ропщешь на

провидѣніе и укоряешь боговъ въ ихъ неправосудіи! можешь ли ты слабымъ умомъ своимъ постигнуть дѣла и намѣренія безсмертныхъ? Ты, страдая два мѣсяца, вышелъ изъ границъ и потерялъ терпѣніе; а напротивъ одинъ добродѣтельный мужъ по имени Жеонго, мучится уже двадцать лѣтъ въ заточеніи и сноситъ его великодушно. Намѣреніе боговъ было, чтобы ты былъ избавителемъ несчастнаго Жеонго. Будь полезенъ другимъ, если желаешь быть счастливымъ. Кончивъ эти слова она стала невидима.

Отъ сего чудеснаго сна Гуакъ немедленно просыпается и видитъ, что другъ его Великосилъ натягиваетъ лувъ на летящаго къ нимъ огненнаго дракона; но пущенная въ него стрѣла не имѣла никакого дѣйствія. Князь Флоридскій, видя неудачу Великосилову, вступилъ смѣло съ пламеннымъ дракономъ въ бой. Онъ изо всей силы ударяетъ его Вирстоновымъ копьемъ: но этотъ ударъ поразилъ одинъ только воздухъ, а до дракона совсѣмъ и не коснулся, однако второй ударъ производитъ чудесное дѣйствіе: огнедышущій драконъ принимаетъ на себя видъ страшнаго гиганта, норуженнаго мечемъ и страшною булатною булавою. Этотъ исполинъ затрясся предъ Гуакомъ, и вмѣсто того, чтобъ поразить его булавою, повергши оную и мечь свой на землю, бросился къ ногамъ Князя Флоридскаго, и трепеща произнесъ слѣдующія слова: О внукъ страшнаго Зилагона! что повелишь учинить покорнѣйшему и послушнѣйшему рабу твоему? Покорность страшнаго Гиганта такъ уди-

вила Князя, что онъ не могъ совершенно понять, которому находящемуся у него талисману повиновался исполинъ. Копье Вирстоново или другой какой талисманъ покоряетъ тебя моей власти? Спрашивалъ онъ у гиганта. Перстень, отвѣчалъ гигантъ, находящійся на рукѣ твоей, имѣетъ надо мною власть, и я облгдателю онаго обязанъ во всемъ повиноваться и сдѣлать требуемую отъ него помощь; копье же твое побѣждаетъ волшебниковъ, а не духовъ, потому то оно мнѣ ничего не причинило, ибо я духъ.

Гуакъ узнавши важность перстня, подареннаго ему Рефудою; матерью его, сталъ думать: чтобы приказать повинующемуся духу. То приходило ему на мысль, оставивъ путешествіе, возвратиться въ отечество, то Амазонская Принцесса представлялась, какъ бы предъ глазами его со всѣми прелестями и пріятностями красоты, и наполняла все сердце его пламенною любовію; но при всемъ этомъ непонятная сила удерживала стремленіе. Наконецъ разумъ одержалъ надъ всѣмъ верхъ, и онъ рѣшился узнать объ участи несчастнаго Жеонго, и избавить его; тѣмъ болѣе, что чрезъ сіе самое исполнить волю боговъ, а тѣмъ самымъ пріобрѣтетъ себѣ право ожидать отъ нихъ за это достойной награды. Итакъ сказалъ онъ духу, ежели ты повинуешься этому перстню, то я, какъ обладатель его, требую отъ тебя небольшой услуги: увѣдомь меня, гдѣ обрѣтается волшебникъ [illegible] который нынѣ по опредѣленію боговъ [illegible]

лучить свободу, и это избавленіе предоставлено мнѣ; вотъ все, чего я отъ тебя требую.

Могущественный властелинъ надъ волшебниками и духами! вскричалъ сей духъ съ великимъ трепетомъ, не могъ я ожидать отъ васъ требованія противнаго моему желанію, я бы лучше согласился покорить вашей власти весь подлунный міръ, обогатилъ бы васъ несчетными сокровищами и изъ всѣхъ дѣвицъ въ подсолнечной прекраснѣйшую опредѣлилъ бы тебѣ въ супруги, нежели освободить Жеонго, потому что я его стражъ до самой смерти; однако сила вашего талисмана связываетъ мою волю, и я долженъ повиноваться.

По окончаніи этихъ словъ духъ проситъ Гуака за собой слѣдовать; послѣ долгаго и труднаго пути пришли они къ одному великому камню, который отъ прикосновенія находящейся въ рукахъ духа булавы поднялся и означилъ подземный ходъ. Они начали сходить туда по широкой мраморной лѣстницѣ, которая освѣщалась восковыми, свѣчами, находящимися въ хрустальныхъ люстрахъ, и вскорѣ достигли они пространной залы; полъ, потолокъ и стѣны были изъ гладкаго мрамора. множество люстръ съ зажжеными свѣчами производили ясный свѣтъ; въ углу этой залы сдѣланъ тронъ изъ мрамора же, на немъ сидѣлъ сѣдой прикованный къ стѣнѣ старецъ. руки и ноги его были связаны толстыми желѣзными цѣпями. Духъ подойдя къ трону старцеву и оборотясь къ Князю Флоридскому, сказалъ: вонъ онъ. Потомъ какъ будто съ большимъ нехотѣніемъ и досадою, бросивъ бу-

лаву и мечь, съ великимъ шумомъ вдругъ исчезъ изъ глазъ присутствующихъ.

Не мечта ли представляется взору моему? Неужели жители земли пришли избавить Жеонго, двадцать лѣтъ невинно страждущаго? вскричалъ сей старецъ. Или сами боги, сжалясь на мое невинное страданіе, принявъ видъ смертныхъ, пришли разрушить мои вѣчныя оковы?

Не боги, отвѣчалъ ему князь Флоридскій, но смертные подобные тебѣ, и по волѣ боговъ пришли даровать тебѣ свободу, твои страданія, добродѣтельный Жеонго, прекращаются.

Побѣдитель злобныхъ духовъ и чародѣевъ! вскричалъ старецъ; когда такъ, то прикоснитесь къ оковамъ моимъ булавою великаго Римака, и мечемъ Гуамалиховымъ къ желѣзамъ, которыми прикованъ я къ стѣнѣ. Гуакъ не медля ни мало беретъ лежащія на полу булаву и мечь, и едва оными коснулся оковъ и желѣза, такъ какъ говорилъ ему Жеонго, въ туже минуту оковы разлетѣлись и толстое желѣзо разорвалось. Жеонго всталъ тогда съ трона и, упавши предъ своимъ избавителемъ на колѣни сказалъ:

О могучій и страшный побѣдитель духовъ и волшебства! Чѣмъ могу возблагодарить васъ за мое избавленіе и освобожденіе отъ власти злыхъ духовъ? Однако, прежде нежоли будетъ оказано вамъ моя благодарность, осмѣливаюсь васъ спросить, какая причина привела васъ на сей неприступный островъ, и какъ мнѣ называть моего благодѣтеля?

Тогда Князь Флоридскій разсказалъ Жеонго все свое приключеніе отъ самаго отбытія своего изъ Флориды до того времени, когда духъ ввелъ его къ нему въ пещеру, по окончаніи своей повѣсти просилъ онъ также и Жеонго разсказать ему все случившееся въ теченіи его жизни. Сей волшебникъ узнавъ, кто таковъ его избавитель и какимъ случаемъ занесенъ онъ на необитаемый островъ, съ восхищеніемъ заключивъ въ объятія Князя Флоридскаго, началъ слѣдующее:

Герой Флориды могущій побѣдитель естественнаго и сверхъ естественнаго? Достойный обладатель находящихся при тебѣ талисмановъ! Теперь то я узналъ, что ты внукъ могущественнаго Зилагона, который при жизни своей считалъ меня первымъ любимцемъ. Исторія моей жизни весьма пространна, но такъ какъ теперь не нужно намъ терять времени въ этомъ безполезномъ для насъ занятіи, то я только скажу вамъ, что когда благодѣтель мой, а вашъ дѣдъ укротилъ злобныхъ волшебниковъ и волшебницъ, по опредѣленію боговъ отдалъ долгъ природѣ, то одинъ изъ его сильныхъ и смертельныхъ враговъ прекратилъ и мое пребываніе на землѣ. Злобный и яростный чародѣй Зевулъ, хитрый своимъ коварствомъ уничтоживъ мою власть, заключилъ въ это подземелье. Когда же не стало моего благодѣтеля и сильнаго покровителя и защитника противъ козней Зевуловыхъ, но этотъ злодѣй отмстилъ мнѣ симъ заключеніемъ на всю жизнь представивъ стражемъ до самой моей смерти побѣжденнаго вами духа. Еслибы не

воли боговъ и ваше благодѣтельное вспомоществованіе, то я во всю жизнь мою долженъ былъ страдать, и въ этихъ мученіяхъ окончить несчастное бытіе свое. О, дражайшій Князь, продолжалъ волшебникъ, и ваше счастіе исчезло бы на вѣки, естьлибъ Зевеса, эта злобная фурія, выманила у тебя талисманъ, спасающій жизнь твою; сія Мигера еще гораздо превосходитъ въ злобѣ Зевула отца своего, она многихъ наказала противящихся любви ея, и ты бы не избѣжалъ тогожъ наказанія, когдабъ не сохранилъ тебя подарокъ матери твоей, то есть, перстень. Могущественный и великодушный Князь! какую же изъявлю вамъ благодарность и какія предложу услуги? Ежели отдамъ палицу великаго Римака и мечъ Гуалиховъ, это будетъ одна только тѣнь моей благодарности; буду же вамъ по смерть мою слугою, то и сего недостаточно.

Жеонго, сказалъ Флоридскій Князь сему волшебнику, благодарю за твое чистосердечное усердіе; но для чего мнѣ желать чужаго счастія? Береги сіи талисманы, спасающіе жизнь твою для собственнаго твоего счастія; слугою своимъ тебя имѣть я нехочу, да и не пристойно, когда дѣдъ мой былъ твоимъ другомъ и считалъ за перваго своего любимца; одно только прошу тебя для меня сдѣлать, и это будетъ для меня драгоцѣннѣе всѣхъ твоихъ подарковъ и услугъ: доставь меня съ моею свитою въ Амазонское королевство, если это для тебя возможно то вѣчная моя благодарность будетъ тебѣ наградою.

Это ничего не будетъ стоить, отвѣчалъ Жеонго, ибо моя прежняя власть съ разрушеніемъ моего заключенія опять ко мнѣ возвратилась. Потомъ, съ восхищеніемъ беретъ свои талисманы и предлагаетъ Гуаку и Великосилу оставить это подземелье. Всѣ трое выходятъ они на поверхность земли и поспѣшаютъ къ хижинамъ, гдѣ жилъ Гуакъ съ своею свитою; невозможно описать, какъ обрадовались всѣ, увидя Князя и друга его, объ отсутствіи коихъ начали уже изъявлять горесть и отчаяніе, и какъ же весьма удивились, увидя незнакомаго имъ старца.

Добродѣтельный волшебникъ предложилъ всѣмъ, чтобы не тратить ни одной минуты напрасно, отправиться въ путь; всѣ съ радостными рукоплесканіями оставляютъ скучное жилище поспѣшаютъ къ морю. Достигнувши его на третій день, видятъ, что оно ужасно волнуется, свирѣпыя волны подобно горамъ подымались и низвергались съ великимъ шумомъ и ударяясь о каменный берегъ, производили гулъ, подобный ударамъ грома.

Престарѣлый волшебникъ подошелъ къ самому берегу; снимаетъ съ плечъ своихъ золотой лукъ, и вынувши изъ колчана свинцовую стрѣлу съ нѣкоторою надписью, налагаетъ на нее тетиву и проговоря нѣсколько неизвѣстныхъ словъ, спущаетъ ее въ море. Летяшая по волнамъ свинцовая стрѣла производитъ въ нихъ великую перемѣну: въ одну минуту свирѣпое и волнистое море утихаетъ и становится тихимъ, поверхность водъ сдѣлалась столь гладка, что уподоблялась стеклу,

по этому морю подобно птицѣ плыло къ берегу судно. Когда оно пристало къ берегу, то Флоридцы сѣли въ него, а равно и Жеонго пожелалъ съ ними также плыть въ Амазонское Королевство.

Судно плыло съ такою скоростью, что подобилось пущенной изъ лука стрѣлѣ; и хотя не было на немъ ни одного служителя, но оно не имѣло нужды въ матросахъ, будучи управляемо искусствомъ волшебника. Во время ихъ плаванія Жеонго разсказалъ Гуаку всѣ свои приключенія отъ самаго своего рожденія до тѣхъ самыхъ поръ, какъ избавилъ его Князь Флоридскій

Чрезъ пятнадцать дней благополучнаго ихъ плаванія, пристали они къ берегу; тогда волшебникъ увѣдомилъ Князя, что вступили они въ предѣлы Короля Амазонскаго. Когда же Гуакъ сошелъ съ своею свитою на берегъ, то Жеонго опять началъ благодарить его за свое избавленіе, предавая себя вѣчно въ его слуги. Послѣ сей благодарности вынимаетъ онъ изъ колчана своего съ нѣкоторою надписью золотую стрѣлу и, подавая ее Гуаку, продолжалъ говорить: Вотъ тебѣ, благодѣтельный герой, за твои благодѣянія оказанныя мнѣ, отъ меня подарокъ, хотя самъ по себѣ маловажный но въ разсужденіи времени и обстоятельствъ будетъ для тебя весьма полезенъ. Эта стрѣла переноситъ вѣсти съ необыкновенною скоростію, хотя бы я былъ удаленъ отъ васъ на величайшее пространство, и какъ скоро нужна будетъ вамъ моя помощь, пустите эту стрѣлу: я тотчасъ узнаю въ чемъ состоитъ ваше требованіе, и вы на оборотъ

въ туже минуту получите отвѣтъ, въ случаѣ же опасности, самъ предстану, и помогу сколько моихъ силъ будетъ.

Флоридскій Князь, принявши отъ волшебника столь важный даръ, благодарилъ его. Жеонго началъ прощаться со всѣми путниками Гуаковыми, изъяснивши ему, что теперь отправится въ свое прежнее владѣніе утѣшить и освободить своихъ подданныхъ, которые, стеня подъ игомъ рабства, считаютъ его уже мертвымъ; простясь со всѣми, садится на судно и подобно птицѣ исчезаетъ изъ глазъ Флоридцевъ. Гуакъ съ друзьями своими подкрѣпивъ себя оставшеюся у нихъ пищею, отправились въ путь къ самому столичному городу Амазонскаго Короля. Гуакъ спросилъ начальника стражи: можно ли путешествующему Американскому рыцарю съ своею свитою препроводить ночь во дворцѣ Амазонскихъ Королей? Начальникъ въ ту же минуту доложилъ дворцовому надзирателю, который встрѣтивъ Флоридцевъ съ нѣкоторыми изъ своихъ служителей, просилъ Гуака со всею его свитою во дворецъ. Сей Князь тѣмъ болѣе съ охотою на предложеніе ласковаго придворнаго согласился, что чувствовалъ нужду въ отдохновеніи, хотя бы и не во дворцѣ. Они взошли на пространный дворъ, надзиратель повелъ ихъ въ дворцовые покои, въ коихъ великолѣпіе и богатство ослѣпляли взоры каждаго. Солнце совершенно скрылось, и покои, назначенные Гуаку съ его свитою, были освѣщены множествомъ свѣчъ. Надзиратель, оказывая гостямъ

всевозможную ласковость и услужливость изъяснился предъ Гуакомъ, что по наружности заключаетъ объ немъ, что онъ происходитъ отъ знаменитаго рода; и просилъ его объ ономъ увѣдомить, также и о причинѣ прибытія его въ Амазонское королевство. Гуакъ, скрывая свою породу, назывался просто рыцаремъ, какъ и прежде и между прочими своими путешествіями по свѣту, одно любопытство принудило его видѣть Амазонское королевство; а по причинѣ разбитія корабля онъ принужденъ вступить въ оное чрезъ это мѣсто. Ласковый надзиратель, чтобъ не отяготить гостей разговорами, приказалъ накрыть на столъ, что было тотчасъ исполнено, и путешественники сѣли за изобильный и вкусный ужинъ. Во время ужина Алтобель (такъ назывался дворцевый управитель) забавлялъ гостей своихъ шуточными разговорами. Онъ былъ отъ природы человѣкъ веселый. Между различными вопросами Князь Флоридскій спрашивалъ Алтобеля объ его королѣ, какого свойства его Государь, почему называется кроткимъ Королемъ? Ежели вы любопытствуете узнать о нашемъ Королѣ, то я съ охотою удовольствую ваше любопытство.

Бельгамъ, началъ надзиратель, Король Амазонскій есть Государь добродѣтельнѣйшій: постояненъ, скроменъ, разсудителенъ, благоразуменъ, рѣшителенъ, веселъ, снисходителенъ, правосуденъ и милосердъ, а потому враги не только боятся Бельгама, но любятъ и почитаютъ; будучи всѣми любимъ, не имѣетъ нужды въ тѣлохранителяхъ, вел-

кій подданный его тѣлохранитель; живетъ миролюбиво подобно отцу, окруженному дѣтьми своими: каждому открытъ къ нему свободный доступъ; стараясь получить довѣренность и помогать справедливымъ просьбамъ, умѣетъ каждаго утѣшить и отпустить отъ себя довольнымъ; каждый хвалитъ его, любитъ, почитаетъ и боится; воиновъ почитаетъ онъ подпорою государства, и весьма любитъ турниры, смотря на геройскія подвиги храбрыхъ рыцарей; щедръ и ласковъ къ любопытствующимъ путешественникамъ, потому что самъ онъ почти половину жизни проводилъ въ различныхъ путешествіяхъ, и довольно оказалъ геройскихъ подвиговъ; любитъ награждать достоинства и истинные таланты, но не расточаетъ безумно богатствъ и сокровищъ, почитая себя не владѣтелемъ оныхъ, но хранителемъ, ненавидитъ лицемѣровъ и подлыхъ ползающихъ ласкателей, зная совершенно, что отъ исполненія истинныхъ добродѣтелей украшается вѣнецъ царскій; презирая тщеславіе, почитаетъ истинную славу; государство его содѣлалось колыбелью наукъ, которымъ Бельгамъ покровительствуетъ; художества процвѣтаютъ въ Амазоніи; народъ обожаетъ своего Государя, и молитъ боговъ о продолженіи его жизни, столь для нихъ драгоцѣнной, слава о его благополучіи распространилась по всему западу; итакъ вотъ описаніе нашего Государя и государства. Не можетъ ли онъ послѣ сего называться счастливѣйшимъ Монархомъ въ свѣтѣ? Это еще не все: благополучіе и счастіе его дополняетъ единственная дочь

его Принцесса Велеума; она столь прелестна, что воспламеняетъ любовь въ тѣхъ, которые увидятъ прекрасное лице ея; къ этой прелестной красотѣ ея и обширному разуму присоединяется столь удивительное мужество, что всѣ доселѣ пріѣзжающіе въ нашу столицу храбрые рыцари и могучіе богатыри были ею побѣждены. Эта героиня надѣваетъ на себя рыцарскіе доспѣхи и называется Принцемъ Созоментомъ; она обыкновенно ѣздитъ на бѣлой лошади, будучи окружена 25-ю храбрыми дѣвицами, одѣтыми по кавалерски и сидящими на вороныхъ коняхъ; когда она выѣзжаетъ на охоту и ѣдетъ по городу, то народъ бѣжитъ за нею толпами и криками своими изъявляетъ свою радость и восхищеніе. Хотя дѣвицы, составляющія свиту ея, всѣ совершенныя красавицы, но Принцесса одна привлекаетъ всѣхъ взоры; не смотря на многочисленную стражу, окружающую ее; тщетно воины стараются отогнать народъ, который тѣснится около нея.

Какъ благополучна область Амазонская, что имѣетъ такихъ владѣтелей, и какъ счастливъ и Бельгамъ, что такъ доволенъ своимъ народомъ! Онъ долженъ наслаждаться нескончаемымъ благополучіемъ! вскричалъ Гуакъ, когда Алтобель кончилъ свое повѣствованіе.

Остановись, любезный чужестранецъ, сказалъ Алтобель Князю Флорядскому, прервавъ его восклицаніе, и незаключай изъ сказаннаго мною, чтобы кроткій нашъ Король и прекрасная дочь его могли наслаждаться совершеннымъ благополучіемъ; нѣтъ

въ свѣтѣ ни одного человѣка, кто бы прямо во всю жизнь былъ счастливъ и неиспыталъ никакого несчастія. Хотя нашъ добрый Государь по видимому есть счастливѣйшій и благополучнѣйшій изъ монарховъ, однакожъ онъ не есть таковъ, а можно сказать еще, что онъ несчастливѣе теперь самаго послѣдняго своего подданаго.

Кончивъ слова сіи, надзиратель пролилъ источники слезъ, а равно и всѣ служители его плакали. Чтожъ это такое значитъ? сказалъ Гуакъ плачущему Алтобелю, кто нарушаетъ спокойствіе кроткаго короля? Я вамъ разскажу объ этомъ продолжалъ надзиратель, ежели вы меня удостоите вашимъ вниманіемъ;—очень хорошо сказалъ Князь Флоридскаго, съ охотою буду слушать ваше повѣствованіе. Тогда Алтобель началъ слѣдующимъ образомъ:

Извергъ природы, врагъ человѣчества, исчадіе самого ада нарушилъ спокойствіе Короля нашего, повергъ въ печаль и прекрасную Велеуму и обагрилъ кровію подданныхъ предѣлы любезнаго отечества нашего. Третій уже мѣсяцъ на нашихъ Амазонскихъ лугахъ живетъ исполинъ дикихъ странъ, или какъ нѣкоторые говорили, очарованное волшебствомъ чудовище. Всякій, видя его, приходитъ въ трепетъ и ужасъ; онъ имѣетъ станъ гиганта, большую голову, чрезвычайно широкій ротъ, и когда его растворяетъ, то видны два ряда зубовъ, подобныхъ острымъ бритвамъ: на пальцахъ у рукъ и ногъ ужаснѣйшіе когти; глаза налиты кровію и подобны тигровымъ; носъ сплюснув-

пійся съ широкими ноздрями; кожа его столь крѣпка и непроницаема, что никакое оружіе не можетъ вредить ему, а только притупляется и разлетается на части; оружіе его составляютъ мечъ и необыкновенной величины лукъ, съ котораго однимъ разомъ спущаетъ по десяти стрѣлъ; свиту его составляютъ двѣнадцать стрѣльцовъ, которые имѣютъ голову, лице и руки человѣческія, остальныя части тѣла конскія, кожа на нихъ столь же крѣпка, какъ и на ихъ предводителѣ; они вооружены одними только луками и колчанами. стрѣлы ихъ наполнены драконовымъ ядомъ, почему всякій, раненый ими, въ скорости умираетъ, и никакая помощь не дѣйствительна къ избавленію отъ смерти. Подумайте, милостивый государь! продолжалъ Алтобель, слыхалъ ли кто о такихъ ужасныхъ чудовищахъ, стоящихъ теперь подъ стѣнами Амазонскими. Выслушайте же теперь требованіе этихъ лютыхъ и жестокихъ варваровъ. Чудовищный гигантъ съ своими стрѣльцами прибывши на лугъ пустилъ изъ лука своего большую стрѣлу, которая упала посреди самой Амазонской столицы; ужаснувшіеся жители принесли онную тотчасъ къ своему Государю. Какъ ни великодушенъ и твердъ былъ король Бельгамъ, но въ какое онъ пришелъ замѣшательство и смятеніе, когда увидѣлъ на этой стрѣлѣ бумажку съ слѣдующею надписью:

„Весь свѣтъ предъ мной трясется и трепещетъ,
„Могущество мое воздѣ перуны мещетъ,
„Мой грозный, лютый нравъ на кротость премѣнится,
„Когда прекрасная Принцесса мнѣ вручится,
„Иначе обагрю я кровію весь градъ,
„И жизнь мучительна, не жизнь вамъ будетъ—ядъ.“

Мудрый Король Амазонскій собираетъ въ ту минуту полный совѣтъ. гдѣ также присутствовала и прекрасная Велеума. Въ это собраніе принесена была исполинова стрѣпа съ надписью, которая и прочитана была вслухъ всему собранію. Находящійся въ трепетномъ недоумѣніи кроткій Бельгамъ требовалъ отъ пораженныхъ горестію и печалію министровъ какимъ образомъ поступить ему съ столь страшнымъ и наглымъ нарекающимся зятемъ. Всѣ Министры замолкли и не знали что дѣлать, но великій Визирь нашъ, мужъ смѣлый и храбрый, предлагаетъ Государю что онъ за честь прекрасной Принцессы и за общую пользу хочетъ вступить въ сраженіе съ лютымъ и сильнымъ врагомъ отечества. Но увы! ревность го не имѣла желаннаго успѣха Бельгамъ обрадовался предложенію великаго Визиря, и приказалъ ему готовиться въ походъ. Этотъ храбрый полководецъ съ десятью тысячами отборнаго и храбраго Амазонскаго войска отправился противъ чудовища; но чѣмъ же кончился этотъ бой? жесточайшимъ несчастіемъ. Свирѣпый исполинъ съ двѣнадцатью стрѣльцами всѣхъ истребилъ совершенно, и самаго виликаго Визиря лишилъ жизни; нѣкоторыя хотя и спаслися бѣгствомъ, но чрезъ нѣсколько часовъ умерли отъ полученныхъ ранъ, нанесенныхъ имъ стрѣлами, наполненными ядомъ драконовымъ. Послѣ неучнаго предпріяті многіе храбрые витязи Амазонскіе, ревнуя чести и общему благу отечества, вступили въ сраженіе съ этимъ непобѣдимымъ чудовищемъ; но и они имѣли подобную первымъ

участь. Итакъ теперь Король нашъ находится въ горестномъ состояніи, Велеума проливаетъ источники горькихъ слезъ, а подданные въ отчаяніи наполняютъ воплями всю столицу. Но ахъ! если боги не защитятъ королевство Амазонское отъ угрожающей ему гибели; то что тогда будетъ отказъ въ удовлетвореніи его желанія воспалитъ ярость исполина, и онъ сильно исхититъ изъ объятій родительскихъ Велеуму, а у насъ, отнявъ обожаемую нами Принцессу, мудраго Бельгама заставитъ съ печали умереть; подданные же во время безначалія подвергнутся лютѣйшимъ мученіямъ и междоусобной враждѣ, истребятъ тогда въ конецъ наше королевство.

При этомъ повѣствованіи геройскій духъ Гуака воспламеняется, глаза его наполняются огнемъ, сердце его начало сильно биться и грудь высоко подниматься, а особенно, когда онъ вообразилъ въ мысляхъ своихъ, что его любезная Велеума находится въ большой опасности.

Боги, вскричалъ Гуакъ, защитники невинности, и строгіе каратели злодѣяній, неужели отвратите отъ невинности взоръ свой, и принудите ее страдать подъ игомъ притѣснителей и тирановъ? Потомъ, оборотясь къ Алтобелю, сказалъ: ежели есть у тебя все нужное, чтобы вооружить мою свиту и снабдить хорошими лошадьми, которыхъ мы лишились по причинѣ кораблекрушенія, то я въ сію же минуту явлюсь къ вашему Королю, обнадежу его въ своей помощи и не пожалѣю послѣдней капли крови для защиты его и прекрасной дочери, и

блага всего народа. Можетъ быть, при помощи боговъ, низложимъ жестокаго врага.

Надзиратель ощутилъ въ сердцѣ своемъ великую радость и предчувствовалъ, что этотъ неизвѣстный ему рыцарь побѣдитъ чудовищнаго исполина; онъ немедленно приказываетъ вывести изъ Королевской конюшни лучшихъ лошадей, и, снабдивши всѣмъ нужнымъ свиту Гуакову, самъ съ ними отправляется въ столицу.

Князь Флоридскій надѣлъ на себя великолѣпный уборъ и всѣ рыцарскіе доспѣхи, сохраненные имъ отъ кораблекрушенія. Въ лѣвой рукѣ блисталъ у него крѣпкій щитъ дѣда его Зилагона, а въ правой удивительное и чудесное копье великаго Вирстона; у двѣнадцати его богатырей блистали стальные Дербинскіе щиты, подаренные имъ Гуалихомъ, Княземъ Флоридскимъ. Гуакъ ѣхалъ въ срединѣ между Алтобелемъ и Великосиломъ, а за ними и прочая свита во дворецъ.

Хотя Князь Флоридскій скрывалъ знаменитую породу, но по представленію Алтобеля пропущены они были въ Королевскіе чертоги до первой залы. Въ одну минуту вышелъ къ нимъ королевскій чиновникъ, который подошедши къ Гуаку, спрашивалъ: какую нужду имѣютъ они до Бельгама Амазонскаго Короля? Флоридскій Князь отвѣчалъ ему: что имѣетъ собственную нужду увидѣться и переговорить съ нимъ лично. Тогда сей придворный отвелъ ихъ къ великому Визирю, который немедленно представилъ сихъ рыцарей предъ Амазонскаго Короля.

Бельгамъ, Король Амазонскій, сидѣлъ тогда на тронѣ, сдѣланномъ изъ перламутра съ золотомъ, подъ болдахиномъ изъ золототравчатаго бархата, выкладеннаго жемчугомъ; онъ имѣлъ печальный и горестный видъ, блѣдность покрывала унылое лице его. Юный рыцарь, сказалъ Гуаку сей Государь, что васъ понудило видѣть мою столицу? Любопытство или ревность и усердіе предложить услуги свои такому Государю, который съ удовольствіемъ принимаетъ къ себѣ всякаго чужестранца?

Всемилостивѣйшій государь, отвѣчалъ Флоридскій Князь, распространившійся по всей Америкѣ о вашей щедрости и ласковости къ чужестранцамъ слухъ побѣдилъ меня и друзей моихъ предложить вамъ наши услуги если наше предложеніе вамъ не противно, то мы съ охотою вступаемъ въ вашу службу.

Король, выслушавъ отъ Гуака эти слова, погрузился въ великую задумчивость; потомъ, вздохнувши тяжело, сказалъ: храбрые рыцари и мужественные герои! какъ мнѣ нужна была ваша помощь при теперешнихъ моихъ тяжкихъ обстоятельствахъ; но я не имѣю надежды, чтобы человѣческая рука могла истребить того тирана, который, подобно голодному и яростному звѣрю, истребляетъ мое войско..

Государь, отвѣчалъ Гуакъ, откровенно вамъ признаюсь, что съ моими друзьями для того сюда я прибылъ, чтобы вступить въ бой съ исполиномъ и его 12-ю стрѣльцами. Ревность моя и усердіе для вашей защиты и блага государства Амазон-

блага всего народа. Можетъ быть, при помощи боговъ, низложимъ жестокаго врага.

Надзиратель ощутилъ въ сердцѣ своемъ великую радость и предчувствовалъ, что этотъ неизвѣстный ему рыцарь побѣдитъ чудовищнаго исполина; онъ немедленно приказываетъ вывести изъ Королевской конюшни лучшихъ лошадей, и, снабдивши всѣмъ нужнымъ свиту Гуакову, самъ съ ними отправляется въ столицу.

Князь Флоридскій надѣлъ на себя великолѣпный уборъ и всѣ рыцарскіе доспѣхи, сохраненные имъ отъ кораблекрушенія. Въ лѣвой рукѣ блисталъ у него крѣпкій щитъ дѣда его Зилагона, а въ правой удивительное и чудесное копье великаго Вирстона; у двѣнадцати его богатырей блистали стальные Дербинскіе щиты, подаренные имъ Гуалихомъ, Княземъ Флоридскимъ. Гуакъ ѣхалъ въ срединѣ между Алтобелемъ и Великосиломъ, а за ними и прочая свита во дворецъ.

Хотя Князь Флоридскій скрывалъ знаменитую породу, но по представленію Алтобеля пропущены они были въ Королевскіе чертоги до первой залы. Въ одну минуту вышелъ къ нимъ королевскій чиновникъ, который подошедши къ Гуаку, спрашивалъ: какую нужду имѣютъ они до Бельгама Амазонскаго Короля? Флоридскій Князь отвѣчалъ ему: что имѣетъ собственную нужду увидѣться и переговорить съ нимъ лично. Тогда сей придворный отвелъ ихъ къ великому Визирю, который немедленно представилъ сихъ рыцарей предъ Амазонскаго Короля.

Бельгамъ, Король Амазонскій, сидѣлъ тогда на тронѣ, сдѣланномъ изъ перламутра съ золотомъ, подъ болдахиномъ изъ золототравчатаго бархата, выкладеннаго жемчугомъ; онъ имѣлъ печальный и горестный видъ, блѣдность покрывала унылое лице его. Юный рыцарь, сказалъ Гуаку сей Государь, что васъ понудило видѣть мою столицу? Любопытство или ревность и усердіе предложить услуги свои такому Государю, который съ удовольствіемъ принимаетъ къ себѣ всякаго чужестранца?

Всемилостивѣйшій государь, отвѣчалъ Флоридскій Князь, распространившійся по всей Америкѣ о вашей щедрости и ласковости къ чужестранцамъ слухъ побѣдилъ меня и друзей моихъ предложить вамъ наши услуги если наше предложеніе вамъ не противно, то мы съ охотою вступаемъ въ вашу службу.

Король, выслушавъ отъ Гуака эти слова, погрузился въ великую задумчивость; потомъ, вздохнувши тяжело, сказалъ: храбрые рыцари и мужественные герои! какъ мнѣ нужна была ваша помощь при теперешнихъ моихъ тяжкихъ обстоятельствахъ; но я не имѣю надежды, чтобы человѣческая рука могла истребить того тирана, который, подобно голодному и яростному звѣрю, истребляетъ мое войско..

Государь, отвѣчалъ Гуакъ, откровенно вамъ признаюсь, что съ моими друзьями для того сюда я прибылъ, чтобы вступить въ бой съ исполиномъ и его 12-ю стрѣльцами. Ревность моя и усердіе для вашей защиты и блага государства Амазон-

скаго повелѣваетъ мнѣ идти на сраженіе, а долгъ рыщарства и чести запрещаютъ приходить въ малодушіе и робость; лучше лишусь жизни, нежели подобно слабому ребенку, увидя опасность, буду трепетать и содрогаться; я не страшусь опасности, и хотя сейчасъ готовъ ѣхать съ моими друзьями, которые конечно не откажутся участвовать въ этомъ подвигѣ, къ тому мѣсту, гдѣ обитаетъ гнусное чудовище, которое дерзаетъ простирать свои требованія такъ далеко, и смѣло назначаетъ себѣ то, что прекраснѣе всего въ Амазоніи.

Кончивши слова эти, онъ сильно потрясъ копье свое и ударилъ имъ въ щитъ такъ громко, что повсюду раздался гулъ подобный грому. Тогда мудрый Бельгамъ встаетъ съ своего престола, и съ восхищеніемъ прижимаетъ Князя Флоридскаго къ груди своей. О герой! говоритъ о ъ ему, сердце мое предчувствуетъ, что ты избранъ богами для спасенія моего, дочери моей и всего государства; благодарю судьбу, что она доставила мнѣ такихъ храбрыхъ, мужественныхъ защитниковъ; но, прошу васъ, оставьте такой геройскій подвигъ до завтра; нынѣшній же вечеръ и ночь нужны для вашего отдохновенія и покоя. Теперь же прошу васъ извѣстить меня о вашемъ родѣ имени и отечествѣ. Но какъ Гуакъ не хотѣлъ открыться, а пребыть нѣсколько времени въ неизвѣстности, то и сказатъ, что удовлетворитъ его любопытство на другой день. Бельгамъ, услышавъ это, не сталъ болѣе его безпокоить вопросами. Спустя нѣсколько времени, придворный чиновникъ, вошедши, доложилъ, что

готовъ ужинъ; и Бельгамъ, взявъ за руку Гуака, пошелъ въ столовую въ сопровожденіи спутниковъ Князя Флоридскаго. Столъ весь уставленъ былъ вкусными кушаньями, и прекрасные напитки блистали въ хрустальныхъ графинахъ. Бельгамъ, сѣвши за столъ, посадилъ Князя Флоридскаго по праву руку, подлѣ его и прочіе рыцари заняли мѣста, также и нѣкоторые изъ придворныхъ Короля Амазонскаго. По окончаніи ужина, долгое время Бельгамъ занимался разговорами съ Гуакомъ и его друзьями. Наконецъ, когда настало время отдохновенія, то Князь Флоридскій и свита его, простясь съ Амазонскимъ Государемъ до утра и благодаря его за угощеніе и ласковый пріемъ, пошли въ приготовленные имъ во дворцѣ покои, и тамъ, поговоривъ нѣсколько о добродушіи и ласковости Бельгама, предались пріятному сну.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

На другой день, едва только мракъ ночной исчезалъ, и небесное свѣтило во всемъ своемъ блескѣ начало выходить изъ-за синяго лѣса, вся зада совѣта уже наполнилась министрами и совѣтниками. Спустя нѣсколько времени, Гуакъ въ сопровожденіи своихъ двѣнадцати богатырей входитъ въ оную; всѣ министры и прочіе чиновники, увидя его, встали съ мѣстъ своихъ и съ великимъ почтеніемъ привѣтствовали Князя Флоридскаго и сопровождающихъ его богатырей. Во время сего привѣт-

ствія двери залы отворяются, и Бельгамъ съ Принцессою Велеумою входятъ въ оную и, поклонясь на всѣ стороны, сѣли они на тронахъ. Повсюду распростерлись тишина и безмоље. Вдругъ Гуакъ прерываетъ его, и подступивши къ трону Государя Амазонскаго началъ говорить:

Всемилочтивѣйшій Государь! сей день для меня днемъ радости,—радости, когда при помощи боговъ разрушу козни враговъ сего государства, и низложу чудовище обагряющее кровію страны Амазонскія; печали, если самъ и друзья мои, защищая сіе королевство, падетъ подъ ударами исполина и стрѣльцовъ его. Но довольно сего, что я не страшусь ни опасности, ни самой смерти, жертвуя ими добродѣтельнѣйшему Государю, прекраснѣйшей Принцессѣ и всему государству Амазонскому.

Ревностный и мужественный герой, сказалъ тогда обрадованный Бельгамъ, да будутъ боги, покровители Амазоніи, тебѣ помощниками; ступай на поприще славы, — и твои славные подвиги пронесутся изъ конца въ конецъ свѣта.

По окончаніи словъ этихъ Государь Амазонскій даетъ приказаніе Великому Визирю приготовить все нужное къ походу, ибо и самъ онъ съ прекрасною Велеумою желалъ быть свидѣтелемъ сраженія Гуакова съ чудовищнымъ гигантомъ; а Князя Флоридскій, поклонившись Королю, Принцессѣ и всѣмъ находящимся въ залѣ, вышелъ съ своими спутниками изъ собранія. Когда Гуакъ пришелъ въ тѣ покои, гдѣ онъ проводилъ ночь, то королевскій казначей принесъ различное воинское оружіе, какъ

то: латы, шлемы, мечи, копья и прочее тому подобное, какъ для Гуака, такъ и для прочихъ двѣнадцати богатырей. Всѣ стали выбирать себѣ оружія у кого какихъ не было, и Гуакъ началъ одѣваться въ свои доспѣхи. Во первыхъ надѣлъ на себя панцырь, потомъ эпанчу спасающую отъ потопленія, голову свою украсилъ шишакомъ Гуалиховымъ, въ лѣвую руку взялъ щитъ дѣда своего Зилагона, а въ правую копье Вирстоново, свита его также вооружилась, и въ мощныхъ рукахъ рыцарей блистали старинные Дербинскія щиты подобно зеркалу.

Гуакъ въ сопровожденіи своихъ богатырей выходитъ на крыльцо, у котораго уже стояли въ готовности прекраснѣйшія богатырскія кони; въ одно мгновеніе ока всѣ садятся на нихъ и ожидаютъ Бельгама съ Велеумою, которые также не замедлили явиться,—имъ также подведены были прекраснѣйшія лошади. Итакъ, будучи окружены дворцовою свитою и тѣлохранителями Велеумиными отправились къ тому мѣсту, гдѣ обитало чудовище съ своими стрѣльцами. Во время сей ѣзды, одинъ чиновникъ Королевскій ѣхавшій впереди, произнесъ громогласно слѣдующе:

Амазонцы! просите боговъ, чтобъ они сохранили мужественнаго героя, отважившагося вступить въ сраженіе съ ужаснымъ исполиномъ; просите боговъ, что бы силою его оружія низложенъ былъ этотъ кровожадный и свирѣпый тиранъ, разворяющій наше любезное отечество!

Тогда народъ, который наполнялъ улицу и находился на кровляхъ домовъ, кричалъ въ слѣдъ Гуаку и его свитѣ:

Да подадутъ всесильные боги мужественному рыцарю помощь, и воодушевятъ мужествомъ его сопутниковъ; да падетъ исполинъ дикихъ странъ подъ ударами сего героя, и да поразится отъ сопровождающихъ его богатырей звѣроподобные стрѣльцы.

Въ сопровожденіи сихъ кликовъ народа Флоридскій Князь доѣхалъ до городскихъ воротъ, которыя въ ту самую минуту отворились, и онъ въ сопровожденіи Бельгама, Велеумы и своихъ друзей выѣхалъ сквозь оныя на прекраснѣйшій лугъ. Солнце уже совершенно взошло, небо, было ясно и прохладный Зефиръ едва колебалъ листочки деревъ. Отъѣхавши нѣсколько отъ городской стѣны, Бельгамъ остановился, потому что жилище чудовища не въ дальнемъ находилось разстояніи отъ сего мѣста.

Гуакъ въ это время находился въ недоумѣніи, и мрачныя мысли наполняли душу его. Взглянувъ на собраніе и на городъ, онъ чувствовалъ, что долгъ чести и справедливости требовалъ отъ него вступить въ бой съ исполиномъ; но оборотясь и посмотрѣвъ на рыцарей, смутился нѣсколько и сказалъ самъ въ себѣ: что если побѣдитъ меня чудовище и истребитъ воиновъ, надежду и славу Княжества Флоридскаго? Я повергаю жизнь свою на защиту и спасеніе любезнаго мнѣ предмета, а эти герои рѣшаются и жертвуютъ ею изъ одного ко мнѣ повиновенія. Будучи тревожимъ такими

смутными мыслями, онъ прибѣгаетъ къ помощи скоровѣстной стрѣлы, подаренной ему Жеонгомъ, и желаетъ его узнать отъ престарѣлаго волшебника, будетъ ли онъ побѣдителемъ надъ страшными соперниками. Вынувши стрѣлу изъ колчана, беретъ лукъ и, натянувъ его, спускаетъ стрѣлу, которая съ свистомъ въ одно мгновеніе ока скрывается отъ глазъ его. Не прошло еще двухъ минутъ, какъ она упала къ ногамъ Князя Флоридскаго съ слѣдующее надписью.

«Желанію твои побѣдой наградятся.
«И лютые враги тобою истребятся.

Это пріятное увѣреніе прибавило Флоридскому Князю смѣлости и отважности, и когда онъ показалъ скоровѣстную стрѣлу съ надписью своимъ спутникамъ, то этимъ самымъ возбудилъ въ нихъ геройскій духъ ихъ. Прежде сраженія рѣшился онъ объявить о себѣ Государю Амазонскому и прекрасной дочери его, которые, желая быть свидѣтелями сего противоборства, стояли на нѣкоторомъ возвышенномъ холмѣ. Гуакъ подъѣхавъ къ сему холму, сходитъ съ коня, подступаетъ къ Бельгаму и Велеумѣ, и говоритъ имъ:

Государь Амазонскій и прекрасная Принцесса! Единственно за васъ, за ваше спокойствіе и честь вступаю въ это жестокое сраженіе. — Ваше присутствіе больше ободряетъ меня и воспламеняетъ во мнѣ тотъ духъ, который природа чрезъ дѣда и отца моего въ меня влила. Я желаю быть преемникомъ славы ихъ. Прежде вступленія въ бой я рѣшился извѣстить васъ о моемъ имени, родѣ и

отечествѣ... Я единственный сынъ Князя Флоридскаго Гуалиха, имя мое Гуакъ; а эти, продолжалъ онъ, указывая на друзей своихъ, двѣнадцать Флоридскихъ богатырей.

Какъ! воскликнулъ изумленный Бельгамъ, это я вижу храбраго Гуака, котораго прославляютъ повсюду, коего геройскіе подвиги вся Америка превозносить.—Такъ, Ваше Величество, я тотъ самый Гуакъ. Побѣда моя во Флоридѣ надъ Принцемъ Созоментомъ принудила меня, оставя отечество, ѣхать въ Амазонское государство, и найдя сего прекраснаго Принца, у ногъ его признаться, что я совершенно самъ побѣжденъ имъ. Говоря это, онъ обращалъ взоры свои на прекрасную Велеуму, и въ потупленныхъ глазахъ, въ румянцѣ покрывшемъ щеки ея, явно читалъ происходящее въ душѣ ея; однако, не теряя времени и не ожидая отвѣта отъ Бельгама цѣлуетъ у Короля и Принцессы руки, садится на коня, беретъ щитъ Зилагоновъ и при восклицаніи многочисленнаго народа поскакалъ къ жилищу исполина. Могучіе Флоридскіе богатыри обнаживъ булатные мечи, подобно вихрю пустились въ слѣдъ за Гуакомъ и въ одну минуту скрылись изъ глазъ зрителей.

Мужественный Гуакъ не успѣлъ еще хорошенько разсмотрѣть сего прекраснаго мѣстоположенія, какъ увидѣлъ свирѣпое чудовище, бѣгущее къ нему съ поднятымъ мечемъ. Князь Флоридскій нѣсколько пріостановился, увидя сего ужаснаго Гиганта, однако, призвавъ въ помощь боговъ, направляетъ побѣдоносное оружіе и устремляется на своего противника. Невоз-

можно описать, того, что произошло въ то время, когда Князь Флоридскій поразилъ исполина побѣдоноснымъ копьемъ Вирстоновымъ, а тотъ его ужаснымъ мечемъ: отъ этихъ ударовъ произошелъ стукъ подобный грому, казалось, что самая земля подъ ними потряслася, отъ оружій ихъ посыпались искры, и если бы щитъ Зилагоновъ не защитилъ Гуака отъ удара исполинова, то навѣрное онъ лишился бы жизни ибо ударъ сей столь былъ силенъ, что мечь свирѣпаго чудовища разлетѣлся на мелкія части; однако и копье Вирстоново не могло ранить соперника по причинѣ крѣпкой его чешуи. Впрочемъ, какъ Гуакъ отъ сильнаго Гигантова удара не могши усидѣть на своемъ конѣ, упадаетъ съ онаго, такъ равно и гигантъ не устоявъ противъ Вирстонова копья падаетъ на землю, подобно огромному дереву. Въ это самое время Флоридскіе богатыри устремляются на дикихъ стрѣльцовъ, и вступаютъ съ ними въ жесточайшее сраженіе. Копья въ рукахъ Флоридцевъ разлетаются на мелкія части, мечи ихъ притупляются, потому что кожа на звѣрообразныхъ стрѣльцахъ была непроницаема и подобилась крѣпостію своею твердѣйшей стали, однако и стрѣлы ихъ противниковъ не могли имъ вредить немало, ибо ударяясь объ щиты Флоридцевъ возвращались назадъ на самихъ же стрѣльцовъ. Лютое чудовище, вставши съ земли и пришедши нѣсколько въ себя отъ полученнаго имъ удара, опять устремляется на Гуака съ другимъ оружіемъ, онъ беретъ ужасной величины лукъ и однимъ разомъ пущаетъ изъ

онаго три стальныя стрѣлы; Князь Флоридскій, искусно отразивъ оныя своимъ щитомъ, и собравъ всѣ силы, поражаетъ гиганта побѣдоноснымъ копьемъ своимъ и принуждаетъ его трепетать и искать помощи для своей защиты. Онъ закричалъ ужаснымъ голосомъ: обладательница неба и моря, всесильная повелительница духовъ! подкрѣпи ослабѣвающія силы мои и не попусти, чтобы сей юноша торжествовалъ надъ рабомъ твоимъ, спаси меня, я погибаю!

Едва онъ выговорилъ слова сіи, вдругъ поколебалось мѣсто сраженія и вся почти окрестная страна и блеснула яркая молнія, будучи сопровождаема ударами страшнаго грома; поднявшійся ужасный вихрь произвелъ величайшую пыль и затмилъ сіяніе солнечныхъ лучей; слышанъ былъ смѣшанный какой-то шумъ, и земля своимъ трясеніемъ грозила всѣмъ зрителямъ опасною гибелью. Среди такой ужасной сцены, среди яряющихся стихій явилась на воздухѣ колесница, запряженная двумя огнедышащими драконами, въ оной сидѣла прелестная женщина, или лучше сказать, коварная волшебница Зевеса. Приблизившись нѣсколько къ Гуаку, она произнесла слѣдующее:

Несчастный! дерское твореніе! получи наказаніе за твою дерзость; ежели стрѣлы раба моего не могли тебѣ сдѣлать, то всепожирающій пламень обратитъ тебя въ пепелъ.

По окончаніи словъ волшебницыныхъ, гигантъ въ одну минуту принимаетъ на себя видъ пламеннаго ужаснѣйшаго дракона, и изрыгая величайшее

пламя устремился на Гуака и началъ жечь его. Храбрый и могущественный Князь, надѣясь на защищающій его отъ пламени панцырь, сражался мужественно съ своимъ новопреобразившимся соперникомъ; однако эпанча, спасающая отъ потопленія, сотлѣла на его плечахъ, и превратитась въ уголь, да и самый панцырь началъ мало по малу разгораться. Въ этомъ опасномъ случаѣ онъ прибѣгаетъ къ скоровѣстной стрѣлѣ. Едва успѣлъ онъ спустить оную, какъ на крылатомъ конѣ явился волшебникъ Жеонго, имѣя въ рукѣ огненный мечь. Не страшись, любезный Гуакъ, сихъ слабыхъ угрозъ, говорилъ ему престарѣлый волшебникъ, панцырь древняго Язона довольно силенъ и утушить еще стократъ болѣе сего пламень, а копье страшнаго Вирстона умертвитъ твоего соперника. Послѣ сихъ словъ онъ спрыснулъ разженный панцырь Гуаковъ нѣкоторою составленною жидкостію, самъ устремляется съ огненнымъ своимъ оружіемъ на волшебницу Зевесу и, сразившись, оба вдругъ исчезли. Флоридскій Князь, при помощи друга своего Жеонго, снова ободрившись, началъ съ большимъ нежели прежде мужествомъ сражаться съ превращеннымъ изъ дракона гигантомъ; а по не долгой битвѣ вонзилъ побѣдоносное копье Вирстоново въ растворенный зѣвъ сего ужаснаго чудовища, чѣмъ и кончилъ битву. Важное и драгоцѣнное сіе оружіе не только поразило смертельно огнедышущаго дракона, но и чудодѣйство Зевесы уничтожило. Видъ дракона измѣнился въ прежній и настоящій образъ гиганта. Вонзенное Гуакомъ въ

гортань копье принудило исполина упасть не землю, а тогда уже не трудно было храброму Князю отдѣлить мечемъ своимъ отъ туловища страшную его голову.

Начало сраженія Гуака съ звѣрообразными исполиномъ было видимо Бельгамомъ, Велеумою и всѣми прочими находящимися на лугу около Короля Амазонскаго; по окончаніи онаго распространившаяся повсюду мрачная тьма отъ всѣхъ сокрыла. Когда же Князь Флоридскій отрубилъ голову страшнаго гиганта, то вдругъ тьма исчезла, и солнце съ новымъ блескомъ озарило землю. Что же тогда представилось Гуаку? Онъ увидѣлъ богатырей своихъ сбитыхъ съ лошадей и весьма слабо защищающихся, а стрѣльцовъ пришедшихъ въ ужасное свирѣпство и одолѣвающихъ друзей его; но въ туже минуту упавшая съ воздуха скоровѣстная стрѣла обод ила его слѣдующею надписью:

«Геройство съ мужествомъ Гуакъ соедзняй,
«Вирстоновымъ копьемъ стрѣльцовъ ты поражай.

Прочитавъ сію надпись, онъ воспламеняется снова, тотчасъ выдергиваетъ изъ гортани исполиновой копье садится на коня и съ быстротою молніи пускается на звѣрообразныхъ стрѣльцовъ. Соединя всѣ свои силы и пришедъ въ великую запальчивость, началъ поражать чудовищныхъ противниковъ такъ удачно, что въ самое короткое время принудилъ ихъ трепетать отъ своего смертоноснаго оружія, притомъ же они въ большую пришли робость, когда увидѣли обезглавленный трупъ своего

предводителя. Они бросились бѣжать отъ страшнаго для нихъ побѣдителя, но бѣгство ихъ было безполезно, ибо Гуакъ поражалъ ихъ въ тылъ, летая подобно вихрю на конѣ своемъ. Умертвивши всѣхъ стрѣльцовъ, возвратился опять на то мѣсто, гдѣ лежалъ обезглавленный трупъ исполиновъ. Онъ приказываетъ своему оруженосцу, воткнувъ на копье страшную голову чудовища, везти предъ собою къ ожидающимъ его съ нетерпѣніемъ Бельгаму и Велеумѣ.

Невозможно описать восхищенія, какое наполнило душу Государя Амазонскаго и его дочери когда они увидѣли Гуака, какъ побѣдителя къ нимъ приближающагося. Подъѣхавъ къ нимъ, Князь Флоридскій слѣзаетъ съ коня своего и поздравляетъ съ счастливою побѣдою. Бельгамъ въ восторгѣ и радости забываетъ старость свою, свой важный санъ; распростирая свои руки, бѣжитъ навстрѣчу къ Гуаку, и, заключивъ его въ объятія, говоритъ:

Любезный Князь! ты сохранилъ мою корону, честь моей дражайшей дочери, избавилъ государство Амазонское отъ гибели и кровопролитія; твое геройство, мужество и храбрость защитили насъ отъ всеконечнаго раззоренія. Чѣмъ могу тебя возблагодарить за сіе! Прими въ награду руку моей любезной Велеумы, а сердце ея уже давно принадлежитъ тебѣ.

Послѣ сего всѣ отправились въ столицу въ сопровожденіи многочисленной свиты. впереди ѣхалъ Герольдъ и прославлялъ подвиги мужественнаго Гуака.

Торжественный въѣздъ Гуаковъ въ столицу такимъ сопровождаемъ былъ великолѣпіемъ, что никто не запомнитъ, едва ли какой побѣдитель въѣзжалъ съ такою церемоніею. По прибытіи во дворецъ, начали съ великою пышностію и веселіемъ торжествовать побѣду. Вдругъ растворяются двери, всѣ веселящіеся обращаютъ въ ту сторону взоры свои и видятъ входящую прекрасную Велеуму, окруженную прекраснѣйшими дѣвицами; она одѣта была въ прекраснѣйш е платье, украшенное драгоцѣнными каменьями, главу ея украшала брилліантовая корона. Красота Принцессы Амазонской поразила всѣхъ присутствующихъ, она подошедши къ Бельгаму и потупивши свои прекрасныя глаза начала ему говорить:

Дражайшій родитель! будущій супругъ мой, котораго давно уже сердце мое избрало, а побѣда его содѣлала достойнымъ быть вашимъ зятемъ, долженъ получить еще большую награду; та рука, которая пронзила свирѣпое чудовище, должна держать скипетръ царства Амазонскаго: та глава которая нынѣ увѣнчалась лаврами побѣды, должна носить корону спасеннаго государства,

Твоя правда, прервалъ ее Государь Амазонскій храбрый князь Флоридскій достоинъ носить корону Амазонскую. Князь, приближься! сказалъ Бельгамъ Гуаку, возвыся голосъ; потомъ оборотясь къ своему собранію продолжалъ: утверждаю нареченнаго зятя моего Князя Флоридскаго Гуака подданнымъ своимъ наслѣдникомъ, какъ престола такъ и всего

вообще, я передаю ему всѣ права, соединенныя съ именемъ и званіемъ наслѣднаго Принца.

По окончаніи словъ сихъ, Бельгамъ беретъ руки Велеумы и Гуака соединяетъ ихъ вмѣстѣ, потомъ съ родительскою горячностію заключаетъ въ свои объятія и прижимаетъ къ своему сердцу.

На другой день, едва мракъ ночной началъ разсѣяваться, и солнце стало показываться изъ за синяго лѣса, во всемъ блескѣ. Герольдъ возвѣстилъ всему народу, что кроткій Король Амазонскій повелѣлъ торжествовать всему государству ровно семь дней, въ знакъ избавленія всей Амазонской страны отъ очевидной и неминуемой гибели.

По окончаніи сихъ торжествъ и веселостей наступилъ счастливый день для возлюбленныхъ, то есть день бракосочетанія Флоридскаго Князя съ Амазонскою Принцессою Велеумою. Едва заря показалась на востокѣ, какъ все пришло въ движеніе. Улица ведущая отъ дворца къ Юпитерову храму была занята гвардіею Амазонскаго Государя, по пути разостланы были драгоцѣнныя ткани и усыпаны различными цвѣтами. Громъ трубъ и литавръ возвѣстилъ народу шествіе ихъ къ храму. И едва только Бельгамъ съ Велеумою и Гуакомъ сѣли на торжественныя колесницы и двинулись съ мѣста, вдругъ народъ толпами съ великимъ крикомъ, коимъ изъявлялъ свою радость, бросился за колесницами. Ни гвардія, ни тѣлохранители, не могли удержать восхищенныхъ подданныхъ, которые толпились около колесницъ. Подъѣхавъ къ Юпитерову храму, сошли съ торжественныхъ колесницъ

и вступили во храмъ. Когда Бельгамъ и Велеума приступили къ жертвеннику, посвященному Юпитеру, то главный жрецъ началъ нарекать на нихъ благоволеніе боговъ, чтобы укрѣпили сочетающихся союзомъ вѣрности и любви, и соверша такимъ образомъ, поздравилъ новобрачныхъ. Послѣ сего начали приносить богамъ на жертву тучныхъ овецъ. и ужасной величины волъ съ вызолоченными рогами готовился въ честь Юпитеру; но едва только жертвенный ножъ коснулся этого животнаго, какъ оно заревѣло ужаснымъ образомъ, глаза его налились кровью и сверкали на подобіе яркихъ звѣздъ изъ рта его клубилась кровавая пѣна; сей страшный быкъ началъ бить ногами въ землю и рогами колебалъ жертвенникъ; но какимъ страхомъ и трепетомъ объяты были находящіеся въ храмѣ, когда свирѣпое сіе животное громоподобнымъ человѣческимъ голосомъ произнесло сіи слова:

«Подъ тѣнью роскоши владѣльцы вовдремали.
«Забыли важный долгъ, и честь боговъ попрали.
«За что раздражены противу всѣхъ они,
«Мгновенно превратить веселье въ мрачныя дни.»

Чудесное это приключеніе совершенно лишило чувствъ всѣхъ находящихся въ храмѣ; наконецъ нѣсколько пришедши въ себя начали со всѣми жрецами умилостивлять боговъ, съ пролитіемъ источниковъ слезъ; но все было тщетно. и къ большому еще ужасу истуканъ Юпитировъ поколебавшись изрекъ имъ слѣдующій отвѣтъ:

По окончаніи сего изреченія, вдругъ засвисталъ со всѣхъ сторонъ вихрь, мрачная туча съ яркою

молніею и громомъ покрыла всю столицу Амазонскую; основаніе храма начало колебаться, въ одно мгновеніе ока сорвало кровлю храма, въ это отверстіе спустился съ высоты не малой величины огненный клубъ, который съ ужаснымъ трескомъ разсыпавшись, представилъ пламеннаго исполина, который подобно грому произнесъ слѣдующее:

„Отри тоски слезъ, и не стените нынѣ,
„Съ покорною душею предайтесь судьбинѣ!
„За что послѣдавалъ противъ васъ гнѣвъ боговъ,
„Что за побѣды вы не принесли даровъ,
„И жертву тучною изъ храмовъ не почтили!
„Мужайтесь сколько льзя, сколь могутъ ваши силы!

Когда смертные заслужили гнѣвъ отъ боговъ, то нѣтъ уже на свѣтѣ такой власти, которая бы могла воспрепятствовать мнѣ въ моемъ предпріятіи.

Что тогда почувствовали Бельгамъ, новобрачные и прочіе присутствующіе во храмѣ, описать невозможно. Хотя Флоридскіе богатыри пустили въ этого страшнаго огненнаго воина тысячу стрѣлъ, но они не могли не мало вредить ему, даже и самое Вирстоново копье, коимъ поразилъ его Гуакъ, нимало надъ нимъ не подѣйствовало, только, къ большому ужасу, сей гигантъ превратился въ страшное чудовище, которое ужаснымъ своимъ ревомъ поколебало основаніе храма‘ копье Флоридскаго Князя уткнулось ему между крыльевъ, и это чудовище, подхватя принцессу Велеуму и посадя ее на спину, поднялось къ верху; вылетѣвши же изъ храма; изчезло подобно молніи.

Кто можетъ изобразить то горестное и отчаянное состояніе, въ какомъ находился Гуакъ, будучи

лишенъ обожаемой имъ супруги и побѣдоноснаго оружія, защищающося жизнь его!

О жестокая судьба, немилосердые боги, вскричалъ тогда Князь Флоридскій, за что вы меня такъ жестоко наказываете! Выговоривъ слова сіи онъ падаетъ въ обморокъ. Гуака принесли въ покои, положили на постелю и привели въ чувство; тогда онъ открывши глаза и не видя любезнѣйшей супруги, пришелъ въ отчаянное состояніе, проливалъ источники слезъ, рвалъ на себѣ волосы и громкимъ голосомъ призывалъ дрожайшую свою Велеуму.

На другой день едва только показалось утро, Князь Флоридскій встаетъ съ постели, на которой всю ночь провелъ въ величайшей печали о потери Вирстонова копья и о лишеніи обожаемой имъ суп руги, и съ наступленіемъ дня опять предается слезамъ и стенаніямъ. Наконецъ, ободрившись нѣсколько, вознамѣрился лучше прибѣгнуть къ совѣту друга своего Жеонго нежели предаваться горести и отчаянію. Итакъ будучи въ этихъ мысляхъ отворяетъ онъ въ спальнѣ своей окно и пускаетъ изъ лука скоровѣстную стрѣлу, въ надеждѣ получить утѣшительный отвѣтъ. Но какою радостію наполнилось сердце Князя Флоридскаго, когда вмѣсто ожидаемаго отъ Жеонго отвѣта. самъ этотъ добродушный волшебникъ въ скоромъ времени предъ нимъ явился.

Любезный Князь, говорилъ престарѣлый волшебникъ; великія ваши услуги мнѣ нѣкогда оказанныя всегда сильны привлечь меня къ вамъ. .

Ахъ другъ мой! вскричалъ Гуакъ, увидѣвши своего благодѣтеля, налей цѣлебный бальзамъ утѣшенія въ стѣсненую душу мою, я лишился всего на свѣтѣ, всего, что составляло единственное въ жизни моей утѣшеніе. Увы! я лишился обожаемой супруги, для которой предался на всѣ опасности и не щадилъ жизни своей, притомъ же потерялъ мое оружіе, то самое копье, которое подарилъ мнѣ родитель мой. Любезнѣйшій Жеонго, продолжалъ Флоридскій Князь, прости меня, что я рѣшаюся на неотступную просьбу и требую отъ тебя помощи; ежели уже невозможно противиться власти боговъ, то есть возвратить мнѣ Велеуму' то по крайней мѣрѣ увѣдоми меня, гдѣ теперь находится эта Принцесса, и что съ нею приключилось; жива ли она, есть ли надежда увидѣть ее? Я твердо увѣренъ, что ты по дружбѣ и любви ко мнѣ не откажешь въ такой покорнѣйшей просьбѣ

Кто великодушенъ, тотъ не можетъ быть несчастливъ, отвѣчалъ волшебникъ· На что вамъ роптать на Провидѣніе? Все въ мірѣ управляется премудро, и благоразумный человѣкъ никогда не долженъ приходитъ въ отчаяніе; но положись на Провидѣніе и отдавшись на волю судьбѣ, ожидай безропотно того, что опредѣлено отъ боговъ. Можетъ быть они, сжалясь на наше несчастіе, и видя мужественное терпеніе, съ каковымъ вы оное сносите, прервутъ страданія и даруютъ жизнь благополучную; впрочемъ, я съ своей стороны сколько могу буду стараться доставить вамъ всевозможную помощь и утѣшеніе.

Обрадованный этими увѣреніями, Гуакъ заклю чаетъ престарѣлаго Жеонго въ объятія и благо дарить за великое къ нему участіе, и по совѣту сего друга въ тотъ же самый день началъ при готовляться въ походъ отыскивать похищенную супругу.

На другой день Князь Флоридскій, простясь с тестемъ своимъ Амазонскимъ Королемъ и со всѣ ми вельможами двора его, въ сопровожденіи двѣ надцати своихъ богатырей и съ Жеонго отправил ся въ назначенный путь.

Чрезъ два дни на третій пріѣхали они къ морю гдѣ стоялъ въ близкомъ отъ берега разстояніи оснащенный и украшенный корабль, на которомъ находилось шестнадцать человѣкъ проворныхъ и искусныхъ матросовъ. По данному волшебникомъ знаку, они, подъѣхавъ на шлюбкѣ къ берегу, пе ревезли на корабль Князя Флоридскаго, Жеонго и двѣнадцать богатырей. Едва всѣ помѣстились на кораблѣ, какъ Жеонго приказалъ поднять паруса и судно полетѣло какъ птица. Чрезъ двѣнадцать дней достигли они одного острова, къ которому приставши, увѣдомилъ волшебникъ Гуака, что тотъ островъ принадлежитъ ему съ давняго времени, но долгое время владѣла онымъ волшебница Зеве са. Жеонго на семъ островѣ обѣщался не только уменьшить печаль несчастнаго Князя, но и прило жить стараніе узнать, въ какомъ мѣстѣ находится дражайшая его супруга.

Лишь только вступили на островъ, то въ туже минуту встрѣчены были прекрасными юношами,

которые съ великимъ почтеніемъ провожали прибывшихъ до самаго великолѣпнаго замка, въ воротахъ коего встрѣтила ихъ новая стража и провожала до самаго крыльца. Вошедши же въ покои, Гуакъ повсюду видѣлъ пышность и великолѣпіе. Въ это время два евнуха въ золотомъ осыпанномъ каменьями платьѣ, взявъ престарѣлаго волшебника подъ руки, ввели въ большую залу, въ которой стоялъ золотой тронъ, украшенный крупными изумрудами. Когда Жеонго вошелъ на тронъ, Князь же Флоридскій съ своими богатырями заняли мѣста около онаго, вдругъ, по данному волшебникомъ знаку, загрѣмѣла огромная музыка, которая также продолжалась и во время стола, гдѣ Флоридскій Князь и друзья его угощаемы были отличнымъ образомъ; до самаго же вечера музыка не умолкала, которая своимъ согласіемъ и превосходствомъ инструментовъ столь усладила Гуака, что онъ на нѣсколько времени позабылъ прежнюю свою печаль. Къ вечеру былъ приготовленъ великолѣпный ужинъ, послѣ котораго Жеонго проводилъ ихъ въ приготовленные для нихъ покои, гдѣ Князь Флоридскій и друзья его вскорѣ предались покойному сну.

Едва наступилъ день, Князь Флоридскій, вставши и одѣвшись, пошелъ къ другу своему Жеонго; послѣ обыкновенныхъ привѣтствій волшебникъ началъ говорить Гуаку слѣдующее:

Князь Флоридскій! послѣ отдыха время намъ приняться за дѣло, касающееся до твоей собственной пользы,

По окончаніи сихъ словъ, Жеонго встаетъ съ своего мѣста, и взявши Князя Флоридскаго за руку, въ сопровожденіи всѣхъ его двѣнадцати богатырей повелъ черезъ множество прекрасно убранныхъ комнатъ; потомъ вышли въ прекрасный садъ, въ которомъ находилось великое множество плодовитыхъ деревьевъ, и которыя будучи обременены плодами, преклоняли къ землѣ свои вѣтви; земля покрыта была зеленью, небольшія долины испещрены были прекрасными цвѣтами, которые распространяли повсюду благоуханіе; среди прудовъ наполненныхъ рыбою находились маленькіе островки съ прелестнѣйшими бесѣдками. Пройдя удивительный садъ, пришли къ одной горѣ, на которую вошли не безъ труда по мраморнымъ уступамъ; на сей горѣ воздвигнутъ былъ храмъ изъ бѣлаго мрамора. Лишь только волшебникъ приблизился къ яшмовымъ дверямъ, оныя сами собою растворились, и вошедши во внутренность храма, увидѣлъ Гуакъ стоящій посреди онаго золотой тронъ, на коемъ стояла статуя, находящаяся въ безпрестанномъ движеніи, и которая имѣла на всѣхъ членахъ глаза. Жеонго, указывая на сію страшную и чудесную статую, сказалъ Князю Флоридскому: чрезъ эту статую узнаю все то, что только представлю въ своихъ мысляхъ, — вотъ вѣрное средство узнать о Велеумѣ и похищенномъ копьѣ. По окончаніи словъ сихъ началъ произносить нѣкоторыя неизвѣстныя слова, и когда замолкъ, движущаяся статуя закрыла глаза свои. Отъ сего необыкновеннаго происшествія Жеонго

пришелъ въ чрезвычайный ужасъ и стоялъ подобно истукану; вдругъ опустился съ высоты чрезвычайной величины клубъ, который, разсыпавшись искрами, представилъ страшнаго исполина съ огненымъ копьемъ. Жеонго, возгремѣлъ сей гигантъ громоподобнымъ голосомъ, ты хочешь знать, гдѣ находится Принцесса Велеума? Такъ знай же, что пребываніе ея сокрыто отъ очей смертныхъ; боги предали ее во власть сильной волшебницы Зевесы и никакія хитрости, никакая власть не могутъ исхитить ее изъ рукъ волшебницы; пять лѣтъ не можетъ супругъ зрѣть ее, ни она его, и если кто дерзнетъ испытать волю боговъ, такого дерзкаго преступника это огненное копье, поразивъ, превратитъ въ прахъ. По сихъ словахъ гигантъ исчезъ подобно молніи, движущаяся статуя по прежнему открыла глаза свои и пришла въ движеніе, разрушенный храмъ опять соорудился, и гора перестала колебаться. Все это привело волшебника въ столь сильный ужасъ, что онъ незналъ, что ему должно было дѣлать. Напослѣдокъ, нѣсколько опомнившись, сказалъ Флоридскому Князю: хотя сей сильный духъ, которому поручено хранить вашу супругу, своими словами и привелъ насъ въ горесть и отчаяніе, но оставлю ли я, изъ любви къ вамъ, еще другой надежнѣйшій опытъ, и повѣрю-ль словамъ сего духа, которыя часто бываютъ обманчивы и лживы? Пойдемте въ другое мѣсто.

Сказавши сіе, онъ сходитъ съ горы въ сопровожденіи Гуака и двѣнадцати богатырей, и прошли многія аллеи, бесѣдки и цвѣтники, пришли нако-

нецъ въ померанцевую рощу, посвященную Юпитеру, посрединѣ которой стоялъ храмъ изъ чистаго восточнаго хрусталя съ изумрудными столбами, внутренность коего освѣщена была множествомъ зазженныхъ лампадъ, отъ которыхъ исходящій блескъ поражалъ глаза зрителей; посреди сего храма стоялъ бриллiантовый тронъ, на верху котораго на золотомъ глобусѣ стояла изъ такого же металла Юпитерова статуя, показывающая пріятный и улыбающійся видъ, и держащая въ рукахъ громовые перуны. Жеонго, подступя къ трону, падаетъ на колѣни предъ истуканомъ сего страшнаго бога. Князь Флоридскій и его спутники слѣдуютъ примѣру престарѣлаго волшебника, и всѣ вмѣстѣ, совокупя свои мольбы, старались умилостивить сильнаго Юпитера и узнать о заключенной Принцесѣ Амазонсской Велеумѣ, Истуканъ, нѣсколько поколебавшись, далъ слѣдующій отвѣтъ:

Пять лѣтъ Флоридскій Князь не можетъ зрѣть ея,
Въ томъ воля всѣхъ боговъ, въ томъ воля и моя.

Сей отвѣтъ повергъ Князя Флоридскаго въ отчаяніе; но другъ его Жеонго нѣсколько ободряетъ и всѣми мѣрами обнадеживаетъ что во все пятилѣтнее время приложитъ всевозможное и усерднѣйшее стараніе узнать точно, гдѣ находится дражайшая его супруга и Вирстоново копье. Впрочемъ, присовокупилъ онъ, мое искусство тутъ не можетъ, но токмо усердное моленіе и прошеніе боговъ, что я исполнять буду каждодневно. По окончаніи словъ сихъ, беретъ Жеонго Гуака за руку и въ сопровожденіи богатырей Флоридскихъ возвращаются въ замокъ.

Три мѣсяца угощалъ Жеонго Гуака; онъ изобрѣталъ различныя увеселенія и забавы, чтобы разсѣять и уменьшить печаль, поселившуюся въ сердцѣ Князя Флоридскаго. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ, Гуакъ сказалъ другу своему Жеонго, что онъ намѣренъ отправиться путешествовать, дабы провести скучное и несносное для него пятилѣтнее время; волшебникъ одобрилъ его намѣреніе, и присовокупилъ что онъ и самъ хотѣлъ предложить ему о семъ. Въ этотъ же самый день приготовлено, было все къ отъѣзду.

На другой день, едва начала заниматься заря, Гуакъ и друзья ег готовы были въ назначенный путь; вскорѣ является Жеонго, заключаетъ любезнаго своего друга въ объятія и говоритъ: прощай, дражайшій Князь мой! ступай въ путь умѣрь свою горесть и уныніе, покорись судьбѣ и безропотно сноси несчастіе; я же съ своей стороны употреблю стараніе, узнать мѣстопребываніе твоей супруги. Волшебникъ провожаетъ ихъ до самаго берега, гдѣ отдаетъ опять Гуаку скоровѣстную стрѣлу, а другую пускаетъ въ море, отчего въ ту же минуту явилось у берега небольшое, отлично украшенное судно; мачта была вызолочена, флагъ изъ тончайшаго Индійскаго полотна съ изображеніемъ солнца въ сіяніи, веревки свиты изъ Китайскаго шелку. На суднѣ кромѣ одного лоцмана никого не было, однако Жеонго увѣрилъ Флоридскаго Князя, что ежели онъ плыть будетъ на семъ небольшомъ суднѣ и повиноваться волѣ кормщика

что, не опасаясь ничего, можетъ ѣздить по бурливѣйшимъ морямъ, и не можетъ подвергнуться кораблекрушенію.

Когда былъ положенъ въ судно нужный запасъ тогда, простясь совершенно съ волшебникомъ и поблагодаря его за искреннюю дружбу и любовь Гуакъ съ своими богатырями входитъ на корабль. Вѣтеръ въ то время дулъ благопріятный и лоцманъ по приказанію Гуака направилъ судно къ восточному морю. При мѣсячномъ сіяніи путешественники увидали при одномъ пустомъ островѣ два большіе корабля которые между собою весьма близко сцѣпившись крючьями, начали ужасное сраженіе; стрѣлы подобно граду сыпались съ обѣихъ сторонъ, стукъ мечей и крикъ сражающихся раздавался по воздуху. Флоридцы издали смотрѣли на это жестокое сраженіе. Но сколь велико было удивленіе Великосила, когда увидѣлъ онъ, что на разбойничій корабль, ибо одинъ изъ двухъ кораблей былъ разбойничій, вскочилъ одинъ мужественный рыцарь, который мечемъ своимъ поражалъ всюду разбойниковъ, и предавши многихъ смерти, возвратился опять на свое судно подкрѣплялъ ослабѣвающихъ своихъ солдатъ.

Любезнѣйшій другъ мой, сказалъ Великосилъ Гуаку, я требую отъ тебя помощи военному кораблю защитить его отъ ярости разбойниковъ, на немъ находится гербъ моего отечества, а сей герой, который находился на кораблѣ разбойничьемъ и поражалъ сихъ варваровъ, начальникъ тѣлохранителей. Тогда по приказанію Князя Флоридскаго

лоцманъ притянулъ судно къ разбойничьему кораблю, на который всѣ Флоридцы, Гуакъ и Великосилъ бросившись подобно разъяреннымъ львамъ начали ужасную сѣчу. Великосилъ сразился съ самимъ атаманомъ, и по не долгой битвѣ голова его покатилась въ море; разбойники видя, что лишились своего начальника, бросаютъ оружіе и просятъ пощады; но разъяренный Князь Арабскій пришелъ въ сильную запальчивость, не внимая гласу ихъ, поражалъ всѣхъ съ головы на голову. Когда же овладѣли разбойническимъ судномъ, тогда храбрый Морбель, (такъ назывался храбрый начальникъ тѣлохранителей) узнавши Государя своего, падаетъ предъ нимъ на колѣни и со слезами произноситъ слѣдующія слова:

Всемилостивѣйшій Государь! не столько благодарю я Промыслъ, который сохранилъ жизнь нашу и избавилъ отъ горькаго невольничества, сколько за то, что на третій годъ моего путешествія узрѣлъ я лицемъ къ лицу моего Государя. Но съ другой стороны не могу безъ огорченія сердечнаго произнести ни одного слова о тѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, какія произошли во время вашего отсутствія; впрочемъ нельзя умолчать объ оныхъ и не донести Вашей Свѣтлости.

Печаль и горесть покрывающая лице Морбелево, побудила Великосила принудить изъяснить подробно все происшедшее во время его отсутствія.

Государь, началъ говорить начальник[illegible] хранителей, Княгиня острова Суматры, м[illegible] на третій мѣсяцъ послѣ вашего отсутст[illegible]

чалась, малолѣтный вашъ братъ превозглашенъ, былъ наслѣдникомъ короны Суматрской; но бунтовщикъ Сигбаидъ правитъ вашею областію... Какъ, что ты говоришь? прерываетъ рѣчь его Великосилъ Сигбаидъ бунтовщикъ? сей великій Министръ и наперстникъ Князь Арабскій, увѣдомь меня, любезный Морбель?

И Морбель началъ говорить: честолюбіе и гордость Сигбаида вознеслись выше своего жребія; онъ былъ не доволенъ, что подъ именемъ наперсника малолѣтнаго Князя властвовалъ какъ хотѣлъ, государствомъ Суматрскимъ; онъ предпринялъ намѣреніе увѣнчать главу свою короною Суматрскою, и для достиженія сего рѣшился на всѣ беззаконія. Сей честолюбецъ своею щедростію и ласкою привлекъ на свою сторону всѣхъ знатнѣйшихъ вельможъ двора Суматрскаго, и заставилъ войско любить себя до безконечности; потомъ рѣшился подъять преступническую руку свою на юнаго Князя, онъ опоилъ его ядомъ; наконецъ пронесъ слухъ посредствомъ подкупленныхъ Индійцевъ, и о вашей смерти, разсказывая, что вы, возвращаясь въ отечество, претерпѣли на Персидскомъ море кораблекрушеніе и потонули. Такимъ образомъ беззаконными средствами прокладывалъ себѣ дорогу къ престолу, и когда увидѣлъ, что все уже было готово, объявилъ себя владѣтелемъ Суматры, и возложилъ похищенную имъ у наслѣдныхъ Князей корону. Всѣ учинили ему присягу; чтожъ касается до меня, то я не восхотѣлъ повиноваться хищнику престола, и согласился лучше оставить свое от

чество и странствовать по всему свѣту, въ надеждѣ сыскать законнаго Государя, нежели служить цареубійцѣ. Вотъ вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, извѣстіе о всемъ случившемся въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Я же съ своей стороны не знаю, какъ возблагодарить боговъ за ихъ милости, что по щедротамъ ихъ нашелъ я Государя, котораго искалъ долгое время, и теперь съ 100 моихъ вѣрныхъ воиновъ, которые также не захотѣли повиноваться незаконной власти.

Сіе горестное извѣстіе потрясаетъ душу Князя Суматрскаго, онъ погружается въ уныніе. Вообразивъ же смерть брата своего и всѣ обстоятельства, онъ приходитъ въ бѣшенство, скрежещетъ зубами, клянется предать мучительнѣйшей смерти бунтовщика Сигбаида, и, не медля, подходитъ къ Флоридскому Князю и проситъ его быть мстителемъ,

Гуакъ, тронувшись повѣствованіемъ Морбеля и видя, въ какихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ находилось княжество Суматрское, и притомъ любя друга своего Великосила, соглашается вспомоществовать ему всѣми силами и возвратить похищенный престолъ. Въ туже минуту отдаетъ приказъ, своему лоцману направить путь корабля къ острову Суматру. На другой день Князь Флоридскій написалъ къ Сигбаиду, незаконно владѣющему коронокю Суматрскою, письмо слѣдующаго содержанія:

Сигбаидъ!

Твое преступленіе открыто. Кровь умерщвленнаго тобою наслѣдника престола вопіетъ объ отмщеніи; другой возвратился теперь въ свое отечество

и требуетъ отъ тебя отчета въ учиненныхъ злодѣяніяхъ. Единое твое раскаяніе можетъ нѣсколько смягчить гнѣвъ обиженнаго тобою Государя Великосила; въ противномъ же случаѣ жестокая и мучительная смерть будетъ твоимъ удѣломъ. Выбирай любое, или прощеніе, или смерть.

Гуакъ, странствующій рыцарь.

Письмо сіе доставлено было Сигбаиду чрезъ одного Флоридскаго богатыря. Беззаконникъ, прочитавши оное, пришелъ въ чрезвычайный ужасъ, угрызеніе совѣсти подобной ядовитой зміѣ начало терзать сердце его. Собравши полный совѣтъ, требовалъ отъ онаго мнѣнія, какъ поступить съ непріятелями, подступившими подъ столицу, Суматрскую. Когда же при полномъ собраніи прочтено Гуаково письмо, то всѣ сочли оное за пустую выдумку и Сигбаидъ, ободрившись, отвѣчалъ Князю Флоридскому чрезъ того жъ посла что онъ съ своими вѣрноподданными намѣренъ защищать честь свою съ оружіемъ въ рукахъ, до послѣдней капли крови.

Сіе упорное ожесточеніе незаконнаго владѣтеля Суматрскаго рѣшило его участь, и Гуакъ клянется всѣмъ, что есть святаго, примѣрно показать сего непокорнаго цареубійцу и хищника; но Сигбаидъ, видя малое число непріятелей, надѣялся преодолѣть ихъ безъ сраженія.

Когда растворились градскія ворота и начало показываться войско Суматрское подъ предводительствомъ Сигбаида, Флоридскій Князь выступаетъ съ своими 12 богатырями въ полномъ вооруженіи,

а Великосилъ съ храбрымъ Морбелемъ и съ 100 вѣрныхъ воиновъ Сигбаидъ весьма удивился, видя, столь малое число непріятелей, ибо онъ вышелъ противъ оныхъ съ 5000 корпусомъ. Какъ скоро Суматрскве войско окружило со всѣхъ сторонъ Гуака съ его свитою и вовбражало, что они уже совсѣмъ находятся въ ихъ власти, то Гуакъ, изъ влекши изъ ноженъ мечъ свой и давши знакъ къ начатію сраженія, бросился въ кучу Суматрцевъ и подобно молніи леталъ повсюду и разсѣвалъ страхъ и ужасъ. Великосилъ, Морбель и прочіе богатыри, послѣдуя примѣру Князя Флоридскаго сверкали мечами, нанося смерть и опустошеніе. Въ скоромъ времени все поле покрылось мертвыми тѣлами; войско Суматрское, чувствуя тяжесть руки Гуаковой и видя необыкновенное геройство прочихъ рыцарей, объято было страхомъ, и не могши устоять разсѣялись въ различныя стороны· Сигбаидъ, который самъ тутъ находился, видя неудачу, обратился въ бѣгство, и едва могъ спасти жизнь свою.

На другой день послѣ сраженія весь городъ узналъ, что Великосилъ, законный наслѣдникъ Суматрскаго княжества живъ и находится подъ стѣнами столицы въ числѣ побѣдителей Сигбаида. Тогда весь народъ и войско взволновались и хотѣли выдать бунтовщика и хищника короны Суматрской Сигбаидъ; однако онъ съ своими сообщниками бѣжалъ изъ города, и всѣ старательные поиски открыть его убѣжище, остались тщетны.

По окончаніи трехъ-мѣсячнаго торжества въ столицѣ, происходившаго по случаю коронованія Великосила, Князь Флоридскій объявляетъ другу своему Князю Суматрскому, что онъ, оставляя его благополучно управлять Суматрою, самъ желаетъ отправиться въ Государство Индійское, Сколь ни старался Великосилъ удержать Гуака хотя на малое время, но Князь Флоридскій рѣшился ѣхать въ Индію. Итакъ послѣ взаимныхъ объятій увѣреній пребыть вѣрными друзьями до гроба, Гуакъ съ своими двѣнадцатью богатырями при благополучноми вѣтрѣ отправился въ предназначенный путь.

Князь Флоридскій, прибывши въ столицу Индійскаго государства съ великолѣпіемъ явился ко двору Индійскаго Султана.

Сей государь, спрашивалъ его о причинѣ прибытія изъ отдаленнаго государства Гуакъ объявилъ Султану, что онъ, добровольно путешествуя по свѣту, ищетъ рыцарей, съ коими, по своей охотѣ къ ратоборству, испытываетъ силы свои и мужество. Монархъ Индійскій, будучи самъ великій охотникъ вознамѣрился лично видѣть храбрость Князя Флоридскаго. Гуакъ на открытомъ турнирѣ посрамилъ всѣхъ Индійскихъ рыцарей и остался одинъ надъ всѣми побѣдителемъ, необыкновенная сила и храбрость его привели въ удивленіе Султана, и онъ, одаривъ, щедро Князя и его спутниковъ, старался удержать при себѣ; но Гуакъ объявилъ ему, что онъ намѣренъ путешествовать по всѣмъ четыремъ странамъ свѣта то Султанъ, не удерживая его болѣе, далъ ему похвальный листъ, свидѣтельству

ющій о его геройстве. И такъ онъ, простясь съ Монархомъ Индійскимъ и будучи доволенъ его ласковымъ пріемомъ, отправился моремъ въ Персію.

Прибытіе храбраго Гуака въ столицу Персидскую случилось въ то время, когда Шахъ, собравши славный турниръ для своего удовольствія былъ свидѣтелемъ ратоборства храбрыхъ рыцарей и могучихъ богатырей. Князь Флоридскій, прибывши туда, привелъ всѣхъ въ удивленіе бѣгомъ своего коня, посрамивши и обогнавши всѣхъ славныхъ Персидскихъ бѣгуновъ, храбростію же своею и силою навелъ на всѣхъ рыцарей и робость убивши одного славнаго богатыря Чулубея. За сіе геройство получилъ онъ отъ Персидскаго Шаха щедрые подарки и грамоту, свидѣтельствующую о его храбрости, въ которой названъ онъ вторымъ Геркулесомъ.

Изъ Персіи отправился сей непобѣдимый Князь въ Турецкую имперію, любопытствуя видѣть знаменитый городъ Константинополь. Прибывши туда, прожилъ тамъ, ожидая торжества отправляемаго ежегодно въ честь Магомета. Сіе празднество возбудило любопытство въ князѣ Флоридскомъ и только выѣздъ Турецкаго Султана въ амфитеатръ, понудилъ Гуака явчться туда съ своими богатырями, гдѣ Флоридцы доказали Турецкимъ наѣздникамъ, что они далеко превосходятъ ихъ, какъ въ ростеніи, такъ и въ ратоборствѣ.

Гуакъ, проѣхавъ всю Турецкую землю и Европу, и по путешествіи по оной достигнулъ Мальтійскаго острова, славящагося храбрыми рыцарями и мужественными героями. Тамъ хотѣлъ онъ [illegible]

свое искусство и силу; но какъ невозможно на-
рушить тамошняго узаконенія, то онъ и записался
въ военную школу, гдѣ въ короткое время превзо-
шелъ всѣхъ своихъ сверстниковъ, и заставилъ
удивляться великимъ дарованіямъ. При отъѣздѣ
своемъ, получилъ отъ начальниковъ Мальтійскаго
острова похвальный листъ.

Въ третій день Гуакова путешествія, случай
остановилъ его на пути; два Турецкіе бригандина
отважились смѣло напасть на судно Князя Флорид-
скаго, поспѣшающагося въ Португальское королев-
ство. Но едва Гуакъ съ своими спутниками всту-
пилъ въ сраженіе, то разбойники, видя свою не-
удачу, принуждены были отступить, не получа
ни малѣйшаго успѣха. Флоридскій же Князь, про-
гнѣванный дерзостію корсаровъ, приказываетъ лоц-
ману своему пуститься за ними въ погоню, и
сцѣпившись крючьями съ ихъ короблями, отмстилъ
за ихъ дерзость мечемъ своимъ, предавши всѣхъ
смерти и овладѣвши всѣмъ ихъ богатствомъ, да-
ровалъ плѣнникамъ свободу. Сіе сраженіе съ раз-
бойниками замедлило путешествіе Гуаково; какъ
скоро онъ ни поспѣшалъ въ Португалію, но не за-
сталъ начало рыцарскихъ поединковъ, и къ концу
едва чрезъ многочисленный народъ могъ проѣхать
и явиться къ трону Короля Португальскаго.

Государь Португальскій много удивлялся убору
Князя Флоридскаго и его свиты. Когда спросилъ
его Король объ имени, родѣ и отечествѣ, то онъ
отвѣчалъ ему: Ваше Величество! по виду моему

чужестранецъ, по убору рыцарь, я прибылъ въ сiю столицу по вашему вызову.

Тогда Король приказалъ для него возобновить рыцарскiе поединки; и Гуакъ, выѣхавши на средину амфитеатра, привлекъ на себя взоры всѣхъ зрителей, какъ по причинѣ красивой наружности, такъ и по чрезвычайному искуству въ штурмованiи; и побѣдивши десятерыхъ рыцарей, заставилъ уважать себя и бояться,—симъ и кончились поединки.—Король звалъ Гуака во дворецъ, но онъ отказался ото приглащенiя, говоря въ извиненiе, что утрудясь отъ дальняго пути, имѣетъ нужду въ отдохновенiи.

Въ назначенный потомъ день, трубы и литавры возвѣстили рыцарямъ и любопытствующимъ чужестранцамъ вторичный съѣздъ въ амфитеатръ, который въ короткое время наполнился прекрасными Европейскими витязями и Восточными рыцарями. Флоридскiй Князь съ мужественными своими богатырями не замедлилъ также явиться. И лишь только Португальскiй Король съ сыномъ своимъ сѣли на мѣстахъ своихъ, то и начались поединки; и первый Гуакъ подобно молнiи пущается на средину амфитеатра, по недолгомъ штурмованiи его выѣзжаетъ противъ Князя Флоридскаго на темносѣромъ жеребцѣ Португальскiй рыцарь въ серебряныхъ латахъ, на груди у него было полукружiе темнокраснаго цвѣта съ изображенiемъ льва бѣгущаго отъ пѣтуха, съ надписью: *слабый побѣждаетъ сильнаго.* При первомъ съѣздѣ, Гуакъ столь сильно поразилъ своего соперника, что онъ, лишив-

шись всѣхъ чувствъ, падаетъ съ коня на землю: послѣ сего еще шесть рыцарей, сражающіяся съ Гуакомъ, подверглись той же участи. Зрители, видя необыкновенное мужество Князя Флоридскаго, уже готовы были бить въ ладоши въ честь побѣдителя, какъ вдругъ разступается народъ, и прекраснѣйшій рыцарь на превосходномъ бѣломъ конѣ подобно вихрю, влетѣлъ на средину, гдѣ находился непобѣдимый Гуакъ; латы на немъ были стальные и свѣтились подобно зеркалу, на оныхъ въ свѣтлорозовомъ кругѣ золотой левъ съ надписью: *сила и великодушіе.* Подъѣхавъ къ Гуаку и сдѣлавши честь наклоненіемъ копья, сказалъ ему:

Герой и побѣдитель! твое мужество побудило меня вступить съ тобою въ единоборство; для меня славно, если мнѣ удастся одержать надъ тобою побѣду.

Сей прекрасный рыцарь такъ понравился Флоридскому Князю, что онъ желалъ быть ему искреннимъ другомъ, и вмѣсто насмѣшки или колкости отвѣчалъ сими словами:

Я весьма радъ, что при концѣ пятилѣтняго моего путешествія нахожу столь мужественнаго и храбраго рыцаря, надѣюсь, что узы мужества соединятъ сердца наши неразрывно.

Послѣ сихъ словъ начали они разъѣзжаться, и, по нѣкоторыхъ искусныхъ оборотахъ, летятъ подобно молніи другъ на друга, и ударяются копьями столь сильно, что они въ рукахъ ихъ разлетаются на мельчайшія части, кони ихъ падаютъ на колѣни, и сами всадники, не могши усидѣть въ

сѣдлахъ, падаютъ на землю, лишившись всѣхъ чувствъ. Однако Гуакъ, пришедши въ себя, встаетъ и старается привести въ чувство своего соперника. Когда же храбрый Адольфъ, ибо это былъ онъ, открываетъ глаза свои и встаетъ съ земли, Князь Флоридскій заключаетъ его въ свои объятія и называетъ другомъ и братомъ.

Адольфъ, Князь Гишпанскій, удивясь такому добродушію, самъ съ своей стороны оказалъ Гуаку тысячу ласкъ и просилъ его со всею свитою въ свой дворецъ. И хотя Князь Флоридскій званъ былъ Королемъ на вечерній столъ, однако онъ лучше желалъ посѣтить новаго своего друга, къ которому влекло его сердце.

На другой день сіи два друга явились къ Королю Португальскому, отъ котораго при ласковомъ пріемѣ получили похвальные листы свидѣтельствующіе объ ихъ геройствѣ и храбрости. Князь Флоридскій, по выходѣ отъ Короля, сталъ просить Адольфа въ свое отечество, куда онъ намѣревался отправиться. Князь Гишпанскій съ охотою согласился на сіе предложеніе. Итакъ, не мѣшкавъ на мало, отправились они въ государство Флоридское.

Гуакъ, выходя изъ судна, благодарилъ лоцмана, что искусствомъ его по долгомъ странствованіи достигъ онъ любезнаго своего отечества, при чемъ проситъ, чтобы, ежели можно, содержать судно въ готовности къ будущему походу, потому что уже оканчивалось несноснѣйшее для него пятилѣтнее время, и онъ мысленно уже держалъ въ

объятіяхъ своихъ, дражайшую свою супругу. Лоцманъ отвѣчалъ ему, что онъ по приказанію Жеонго не можетъ отлучиться отъ него, и по окончаніи пятилѣтняго срока долженъ представить его во владѣніе волшебника.

Скоро разнеслась молва, что Гуакъ благополучно возвратился изъ своего путешествія, и шествуетъ въ столицу Флоридскую. Кто можетъ описать радость Гуалиха и Рефуды! Престарѣлый Князь высылаетъ всѣхъ чиновниковъ на встрѣчу къ любезному своему сыну, народъ бѣжитъ толпами узрѣть юнаго Князя своего, словомъ вся столица пришла въ волненіе.

Гуакъ, вступя во дворецъ и увидя своего родителя, бросается въ объятія и проливаетъ слезы радости, изъ объятій Гуалиховыхъ переходитъ въ объятія нѣжной матери. Послѣ взаимныхъ восторговъ, радостныхъ слезъ и нѣжностей, Гуакъ началъ говорить своему родителю:

Любезный родитель! По пятилѣтнемъ моемъ путешествіи, я опять въ нѣдрахъ своего отечества, опять вижу тѣ мѣста, въ коихъ протекли дни моего младенчества. Храбрые богатыри Флоридскіе, странствующіе со мною, также всѣ благополучно возвратились, нѣтъ только одного друга моего Великосила, который теперь благополучно царствуетъ въ Суматрѣ, наслѣдственномъ своемъ государствѣ, исторгнутомъ изъ хищническихъ рукъ бунтовщика, а на мѣсто его представляю сего, продолжалъ онъ, указывая на Адольфа. Я путешествовалъ по Африкѣ и Азіи, проѣхалъ всю Европу.

прославился на всѣхъ турнирахъ, побѣждалъ храбрыхъ рыцарей и могучихъ богатырей, ни одинъ не могъ снести ударовъ нанесенныхъ моею рукою; но вотъ стоитъ со мною герой, котораго ни моя сила, ни искусство побѣдить не возмогли, онъ одинъ только сравнялся со мною въ мужествѣ, за что я искренно полюбилъ его и уговорилъ ѣхать со мною въ любезное отечество, и теперь испрашиваю вашего снисхожденія и любви къ сему другу моему.

Гуалихъ не столько смотритъ на сіи отличія сколько на любезнаго своего сына, и по истощеніи всѣхъ ласкъ и горячности родительской, престарѣлый Князь Флоридскій обнимаетъ Адольфа и проситъ его сохранить искреннюю дружбу къ его дражайшему сыну, также и прочихъ спутниковъ Гуаковыхъ благодаритъ за подъятые ими труды и вѣрную службу.

Гуалихъ, слыша безпрестанно отъ сына своего о мужествѣ друга его Адольфа, желалъ лично видѣть храбрость Князя Гишпанскаго; онъ едва могъ вѣрить, чтобы сей рыцарь могъ быть равнымъ Гуаку. Вотъ сколь слѣпа любовь родительская! Вскорѣ Князь Флоридскій разослалъ по всей своей державѣ и къ подвластнымъ ему владѣтелямъ гонцевъ съ приглашеніемъ въ столицу храбрыхъ рыцарей и сильныхъ могучихъ богатырей на имѣющійся быть въ оной великолѣпный турниръ. Въ назначенный день амфитеатръ наполненъ былъ славными рыцарями и многочисленнымъ собраніемъ зрителей. Тогда въ прусутствіи Флоридска-

го Князя и сына его Гуака по данному знаку за-молкъ громъ трубъ и литавръ и начались бога-тырскія потѣхи.

Прекрасный Князь Гишпанскій Адольфъ пока-зываетъ свое необыкновенное мужество и приво-дитъ въ удивленіе Князя Гуалиха и прочихъ зри-телей. Онъ сражался съ свирѣпыми звѣрями, на-тянулъ крѣпкій лукъ Немвродовъ, и спустивши с[illegible] онаго стрѣлу, убилъ лютѣйшаго вѣпря, и побѣдил[illegible] многихъ Флоридскихъ и чужестранныхъ рыца-рей и богатырей. Князь Флоридскій осыпаетъ по-хвалами Адольфа, и награждаетъ его съ царско[illegible] щедростію.

Спустя нѣсколько времени, Гаулихъ собирает[illegible] чрезвычайный совѣтъ. Когда зала наполнилась ми-нястрами и первѣйшими чиновниками Княжеств[illegible] Флоридскаго, вдругъ съ противной стороны отво-ряются двери, и престарѣлый Князь, украшенны[illegible] всѣми принадлежностями царскаго достоинства, вхо-дитъ въ залу, сопровождаемый Гуакомъ и Адоль-фомъ; повсюду распростерлась тишина и безмолвіе Гуалихъ восходитъ на престолъ и оборотясь к[illegible] собранію, началъ говорить:

Любезные мои подданные! Я уже скончалъ сво[illegible] теченіе, силы мои слабѣютъ и измѣняютъ мнѣ, сла-гаю съ главы своей вѣнецъ и вручаю оный дра-жайшему своему сыну, да будетъ вашимъ владѣ-телемъ и государемъ; а ты продолжалъ онъ обо-ротясь къ Гуаку, иди по стопамъ дѣда твоего [illegible] живи для блага твоихъ подданныхъ, будь для них[illegible] отцемъ и благодѣтелемъ.

По окончаніи словъ сихъ сходитъ съ трона, и снявши корону съ головы своей, возлагаетъ оную на своего сына, и самъ возводитъ на престолъ Княжескій. Въ минуту раздались голоса: да здравствуетъ новый нашъ Князь Гуакъ. Народъ, услышавъ, что Гуакъ возведенъ на престолъ, собрался около дворца Княжескаго, и огласилъ воздухъ радостными восклицаніями. Гишпанскій же Князь Адольфъ утвержденъ былъ главнымъ начальникомъ тѣлохранителей и Генералиссимусомъ всѣхъ войскъ Флоридскихъ.

Гуакъ, принявши отъ родителя своего скипетръ и корону, началъ царствовать благоразумно, и мудрымъ своимъ правленіемъ усугубилъ счастіе своихъ подданныхъ; но самъ былъ крайне несчастливъ и скрытно проливалъ слезы, о дражайшей своей супругѣ. Горесть точила его сердце; былъ у него одинъ человѣкъ, которому повѣрилъ онъ свои вздохи и стенанія, и именно другъ его Адольфъ, но и тотъ оставляетъ его и отъѣзжаетъ въ свое отечество. Всѣ сіи обстоятельства, соединясь втѣстѣ, повергаютъ его въ жалостное состояніе, которое походило на отчаяніе.

Уже приближался конецъ пятилѣтней разлуки Князя Флоридскаго съ обожаемою супругою. Гуакъ, желая прежде узнать отъ друга своего Женонго, какимъ образомъ начать ему отыскивать похищенную свою супругу, беретъ скоровѣстную стрѣлу, отворяетъ въ своей спальнѣ окно и пущаетъ оную изъ лука, въ мгновеніе ока она скры-

вается изъ виду и въ непродолжительномъ времени приноситъ слѣдующій отвѣтъ:

Любезный другъ и Князь!

Время злосчастія вашего кончилось; настаетъ часъ, долженствующій окончить ваши страданія; приготовляйся опять къ путешествію, но по волѣ отца твоего, вооружись оружіемъ дѣда твоего, могущаго Зилагона. Боги хотятъ покровительствовать намъ, какъ противъ злохитрой и коварной Зевесы такъ равно и въ освобожденіи Велеумы, находящейся въ ея власти.

Другъ твой Жеонго.

Будучи восхищенъ, обрадованъ и ободренъ отвѣтомъ друга своего, идетъ онъ въ покой Гуалиховъ; пришедши туда снимаетъ корону и скипетръ предъ нимъ; и ставши на колѣни, говоритъ прерывающимся голосомъ:

Дражайшій родитель! возложи опять на главу свою корону Княжества Флоридскаго, и возьми скипетръ управлять народомъ; судьба опредѣляетъ мнѣ еще странствовать по свѣту.

Сынъ мой любезный сынъ! утѣшеніе и подпора старости моей, воскликнулъ встревоженный Гуалихъ, что ты предпринимаешь? Какая странная мысль взошла въ твою голову? Развѣ ты недоволенъ, что владѣешь Золотою Флоридою? Какой еще жаждешь славы? Неужели твои геройскіе дѣянія, на востокѣ и западѣ гремящія, похвальныя грамо-

ты, данныя тебѣ восточными и западными государствами, не сильны положить границы твоему честолюбію? Открой мнѣ, какая причина побуждаетъ тебя оставить престолъ и отечество, въ нѣдрахъ котораго ты наслаждаешься спокойною и безмятежною жизнію....

Ахъ! дорого сердцу видимое вами на лицѣ моемъ спокойствіе! Если бы вы проникли въ глубину души моей, вы бы ужаснулись, видя въ какомъ она находится состояніи; но я заслуживаю сіе, скрывъ отъ родителя моего причину тайной моей горести, снѣдающей меня, простите виновнаго сына своего продолжалъ онъ обливаясь слезами, дерзнувшаго безъ воли родителей вступить въ бракъ.

Какъ, что я слышу? вскричалъ изумленный Гулихъ; ты женился и скрываешь отъ отца твоего? Скажи мнѣ подробно, какимъ образомъ случилось?

Гуакъ подробно разсказываетъ отцу своему все случившееся въ Амазонскомъ Королевствѣ, и окончивши свое повѣствованіе опять проситъ со слезами у престарѣлаго Князя дозволенія отправиться исхитить прекрасную Велеуму изъ когтей злобной волшебницы Зевесы, и отмстить оной за всѣ претерпѣваемыя имъ несчастія.

Гуалихъ съ чрезмѣрнымъ удивленіемъ слушалъ повѣствованіе сына своего и крайне сожалѣлъ о его несчастіяхъ. Когда боги тебѣ покровительствуютъ, сказалъ престарѣлый Князь, то я не противлюсь ихъ всесильной волѣ, и позволяю ѣхать отыскивать Велеуму, которую съ радостію прижму къ своему сердцу. Послѣ словъ сихъ онъ приказы-

ваетъ старому своему казначею принести изъ кладовой оружія отца своего Зилагона, тогда, по его повелѣнію принесенъ былъ окованный золотомъ ящикъ, изъ коего вынимаетъ Гуалихъ крѣпкій лукъ Немвродовъ и десять стрѣлъ, и, подавая оное сыну своему, говоритъ:

Вотъ оружіе, коимъ ты хотя и убивалъ звѣрей, но не зналъ той важности и силы, въ немъ заключающейся: сдѣланъ сей лукъ Немвродомъ, который былъ гигантъ и волшебникъ, симъ лукомъ разрушалъ онъ всѣ въ свѣтѣ вещи, побѣждалъ гигантовъ и волшебниковъ, самые духи покорялись ему. Стрѣлы сіи принадлежатъ также къ оному луку, они не только поражаютъ людей и свирѣпыхъ звѣрей, но могутъ разрушить крѣпчайшія въ свѣтѣ зданія и уничтожаютъ хитрѣйшія очарованія. Сей талисманъ достался мнѣ отъ дѣда твоего Зилагона, который съ великимъ трудомъ досталъ это оружіе изъ-подъ развалинъ древняго Вавилона.

Гуакъ принялъ сіе оружіе и, поцѣловавши оное, съ восхищеніемъ обнимаетъ родителя своего и благодаритъ его, за сей неоцѣненный подарокъ. Постой, любезный сынъ, говоритъ ему отецъ; это еще не все, вотъ тебѣ другое, не менѣе важное, оружіе дѣда твоего. Потомъ изъ того же ящика вынимаетъ Гуалихъ древняго Вирсгона мечъ необыкновенной формы и вида. Вотъ дражайшій сынъ мой, другое тебѣ оружіе; не дивись бриліантамъ, коими осыпанъ ефесъ, ни ножнамъ изъ чешуи Вавилонскихъ зміевъ, но узнай важность

меча сего, нѣтъ на свѣтѣ такой вещи, которая бы не повредилась отъ его прикосновенія, онъ все разрушаетъ, а его ничто вредить не можетъ, сей мечъ составленъ подъ созвѣздіемъ.

Гуакъ порепоясываетъ мечъ сей и благодаритъ нѣжнаго родителя своего. Гуалихъ, отдавши лукъ, стрѣлы и мечъ, говоритъ своему сыну: не трать времени, ступай на избавленіе дражайшей и обожаемой тобою супруги на отмщеніе злостной волшебницы, ступай, да сопутствуетъ тебѣ покровительство боговъ, и да помогутъ они сокрушить хитрую ткань злобы и коварства.

Юный Князь Флоридскій, простясь съ Гуалихомъ и Рефудою, сопровождаемый ихъ благословеніями, вступаетъ на судно, данное Жеонго, съ двѣнадцатью своими богатырями, и повелѣваетъ искусстному лоцману плыть къ острову друга своего. Лоцманъ распускаетъ паруса, и корабль подобно птицѣ летитъ по пѣнистымъ волнамъ. Въ скоромъ времени при благополучной погодѣ и попутномъ вѣтрѣ достигаютъ наши путешественники владѣній Жеонго.

Прибытіе Флоридскаго Князя къ острову волшебника было ему извѣстно, онъ выходитъ на встрѣчу къ другу своему въ сопровожденіи своихъ, прекрасныхъ юношей, и увидя Гуака приближающагося къ нему падаетъ предъ нимъ на колѣни. Князь Флоридскій, поднимая его, съ нѣкоторою досадою выговариваетъ, для чего онъ такъ предъ нимъ унижается, но волшебникъ отвѣчалъ ему на сіе:

Любезный Князь! глубокое мое почтеніе относится къ твоему оружію, его всѣ волшебники уважаютъ и трепещутъ предъ нимъ; мнѣ же особенно должно уважать оное, ибо посредствомъ его я многократно избавлялся отъ неминуемой гибели.

По скончаніи словъ сихъ, Жеонго заключаетъ Гуака въ объятія, также привѣтствуетъ и прочихъ его спутниковъ. Потомъ всѣ отправляются въ замокъ, гдѣ предаются послѣ продолжительнаго путешествія пріятному отдохновенію. Наконецъ Флоридскій Князь послѣ краткаго успокоенія, горя нетерпѣніемъ, идетъ къ другу своему и начинаетъ его спрашивать, не можетъ ли онъ подать ему какое либо извѣстіе о любезной его супругѣ, и не провѣдалъ ли онъ въ пятилѣтнее время, въ какомъ мѣстѣ находится Амазонская Принцесса и, какую провождаетъ жизнь!

Другъ мой, отвѣчалъ ему престарѣлый волшебникъ, во все сіе время, какое я ни прилагалъ стараніе провѣдать объ ней, но все было тщетно, потому что сами боги сокрыли отъ очей смертныхъ ея пребываніе; но теперь, когда уже время опредѣленное миновалось, и они изливаютъ на насъ свое милосердіе, то можемъ мы смѣло проникнуть въ таинство судьбы и получить исполненіе желаній нашихъ. Однако теперь нуженъ покой, завтрашній же день мы приступимъ къ дѣлу.

На другой день, едва показался дневной свѣтъ Князь Флоридскій уже со всѣмъ одѣтый, ходилъ по своей комнатѣ большими шагами и ожидалъ волшебника. Спустя нѣсколько времени является

Жеонго, беретъ Гуака за руку и идетъ съ нимъ въ храмъ Юпитера. Вступя въ храмъ, и принеся жертву, падаютъ предъ истуканомъ, который поколебавшись нѣсколько, изрекъ слѣдующій отвѣтъ:

«Пять лѣтъ исполнилось, беру въ защиту васъ,
«Къ побѣдамъ счастливымъ благословенъ вамъ часъ.

Отвѣтъ Юпитеровъ наполнилъ радостію сердца Гуака и Жеонго. Волшебникъ беретъ Князя за руку и ведетъ его къ горѣ, гдѣ находилась движущаяся статуя съ многочисленными глазами. Достигнувъ до сего мѣста Жеонго приказываетъ спутнику своему учинить троекратное поклоненіе и стать на колѣна. Когда же Гуакъ стоялъ на колѣняхъ, то въ сіе время волшебникъ произносилъ нѣкоторыя неизвѣстныя слога, по окончаніи которыхъ, приказавъ встать Князю Флоридскому, сказалъ ему: теперь я хочу показать тебѣ, гдѣ находится твоя супруга, смотри въ зрительную статую. Гуакъ устремляетъ взоръ свой и вниманіе, тогда представилось ему слѣдующее: среди Еѳіопскаго моря стоялъ островъ, не имѣющій ни съ которой стороны пристанища, высокія каменныя горы окружали оный со всѣхъ сторонъ, страшныя пучины не подавали ни малѣйшей надежды къ пристанищу не только кораблей, но и самаго малаго судна; воздухъ на томъ островѣ былъ столь смертоносенъ, что не только люди, но даже самые звѣри и птицы не могли жить на ономъ; пустота и необитаемость онаго наполнялись только ядовитыми змѣями, василисками и огнедышащими драконами; среди самаго острова стоялъ замокъ, сооруженный

изъ чернаго аспиднаго камня и окруженный стальною оградою, у крыльца сего мрачнаго зданія стояли два циклопа, имѣя въ рукахъ ужасныя стальныя, усѣянныя острыми иглами палицы. Князь Флоридскій пожелалъ видѣть внутренность замка, и въ минуту покровъ онаго открылся. Внутренность онаго представила ему пространную, мрачнаго вида комнату, по срединѣ оной висѣла лампада, изливающая весьма слабый и тусклый свѣтъ; впереди сей комнаты стояла софа, на которой лежала облокотясь на руку, покрытая блѣдностію и проливающая слезы женщина, въ которой Гуакъ едва могъ узнать свою дражайшую супругу; въ головахъ и ногахъ у нея сидѣли два страшные исполина. Князь Флоридскій не могъ вынести такого зрѣлища, онъ падаетъ, лишившись чувствъ, на руки друга своего Жеонго, который, давши ему понюхать нѣкотораго элексиру, въ одну минуту возвращаетъ чувства. Пришедши въ себя, Гуакъ проситъ друга своего отвратить отъ него сіе разрывающее сердце его, зрѣлище. Престарѣлый волшебникъ исполняетъ прозьбу его. Вмѣсто плачевнаго сего мѣста представляется прекраснѣйшій островъ, по срединѣ онаго стоялъ замокъ красотою и великолѣпіемъ превосходящій всякое описаніе. Когда Князь Флоридскій пожелалъ видѣть внутренность онаго, въ одну минуту верхъ онаго открывается, и онъ видитъ тронъ, составленный изъ зеленыхъ изумрудовъ; на немъ сидѣла дѣвица въ блестящей брилліантовой коронѣ, красоты неописанной; но Гуаку казалась она столь гнусною, что

онъ отвратилъ отъ нея взоръ свой съ содроганіемъ. И когда Жеонго спросилъ, что такое видитъ онъ, которое заставило его съ трепетомъ отвратить очи свои; тогда Князь Флоридскій отвѣчалъ какое для меня мучительное зрѣтище! Я вижу Зевесу, сію, злобную фурію и виновницу всѣхъ моихъ несчастій сидящую на изумрудномъ престолѣ, окруженною прелестными нимфами, которыя увеселяютъ ее своимъ пѣніемъ. Но боги! Что я еще вижу сія злодѣйка повелѣваетъ огненному гиганту, стоящему предъ нею въ ожиданіи, взять Вирстоново копье, у меня похищенное, и идти въ мрачный и смертоносный островъ, охранять мою дражайшую супругу, къ которой она питаетъ не примиримую вражду и вѣчную ненависть. О боги! продолжалъ онъ въ изступленіи: на что вы медлите! Поразите своими молніеносными перунами сію гидру! повелите духамъ вырвать изъ нея варварское ея сердце и превратя въ пепелъ разсѣять по воздуху?...

Жеонго, видя въ какомъ положеніи находится другъ, желая отвратить отъ него все ему представляющееся, выговорилъ нѣсколько словъ, и въ мгновеніе ока все исчезло. Статуя пришла опять въ движеніе, и все стало по прежнему. Таковъ ли долженъ быть герой рѣшающійся на всѣ опасности рыцарь, говорилъ волшебникъ Гуаку, можно ли надѣяться побѣды отъ малодушія? Гдѣ твое прежнее терпѣніе? Ты, видя одинъ только призракъ, уже приходишь въ отчаяніе, что же почувствуешь тогда, какъ на яву тебѣ все сіе представится? О малодушный! Неужели отвѣтъ Юпитера не можетъ

возбудить твоего мужества? Стыдись, побѣдоносный Князь Флоридскій! своей слабости. Ободрись! Боги намъ покровительствуютъ, они намъ помогутъ Не нужно терять времени, пойдемъ, побѣда или смерть.

Гуакъ, устыдясь своего малодушія, ободрился. Пойдемъ вскричалъ онъ, другъ мой и благодѣтель Пойдемъ на всѣ опасности, я уже твердо рѣшился или умереть, или исхитить дражайшую Велеуму изъ когтей чудовища, изъ когтей ненавистной Зевесы.

Жеонро и Флоридскій Князь сходятъ съ горы и, возвратившись въ покой, начинаютъ приготовляться въ предназначенный походъ и вооружаютъ себя побѣдоносными оружіями Гуакъ приказываетъ приготовляться также всѣмъ своимъ богатырямъ, но волшебникъ останавливаетъ сіи сборы, говоря что тотъ островъ, на которомъ находится Велеума въ заключеніи причинить богатырямъ неминуемую погибель; смертоносный, заразительный воздухъ и голодная смерть истребитъ и погубитъ цвѣтъ Флоридскаго Княжества. Гуакъ, убѣдясь словами Жеонго оставляетъ друзей своихъ на островѣ друга своего, они провожаютъ своего Князя до самаго морскаго берега и разстаются съ нимъ, проливая слезы горести и не надѣясь его болѣе уже видѣть. Два друга входятъ на готовое судно и отправляются въ путь.

Судно, управляемое искустнымъ лоцманомъ, летитъ по водамъ морскимъ подобно птицѣ. Путешествіе ихъ продолжалось 20 дней; при наступленіи

двадцать перваго дня приблизились къ одному большому не обитаемому острову; тогда кормщикъ объявилъ мореплавателямъ, что онъ болѣе судномъ управлять не можетъ. Позади сего острова начиналась ужасная Еѳіопская пучина, гдѣ никакая человѣческая сила не можетъ сохранить корабль отъ разрушенія.

Огромная гора приводила въ удивленіе Князя Флоридскаго своимъ положеніемъ; но въ какой ужасъ пришелъ онъ, когда взобравшись на гору увидѣлъ тысячу опасностей, тысячу смертей. Огнедышащіе драконы, страшныя ядовитыя змѣи и лютые василиски умерщвляющимъ своимъ ядомъ заразили весь воздухъ, свистомъ же и шумомъ своимъ поражали слухъ. Сіи свирѣпые и ужасные соперники привели Гуака въ отчаяніе, а смертный воздухъ грозилъ скорою смертію; но искусство и власть волшебника находятъ средство ободрить спутника своего и подкрѣпить ослабѣвающія его силы. Они приблизились къ нѣкоторой каменной пещерѣ, въ которой находился прекраснѣйшій фонтанъ изъ Китайскаго фарфора, преставляющій изображеніе воина вооруженнаго съ ногъ до головы; въ одной рукѣ держалъ онъ обнаженный мечь, а въ другой развернутый свитокъ, на которомъ изображены были неизвѣстныя литеры; подъ ногами его поверженный двуглавый драконъ, изъ челюстей сихъ двухъ главъ драконовыхъ била чистая вода. Жеонго приказываетъ Гуаку пить сію воду; подкрѣпляющую и бодряющую ослабѣвающія силы. Князь Флоридскій, напившись сего нектара, почувство-

валъ въ себѣ необыкновенную бодрость и мужество. Потомъ выходятъ изъ пещеры и садятся на крылатыхъ коней. Волшебникъ обнажаетъ мечъ Гуалиховъ, а Гуакъ Вирстоновъ. Совсѣмъ приготовясь къ бою, начинаютъ они сраженіе съ ядовитыми чудовищами того острова; если бы не панцырь Язоновъ и помощь волшебника, то Князь Флоридскій давно бы обратился въ пепелъ отъ всепожирающаго пламени драконовъ, но наши герои летятъ по горѣ, и Гуакъ мечемъ разсѣкалъ зміевъ и василисковъ, а панцырь его отражалъ пламень изрыгаемый огнедышащими драконами. Въ скоромъ времени приближаются они къ томузамку, въ которомъ заключено все благополучіе, счастіе, словомъ вся жизнь Гуакова. Сіе зданіе почти не походило на замокъ, а на угрюмую тучу.

Въ самомъ близкомъ разстояніи отъ замка, Женонго остановившись слѣзаетъ съ лошади, чему послѣдуетъ и другъ его; велитъ Князю Флоридскому приготовляться къ сраженію съ такими соперниками, которые однимъ взоромъ могутъ умертвить человѣка, и тотчасъ намазываетъ все свое и Гуаково оружіе какою то кровію, производящею смертную и неизлѣчимую, на раненномъ мѣстѣ, язву Лишь только они приготовились, какъ увидѣли идущаго къ нимъ на встрѣчу такого человѣка, который совершенно отличался отъ людей; ростъ его равнялся высокимъ деревьямъ, ногами своими вдавливалъ онъ въ землю каменья, и огромными руками вырывалъ съ корнемъ высокіе дубы. Прибли-

жась сей ужасный великанъ, держа въ рукахъ толстое дерево, говорилъ вооружимся:

Дерзскіе смертные! какъ вы осмѣлились приблизиться къ сему зданію, къ которому я опредѣленъ быть хранителемъ; слабые черви! одинъ мой ударъ можетъ поразить тысячу такихъ смѣльчаковъ.

Когда кончилъ онъ слова сіи; то стократное эхо повторило оные по всему острову. Не страшись сего слабаго непріятеля, говорилъ Жеонго Князю Флоридскому, лукъ Немвродовъ довольно силенъ поразить сіе чудовище; и между тѣмъ, когда сей великанъ хотѣлъ поразить Гуака толстою своею дубиною, храбрый Князь, предупредя ударъ, пускаетъ въ него изъ лука Немвродова три стрѣлы, и удвоя ударъ могущественнымъ мечемъ, принудилъ застонать сіе чудовище. Заревѣлъ сей гигантъ громовымъ голосомъ, и крикъ его раздался по всей горѣ Ѳѳіопской, море взволновалось, василиски засвистали, змѣи зашипѣли, драконы начали изрыгать изъ челюстей своихъ страшное пламя; весь островъ всколебался. Князь Флоридскій ободряемый Жеонгомъ, не страшась ни мало всего происходящаго на островѣ, наноситъ Вирстоновомъ мечомъ рѣшительный ударъ своему сопернику, который, видя смертельное пораженіе въ отчаяніи произноситъ сіи слова:

Погибаю отъ оружія сего могущественнаго рыцаря, силы мои ослабѣли и истощились; пропалъ я безъ возрату. Могущая и страшная Зевеса! помоги рабу твоему и вѣрному стражу замка, нестерпи-

мый огнь сожигаетъ внутренность мою и смерть скорыми шагами приближается.

Кончивши сіе, падаетъ онъ на землю, подобно столѣтнему дубу, свалившемуся отъ бури. Гуакъ обезглавивъ его, приближается съ волшебникомъ къ воротамъ замка, которые походили на предверіе самого ада а заперты были замкомъ имѣющимъ видъ дракона. Едва Гуакъ коснулся мечемъ своимъ сего замка, какъ онъ разлѣтелся въ мелкія части, на заржавелыхъ петляхъ. Два друга въѣзжаютъ на пространный дворъ поросшій травою и колючимъ терніемъ; не успѣли они порядочно разсмотрѣть зданія стоящаго среди двора, какъ вдругъ оно заколебалось, открылся верхъ, и они видятъ огненный клубъ вылѣтевшій изъ внутренности замка который озарилъ свѣтомъ весь горизонтъ и спустившись на землю разсыпался искрами и представилъ огненнаго гиганта, имѣющаго въ рукахъ огненное копье. Пресмыкающіеся черви! вы осмѣлились прерывать мое спокойствіе и дерзнули вступить въ мѣста сіи, охраняемыя моею властію и могуществомъ! Ударъ копья моего прекратитъ жизнь вашу и превратитъ въ пепелъ тѣла.

Князь Флоридскій, подкрѣпляемый словами волшебника, съ скоростію беретъ лукъ Немвродовъ, накладываетъ на тетиву чудесную стрѣлу и пускаетъ оную въ огненнаго духа; стрѣла летитъ съ свистомъ и поражаетъ онаго, и хотя она не могла уязвить страшнаго духа, но такъ сильно устрашила что онъ не осмѣлился вступить въ сраженіе съ

Гуакомъ, и бросивъ предъ нимъ свое пламенное копье, подобно молніи скрывается изъ виду.

Между тѣмъ, какъ обрадованный Князь Флоридскій подымаетъ копье Вирстоново, которымъ владѣлъ исчезнувшій духъ пять лѣтъ, унесши его изъ Амазонскаго государства, въ день бракосочетанія, вдругъ съ южной стороны появилась огненная туча, и когда оная приблизилась къ острову, то на ономъ произошло страшное землетрясеніе, ужасный громъ раздался по всюду, молнія блескомъ своимъ озаряла все небо. Огненная туча, приблизившись къ Жеонго и Князю Флоридскому, пропадаетъ, и они видятъ огнедышащихъ драконовъ и одну свирѣпую женщину въ колесницѣ, запряженной крылатыми лошадьми. Злобная Зевеса, ибо это она находилась въ колесницѣ, увидѣвъ враговъ своихъ, заскрипѣла зубами и съ яростнымъ видомъ и наполненными кровію глазами, говорила двоимъ друзьямъ:

Какъ вы дерзнули вступить на сей островъ? Дерзнули истреблять моихъ слугъ? Трепещите недостойные! Я, и пять братьевъ моихъ докажемъ вамъ силу нашу и могущество, нестерпимыя мученія будутъ вашимъ удѣломъ, вы будете тысячу разъ на день умирать и не умрете. Сказавши сіе, устремляется она съ жестокою яростію и свирѣпствомъ на Жеонго, а братья ея на Флоридскаго Князя, на котораго начали изрыгать ужасное пламя и хотѣли его онымъ обратить въ пепелъ, но панцырь, древняго Язона защищалъ его отъ пламени. Жеонго съ Зевесою при жестокой битвѣ

принимаютъ на себя виды различныхъ чудовищъ, а непобѣдимый Гуакъ сражался съ пятью ея братьями имѣющими видъ драконовъ. Стрѣлы Неврродовы свищутъ по воздуху и поражаютъ смертельно противниковъ; мечь Вирстоновъ, растворяя глубокія раны, приводитъ ихъ въ безсиліе, они ревутъ ужасно не могши отвратить ударовъ могущественнаго оружія. Наконецъ Князь Флоридскій побѣждаетъ ихъ совершенно и обезглавливаетъ, и по окончаніи сего возводитъ благодарный взоръ къ небесамъ, возсылая моленія къ богамъ покровителямъ; но обратясь въ ту сторону, гдѣ Жеонго сражался съ Зевесою, видитъ, что другъ его, бившись долгое время съ волшебницею, началъ ослабѣвать, и подобно молніи бросается онъ защищать обезсиленнаго волшебника, и въ одну минуту, поразивъ стрѣлою сердце злобной Зевесы и ударивъ остріемъ меча по головѣ, лишаетъ ея жизни. Жеонго хотя видитъ свою противницу безъ дыханія, силъ и множество истекшей крови, падаетъ съ коня на землю. Лишь только свѣтъ послѣ мрака и тьмы началъ мало по малу показываться, то Гуакъ пришелъ въ содроганіе, видя въ какомъ положеніи находился другъ его; глубокія раны покрывали тѣло его, кровь ручьями текла изъ оныхъ и омочила все то мѣсто, на которомъ лежалъ онъ. Гуакъ не медля ни мало садится на коня, летитъ къ животворному фонтану, и зачерпнувъ шишакомъ своимъ, цѣлительной воды возвращается на то мѣсто, гдѣ находится Жеонго лишенный всѣхъ чувствъ отъ многаго истеченія крови. Князь Фло-

ридскій омываетъ раны его и опрыскиваетъ животворною водою; престарѣлый волшебникъ открываетъ глаза свои. и томно умирающимъ голосомъ говоритъ другу своему.

Любезный другъ мой, князь Флоридскій, я вижу и чувствую, что смерть уже блещетъ своею косою надъ главою моею, ибо сверхъ опасныхъ ранъ, нѣкоторый поядающій огнь разливается по жиламъ моимъ и разрушаетъ кости мои; ты зришь только мою болѣзнь, мои страданія, а я помышляю о смерти, она ко мнѣ идетъ спѣшными шагами; изъ любви къ тебѣ я пожертвовалъ моею жизнію. Ты узришь дражайшую супругу свою, своихъ родителей и всѣхъ милыхъ сердцу твоему. но я уже не увижу друзей моихъ. Прошу тебя изъ любви ко мнѣ; исполни послѣднюю волю мою: сбери пепелъ мой и погреби его въ моемъ владѣніи, прими отъ меня въ наслѣдство всѣ мои сокровища и обладаніе моимъ островомъ; я не имѣю кромѣ тебя никого наслѣдниковъ, подпиши на гробницѣ моей: что умеръ изъ любви къ своему другу. Прощай!... Мы увидимся тамъ... По семъ голосъ его прерывается, онъ силится еще говорить, но языкъ уже ему не повинуется; онъ простираетъ свои руки и хочетъ въ послѣдній разъ обнять его, но и тѣ ему измѣняютъ. Князь Флоридскій, зная, что Жеонго уже готовъ лишиться жизни, теряетъ свое мужество и бодрость, падаетъ возлѣ друга своего и лишается всѣхъ чувствъ. Легкій вѣтерокъ подувшій на лице Гуаково привелъ его въ чувство, онъ встаетъ и ви-

дить, что душа Жеонго уже оставило одно обезображенное тѣло въ добычу землѣ.

О побѣда! побѣда! Воскликнулъ Князь Флоридскій въ горестномъ состояніи, сколь дорого ты стоишь моему сердцу! Дражайшій мой защитникъ! другъ и покровитель! ты лежишь безъ жизни, безъ движенія среди сего пустыннаго острова. Богиня чистоты! могущая Діана, ты даровала мнѣ сего друга, защитцика, благодѣтеля и втораго отца: но для чего же не открыла того несчастія, которое здѣсь случилось? О боги! такъ ли вы покровительствуете?

Вдвугъ во время жалобъ его и слезъ о смерти Жеонго, блеснула предъ глазами его молнія, ароматическій запахъ, прогоняя смрадъ разлился по воздуху. Флоридскій Князь взглянулъ слезящими глазами вверхъ и увидѣлъ явившуюся Діану; она сидѣла на прекраснѣйшемъ конѣ; одежда ея бѣлизною уподоблялась снѣгу, ее сопровождали нимфы которыя бросали предъ нею благовонные цвѣты, остановясь на воздухѣ, недалеко отъ земли, говоритъ она печальному Гуаку:

Неблагодарный Князь! опять роптанія твои коснулись моего слуха, и жалобы на боговъ понудили меня оставить небо и увѣрить тебя, что боги желаютъ тебѣ счастія Знай же, что моею помощію ты побѣдилъ непобѣдимыхъ, и теперь разрушаю преграду отнимающихъ твое благополучіе; не думай, что ты все уже побѣдилъ, переплывши пучину, взошедши на гору, поразивши драконовъ василисковъ и опасныхъ твоихъ противниковъ; въ

покояхъ, гдѣ заключена твоя супруга, неминуемая смерть была бы удѣломъ твоимъ, но для избѣжанія сего повинуйся моему приказанію и исполни всѣ оныя въ точности. Во первыхъ сожги тѣла твоихъ непріятелей и развѣй ихъ по воздуху, но пепель друга твоего сохрани въ его шлемѣ, и потомъ положа въ золотой сосудъ, предай землѣ и сдѣлай надпись сказанную тебѣ Жеонгомъ; потомъ надѣнь на себя его оружіе и одежду, окропись водою животворнаго источника, потомъ ступай въ замокъ горести, въ коемъ находится Велеума; выведши злосчасную и истомленную сію Принцессу къ фонтану, окропи ее животворною водою, тогда она тебя узнаетъ.

Сказавши сіе, Діана поднялась на воздухъ, предписавши Гуаку средства клонящіеся къ его счастію и благополучію.

Восхищенный князь Флоридскій забываетъ сердечныя раны; явленіе богини приводитъ душу его въ радостный восторгъ.

Послѣ сего Гуакъ въ точности исполнняетъ приказаніе Діаны, и окропивши себя животворною водою, находящеюся въ вышесказанномъ фонтанѣ, идетъ смѣло къ замку горести. Едва онъ приступилъ къ крыльцу онаго, какъ два страшные циклопа стоящіе у дверей, ведущихъ въ внутренность зданія, съ покорностію отступя и упадая на колѣни называютъ его величайшимъ героемъ свѣта. Не имѣя препятствія, входитъ онъ въ покои, гдѣ смертоносный воздухъ великую имѣлъ ядовитость, что могъ въ одну минуту лишить жизни всякаго, но

сила воды животворной, коею князь Флоридскій окропился, отражала сей воздухъ. Пройдя многія комнаты, вступаетъ въ пространную и мрачную комнату, въ которой висѣвшая лампада изливала слабый и тусклый свѣтъ: въ сей комнатѣ увидѣлъ онъ сидящую на софѣ женщину, по концамъ софы сидѣли два страшные исполина, которые увидѣвъ Гуака съ трепетомъ пали ницъ на землю; онъ приблизился къ софѣ и разсматриваетъ внимательно несчастную, покрытую блѣдностію съ наполнеными слезъ глазами. Князь Флоридскій едва узнаетъ въ страдалицѣ свою супругу. Тебя ли я вижу, любезнѣйшая и обожаемая супруга! вскричалъ Гуакъ въ сильной горести и отчаяніи, послѣ сего восклицанія голосъ его пресѣкается, дыханіе спирается въ груди его, тяжкіе вздохи воздымаютъ оную; и онъ едва можетъ стоять на ногахъ; наконецъ слезы брызгнули изъ глазъ его и облегчили стѣсненное сердце, и Велеума увидя своего супруга и услышавъ голосъ человѣческій, приходитъ въ нѣкоторое удивленіе и ужасъ, и обращая на него сіяющіе глаза свои говоритъ: Если ты не духъ, то весьма удивляюсь, какою дорогою достигъ ты сего мѣста Островъ сей окруженъ ужасными пучинами, и ни какое судно къ сему мѣсту пристать не можетъ, а такъ какъ смертные крыльевъ не имѣютъ, то и невозможно, чтобы ты былъ человѣкъ. При томъ же обитатели сего острова, стражи замка горести, недремлющимъ окомъ охраняютъ сіе жилище; и для меня невѣроятно, чтобы простой смертный могъ достигнуть сего мѣста.

Гуакъ изъ словъ супруги своей заключилъ, что она не узнаетъ его. Тогда началъ поступать съ нею осторожнѣе, чтобъ поспѣшнымъ объявленіемъ о себѣ не привесть ее въ обморокъ, ибо отъ чрезмѣрной радости приключается смерть. Онъ отвѣчалъ ей: Принцесса Амазонская, искусство и хитрость человѣческая доходятъ иногда до чрезвычайныхъ и невѣроятныхъ дѣлъ; но я болѣе твоего удивляюсь. за что ты терпишь столь жестокое и нестерпимое наказаніе?—Я и сама не знаю, отвѣчала Велеума. боги столь не милосерды и жестоки, что власть свою употребляютъ по прихотямъ; стоны и вопли несчастныхъ ни мало ихъ не трогаютъ; а мы ослѣпленные и до сихъ поръ еще покоряемся власти ихъ неправосудія.—Несчастная страдалица, говоритъ ей Гуакъ съ наполненными слезъ глазами, боги всегда правосудны и милосерды; несчастіе же сіе тобою претерпѣваемое происходитъ отъ мужа твоего, который вступилъ въ бракъ безъ воли своихъ родителей.

Гуакъ подымаетъ ее. беретъ за руку, выводитъ изъ замка горести, и подведя къ фонтану, окропляетъ житвотворною водою. Вдругъ является прежняя ея красота, блѣдныя щеки покрылись алымъ румянцемъ, посинѣлыя губы приняли цвѣтъ малины, по всему лицу распустились лиліи, глаза заблистали, память и разумъ возвращаются, она узнаетъ своего супруга, простираетъ къ нему трепещущія объятія, отъ великой печали переходитъ къ радости, и въ изнеможеніи силъ, повергается на грудь Гуакову и говоритъ: ты ли это любезный

сила воды животворной, коею князь Флоридскій окропился, отражала сей воздухъ. Пройдя многія комнаты, вступаетъ въ пространную и мрачную комнату, въ которой висѣвшая лампада изливала слабый и тусклый свѣтъ: въ сей комнатѣ увидѣлъ онъ сидящую на софѣ женщину, по концамъ софы сидѣли два страшные исполина, которые увидѣвъ Гуака съ трепетомъ пали ницъ на землю; онъ приблизился къ софѣ и разсматриваетъ внимательно несчастную, покрытую блѣдностію съ наполнеными слезъ глазами. Князь Флоридскій едва узнаетъ въ страдалицѣ свою супругу. Тебя ли я вижу, любезнѣйшая и обожаемая супруга! вскричалъ Гуакъ въ сильной горести и отчаяніи, послѣ сего восклицанія голосъ его пресѣкается, дыханіе спирается въ груди его, тяжкіе вздохи воздымаютъ оную; и онъ едва можетъ стоять на ногахъ; наконецъ слезы брызгнули изъ глазъ его и облегчили стѣсненное сердце, и Велеума увидя своего супруга и услышавъ голосъ человѣческій, приходитъ въ нѣкоторое удивленіе и ужасъ, и обращая на него сіяющіе глаза свои говоритъ: Если ты не духъ, то весьма удивляюсь, какою дорогою достигъ ты сего мѣста Островъ сей окруженъ ужасными пучинами, и ни какое судно къ сему мѣсту пристать не можетъ, а такъ какъ смертные крыльевъ не имѣютъ, то и невозможно, чтобы ты былъ человѣкъ. При томъ же обитатели сего острова, стражи замка горести, недремлющимъ окомъ охраняютъ сіе жилище; и для меня невѣроятно, чтобы простой смертный могъ достигнуть сего мѣста.

Гуакъ изъ словъ супруги своей заключилъ, что она не узнаетъ его. Тогда началъ поступать съ нею осторожнѣе, чтобъ поспѣшнымъ объявленіемъ о себѣ не привесть ее въ обморокъ, ибо отъ чрезмѣрной радости приключается смерть. Онъ отвѣчалъ ей: Принцесса Амазонская, искусство и хитрость человѣческая доходятъ иногда до чрезвычайныхъ и невѣроятныхъ дѣлъ; но я болѣе твоего удивляюсь. за что ты терпишь столь жестокое и нестерпимое наказаніе?—Я и сама не знаю, отвѣчала Велеума. боги столь не милосерды и жестоки, что власть свою употребляютъ по прихотямъ; стоны и вопли несчастныхъ ни мало ихъ не трогаютъ; а мы ослѣпленные и до сихъ поръ еще покоряемся власти ихъ неправосудія.—Несчастная страдалица, говоритъ ей Гуакъ съ наполненными слезъ глазами, боги всегда правосудны и милосерды; несчастіе же сіе тобою претерпѣваемое происходитъ отъ мужа твоего, который вступилъ въ бракъ безъ воли своихъ родителей.

Гуакъ подымаетъ ее. беретъ за руку, выводитъ изъ замка горести, и подведя къ фонтану, окропляетъ житвотворною водою. Вдругъ является прежняя ея красота, блѣдныя щеки покрылись алымъ румянцемъ, посинѣлыя губы приняли цвѣтъ малины, по всему лицу распустились лиліи, глаза заблистали, память и разумъ возвращаются, она узнаетъ своего супруга, простираетъ къ нему трепещущія объятія, отъ великой печали переходитъ къ радости, и въ изнеможеніи силъ, повергается на грудь Гуакову и говоритъ: ты ли это [illegible]

нѣйшій, дражайшій мой супругъ? тебя ли я прижимаю къ трепещущей груди моей? не мечта ли это? Ахъ! если это очарованіе, то помедли измѣнятся, дай насладиться вполнѣ радостію свиданія.

Любезная супруга восклицаетъ Князь Флоридскій, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ, узнай во мнѣ супруга твоего это не мечта, не очарованіе. Послѣ взаимныхъ объятій, поцѣлуевъ и нѣжностей, Гуакъ въ короткихъ словахъ разсказываетъ ей все случившееся во время пятилѣтней ихъ разлуки. Велеума весьма обрадовалась, узнавши, что погибла злобная Зевеса, которая содержала ее въ замкѣ горести; надъ прахомъ же волшебника Жеонго пролила слезы признательности и благодарности. Послѣ сего садятся они на крылатыхъ коней, стоящихъ близъ фонтана, и летятъ съ быстротою молніи къ морскому берегу, гдѣ вмѣсто судна ожидали ихъ дельфины, которые, почувствовавъ на себѣ сѣдоковъ, поплыли чрезъ пучину Еѳіопскую къ тому острову, гдѣ стояло судно ожидающее Жеонго и Гуака. Велеума удивляется, что и самые дельфины Гуаку повинуются. Князь Флоридскій изъясняетъ ей, что крылатые кони и дельфины покоряются талисманамъ волшебниковымъ коими онъ теперь владаетъ послѣ его смерти. Переплывши пучину Еѳіопскую, достигаютъ они морскаго берега того острова, гдѣ находилось судно во всей готовности. Гуакъ показываетъ кормчему шлемъ, въ которомъ хранился прахъ волшебника, и разсказываетъ ему о смерти друга своего. Сей вѣрный служитель проливаетъ горькія слезы о по-

терѣ любезнаго своего господина, и видя на Князѣ Флоридскомъ всѣ талисманы Жеонго, безпрекословно во всемъ ему повинуется. Гуакъ сѣвши въ судно съ своею супругою отправляется во владѣнія Жеонго. Прибывши къ сему острову выходятъ они на берегъ, гдѣ встрѣчаютъ ихъ двѣнадцать богатырей и прекрасная свита Жеонго, состоящая изъ прелестныхъ юношей: но встрѣча произвела различное дѣйствіе; богатыри радуются, видя своего государя, а юноши проливаютъ, источники слезъ, узнавъ о смерти своего владѣтеля. Гуакъ показываетъ жителямъ острова всѣ талисманы Жеонго и объявляетъ его послѣднее завѣщаніе. Тогда всѣ подданные волшебника, признавъ Гуака достойнымъ управлять ихъ островомъ, провозгласили его своимъ владѣльцемъ.

Гуакъ, проведя тутъ довольное время въ разсматриваніи различныхъ и удивительныхъ вещей, опять садится на судно съ Велеумою, богатырями юношами и новою гвардіею, избраннаго имъ изъ дикаго испольнскаго народа обитавшаго въ бывшимъ Зевесиномъ владѣніи, отправляется въ Амазонское государство, котораго чрезъ нѣсколько дней достигаютъ благополучно.

Кто можетъ подробно описать радость и восхищеніе Велеумы, когда она увидѣла свое отечество? Она то смѣялась, то плакала и съ горячностію обнимала своего милаго супруга. Флоридскій Князь отправляетъ немедленно шестерыхъ богатырей увѣдомить Бельгама, что Гуакъ и Велеума благополучно прибыли въ Амазонское государство. Когда

сіи радостные вѣстники явились къ Королю съ симъ пріятнымъ извѣстіемъ, тогда Государь услышавъ сіе, отъ радости почти лишается чувствъ; онъ призываетъ Великаго Визиря и повелѣваетъ ему со всевозможною скоростію отправить лучшихъ лошадей къ пристани Амазонской; вслѣдъ за симъ отправляется самъ, забывши старость свою, со всею свитою встрѣтить зятя и любезную дочь. Бельгамъ приближается къ пристани, и на встрѣчу ему идутъ Гуакъ и Велеума; настаетъ радостный часъ свиданія послѣ пятилѣтней разлуки.

Когда прошли минуты первыхъ восторговъ, когда порывы восхищенныхъ сердецъ нѣсколько утихли, тогда всѣ отъ пристани отправляются къ предмѣстію столицы Амазонской, гдѣ для нихъ все было уже приготовлено. Прибывши во дворецъ, находящійся въ семъ предмѣстіи, въ которомъ рѣшились остаться до другаго дня, дабы приготовясь вступить въ столицу съ торжествомъ и церемоніею. Между многими разговорами Король Амазонскій проситъ Гуака разсказать ему о всемъ случившемся съ нимъ во время пятилѣтняго странствованія. Князь Флоридскій, повинуясь тестю своему подробно разсказалъ обо всемъ до самаго прибытія въ Амазонское королевство. Бельгамъ, слушалъ повѣствованіе зятя своего, удивлялся и восхищался его храбростію и геройствомъ, благодаря боговъ покровительствующихъ Гуаку.

На другой день, когда солнце во всемъ своемъ блескѣ и величіи явилось на востокѣ, началось церемоніальное шествіе. Крыши домовъ унизаны

были народомъ а улицы такъ стѣснились что церемонія не могла подвигаться впередъ. Выѣхавъ въ городъ, вся церемонія шествовала къ Юпитерову храму; верховный жрецъ со всѣми жрецами въ бѣлыхъ одеждахъ втрѣтили высокихъ особъ въ предверіи храма и запѣли гимны въ честь Юпитера. Семь дней торжествовала столица Амазонская, по благополучнымъ возвращеніи Гуака и Велеумы.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Флоридскій Князь объявляетъ Бельгаму и любезной своей [illegible] что онъ намѣренъ отправиться въ свое [illegible] обрадовать престарѣлыхъ своихъ родите[illegible] Амазонскій старается удержать лю[illegible] зятя хотя на короткое время, онъ [illegible] главу его корону и вручаетъ ски[illegible]тва Амазонскаго, но и тѣмъ не мо[illegible] удержать при себѣ.

[illegible] день послѣ коронованія. новый сей[illegible] Амазонскій призываетъ любезнаго свое[illegible] приказываетъ ему готовить великолѣпн[illegible] когда было приготовлено все нужно[illegible] съ Бельгамомъ, отправился со св[illegible] и свитою въ свое отечество, и бла[illegible] достигаетъ столицы Флоридской.

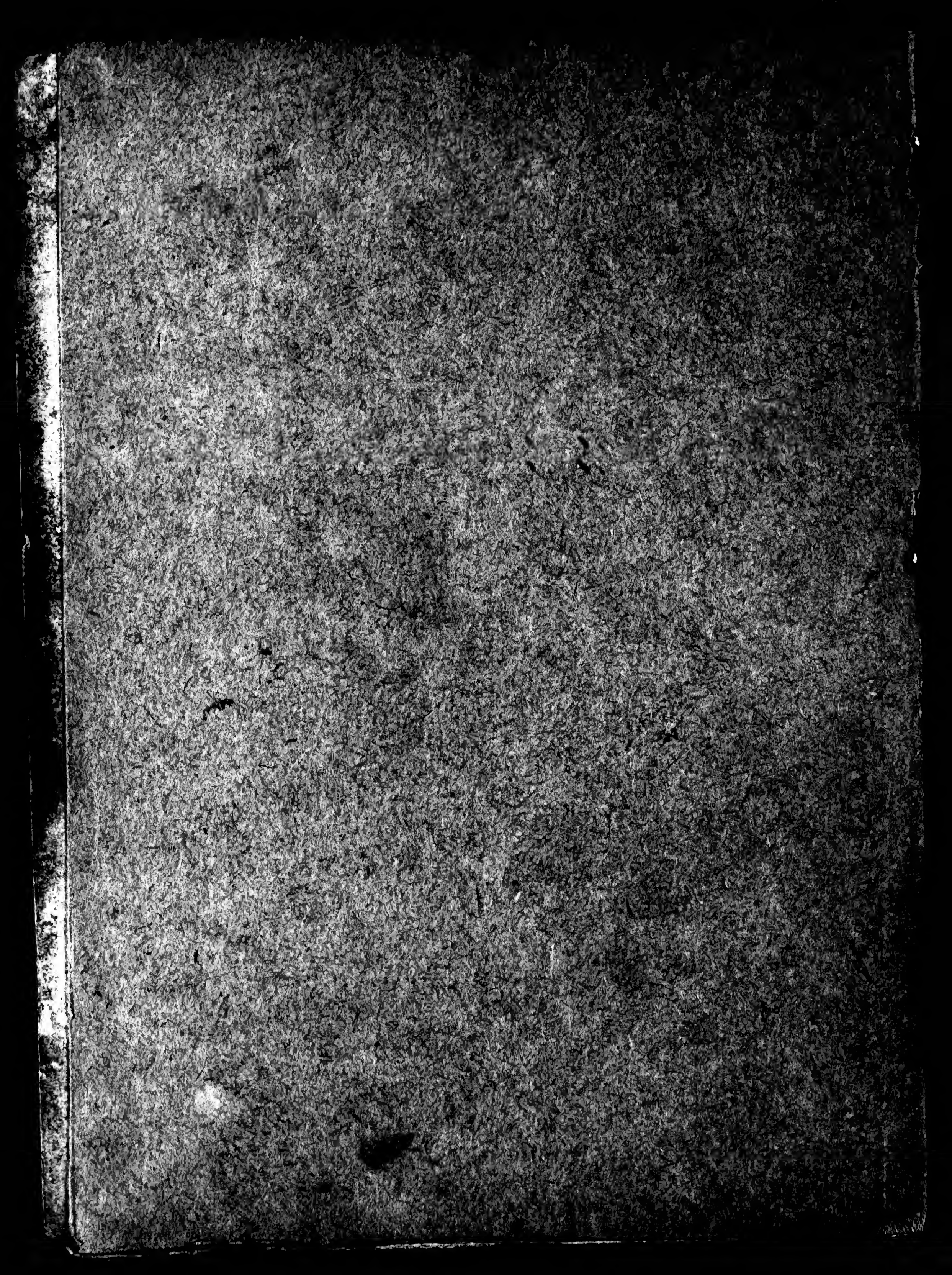
[illegible] узналъ Гуалихъ о прибытіи любезнаго сына своего, приходитъ въ восхищеніе и посылаетъ весь придворный штатъ на встрѣчу ему. Гуакъ вступаетъ въ столицу Флоридскую такимъ же порядкомъ, какимъ вступалъ въ столицу Амазонскую. Венценосный старецъ встрѣчаетъ сына

своего на крыльцѣ дворцовомъ съ супругою своею Рефудою. Гуакъ падаетъ предъ ними на колѣни и представляетъ имъ дрожайшую супругу свою. Князь и Княгиня заключаютъ въ объятія сына, и невѣстку, и обливаютъ ихъ радостными слезами; на всѣхъ лицахъ написано было удовольствіе. Кажется Гуилихъ и Рефуда опять помолодѣли.

Гуакъ, оставшись въ своемъ отечествѣ, съ любезною и милою супругою, принялъ бразды правленія Княжества Флоридскаго; онъ управля[illegible] мудро и благоразумно, подданные его об[illegible] сосѣдственные государи любили и у[illegible] трепетали его могущества. И б[illegible] леума въ счастіи и благополучіи, [illegible] и оставили по себѣ многочисленное [illegible]

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ [illegible]

45

